

УДК 32.001 ББК 66.0 Л47

Серия «Philosophy»

Mark Leonard WHY EUROPE WILL RUN THE 21st CENTURY

Перевод с английского Т. Банкетовой. Серийное оформление А. Кудрявцева. Компьютерный дизайн В. Воронина.

Печатается с разрешения HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Synopsis.

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 21.06.06.

Формат 84X108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 13,44. Тираж 3000 экз. Заказ 1931.

Книга подготовлена издательством «Мидгард» (Санкт-Петербург)

Леонард, М.

Л47 XXI век — век Европы / Марк Леонард; пер. с англ. Т. Банкетовой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА:

ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 250, [6] с.—(Philosophy).

ISBN 5-17-036896-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-2280-X (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9762-0163-6 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Марк Леонард, один из наиболее прозрачных британских политологов, аргументированно доказывает, что Европа в состоянии

изменить мир в соответствии со своими собственными взглядами.

Европа выглядит умирающей, только если смотреть на нее с позиции Америки. Но американское влияние в мире слишком поверхностно. Европейское влияние, напротив, всеохватно и глубоко и проникает от Албании до Замбии. Оно втягивает другие страны в свою орбиту быстрее, чем те успевают осознать это, и, попав в зону действия европейских законов и порядков, они меняются навсегда.

Эта книга бросает вызов, предлагая прекратить считать ЕС источником бюрократической и законодательной путаницы, но увидеть в ней революционную модель будущего мира.

УДК 32.001 ББК 66.0

ISBN 985-13-8530-1 (ООО «Харвест»)

© Mark Leonard, 2005

© Перевод. Т. Банкетова, 2006

© ООО «Издательство АСТ», 2006

Посвящается Диду, Ирэн, Мириам и Габриэль

ВВЕДЕНИЕ

СИЛА СЛАБОСТИ

И СЛАБОСТЬ СИЛЫ:

ПОЧЕМУ XXI ВЕК БУДЕТ

ВЕКОМ ЕВРОПЫ

Посреди Пенсильвания-авеню в Вашингтоне, на контейнере из-под молока сидит женщина средних лет с обветренным лицом и копной темных волос. Окруженная написанными от руки плакатами, призывающими к ядерному разоружению, Консепсьон Пиччиотто раздает свои небрежно напечатанные листовки любому прохожему, который остановится послушать ее. Уже двадцать один год эта удивительная женщина круглосуточно несет свою вахту у Белого дома, позволяя себе спать в сидячем положении всего три часа за ночь, чтобы не нарушить строгие законы о бродяжничестве, действующие в штате

Леонард Марк

Колумбия. Невозможно оставаться равнодушным при виде ее убежденности и твердых нравственных принципов; но так же невозможно не испытывать горечи при мысли о тщетности дела, отнявшего у нее лучшие годы жизни.

Большинство американцев без труда догадываются, что Консепсьон родом из Европы. Они считают, что вера европейцев в международные организации и нормы международного права, как и вера Консепсьон в возможность мира во всем мире, — это слабость и наивность, заблуждение, то есть роскошь, которую Америка после 11 сентября уже не может себе позволить. Для многих Консепсьон выглядит как живое воплощение европейского настроя: бездельница, привыкшая пользоваться благами бесплатно, и беспомощная идеалистка. Средства к существованию она получает от американского государства и пользуется защитой вашингтонского департамента полиции, не тратя ни цента на его содержание. И при этом у нее хватает наглости сидеть у ворот Белого дома и выражать недовольство линией поведения, выбранной теми, кто ее содержит и защищает.

Более того, с ней согласились бы и многие европейцы. Согласно общепринятой точке зрения, время Европы пришло и ушло. Отсутствие перспектив развития, разногласия, фанатичная приверженность соблюдению законности, нежелание демонстрировать военную мощь и за-

Б

XXI век — век Европы

косневшая экономика отнюдь не мешают Старому свету противостоять Соединенным Штатам, более влиятельным ныне, чем великий некогда Рим на пике своего могущества, и способным применить силу ради достижения своих целей. Нам говорят, что если американской империи предстоит доминировать в течение следующих пятидесяти лет, то затем эстафету примут китайцы и индусы и во второй половине столетия мир будет принадлежать им. Однако проблема

заключается не в Европе, проблема в нашем устаревшем понимании силы.

СЛАБОСТЬ СИЛЫ

Несмотря на все разговоры об американской империи, последние два года, помимо всего прочего, продемонстрировали ограниченность американского могущества. Экономическое превосходство Америки над остальным миром кануло в лету (в 1950 году ВВП Соединенных Штатов превосходил западноевропейский в 2 раза, а японский — в 5 раз; сегодня ВВП США равен по величине ВВП Европейского союза и превышает ВВП Японии менее чем в два раза¹. Политическое могущество США также идет на убыль (неспособность Америки добиться поддержки европейцев и даже настолько экономически зависимых от США стран, как Мексика и Чили, по-

Леонард Марк

казала, что право сказать «нет» Соединенным Штатам падает в цене). На самом деле американское господство четко выражено только в двух направлениях: первое — способность вести интенсивные войны с применением обычных вооружений и побеждать в них, а второе — повсеместное распространение американской массовой культуры². Джозеф Най охарактеризовал оба эти метода американского самоутверждения как «жесткую» и «мягкую» силы — способность добиваться своего при помощи кнута и пряника³. В настоящее время превосходство в обеих этих сферах влияния все больше обесценивается.

Терроризм и оружие массового уничтожения дают возможность отчаянным и слабым нейтрализовать военную машину сверхдержавы⁴. А постоянные речи администрации Буша о государствах-изгоях, как и военные угрозы в их адрес, фактически провоцируют их к выбору такой тактики действий. К тому же, по мере того как эта администрация становится одержимой «жесткой» силой, она все больше подрывает «мягкую» силу Америки, заменяя представление об Америке-избавительнице страхом перед хаосом, который несет ее война с террором. Как сказал Дэвид Каллео: «В то время как неразборчивая Европа видит мир, в котором все являются потенциальными друзьями, воинственная Америка живет в мире, где каждая независимая

8

XXI век — век Европы

сила является потенциальным врагом»⁵. Парадокс заключается в том, что чем больше эта двулика, как Янус, империя бахвалится своей силой, тем менее она способна достигать своих целей на мировой арене.

Чтобы представить себе процессы XXI века, нам необходима революция в нашем понимании силы. Напыщенная риторика в адрес американской империи упускает из виду тот факт, что область военного и дипломатического влияния США весьма ограничена как вглубь, так и вширь. Одинокостоящая сверхдержава может осуществлять подкуп, запугивание, навязывать свою волю почти повсеместно в мире, но стоит ей отвернуться — и ее власть ослабевает. Сила Европейского союза, напротив, характеризуется широтой охвата и глубиной: попав однажды в сферу его влияния, страны меняются навсегда. В течение пятидесяти лет, находясь под защитой американских мер по обеспечению безопасности, Европа создавала «демократическое сообщество». Европа делала ставку на многообещающие размеры своего рынка, на привлекательность членства в Союзе или сотрудничества с ним, чтобы преобразовывать общественное устройство самых различных государств изнутри. По мере того как Индия, Бразилия, Южная Африка и даже Китай будут развиваться экономически и проявлять себя политически, европейская

модель продемонстрирует им исключи-

Леонард Марк

тельно удобный и многообещающий путь преумножения их благосостояния при одновременном обеспечении их безопасности. И они присоединятся к ЕС в построении «Нового века Европы».

СИЛА СЛАБОСТИ

Если в поисковую систему *Google* в Интернете ввести слова «Европа» и «кризис», появится более четырех миллионов ссылок. Газеты так часто употребляли эти слова вместе, что они стали почти неразделимыми в сознании: за последние пятьдесят лет не проходило ни дня без газетных материалов о европейских разногласиях, неспособности достичь целей, дипломатических спорах, непреходящем ощущении неудачи. Однако историки видят картину совершенно в другом свете, чем журналисты. Они описывают континент, чья внешняя политика является одной из самых успешных в истории. Они говорят нам, что всего лишь за пятьдесят лет война между европейскими державами стала немыслимой, что экономика европейских стран догнала Америку и что Европа помогла преодолеть диктаторский режим целому ряду стран и привела их к демократии.

На карте мира историки очерчивают зону европейского влияния, распространяющуюся

10

XXI век — век Европы

словно синее масляное пятно в бурном море, от западного побережья Ирландии до востока Средиземноморья; от Северного полярного круга до Гибралтарского пролива и затягивающую в свой фарватер все новых членов. А вокруг этой окрашенной в синий цвет территории Европейского союза (на которой проживает свыше 450 миллионов человек) можно выделить еще одну область с населением 385 миллионов человек, имеющую общие сухопутные и морские границы с ЕС. На окружающих эту область территориях проживает еще 900 миллионов человек, теснейшим образом связанных с Европейским союзом торговыми и финансовым сотрудничеством и отношениями взаимопомощи. Эти 2 миллиарда человек (одна треть населения земли) проживают в «Евросфере» — зоне европейского влияния, которая постепенно претерпевает преобразования в русле европейского проекта и перенимает европейские методы ведения дел⁶.

Но поскольку новости нам сообщают журналисты, а не историки, силу Европы часто принимают за слабость. Однако когда такая страна, как Россия, подписывает Киотский протокол о запрете промышленных выбросов веществ, способствующих парниковому эффекту, чтобы уладить отношения с Европейским союзом; когда Польша отказывается от существовавшей десятилетиями практики и вводит конституционную защиту этнических меньшинств, чтобы по-

П

Леонард Марк

лучить разрешение вступить в ЕС; когда исламистское правительство Турции, чтобы не навлечь на себя недовольство Брюсселя, отказывается от предложений своей собственной партии относительно уголовного кодекса, в котором нарушение супружеской верности каралось бы по закону; или администрация правого крыла республиканцев проглатывает горькую пилюлю и обращается к ООН за помощью в отношении Ирака, — тогда нам следует поставить под вопрос наше определение силы и слабости.

Мы можем видеть, что возникла новая сила, мощь которой измеряется не

величиной военного бюджета или превосходством в области высокоточных ракетных технологий. Эта сила действует в течение длительного времени и направлена скорее на преобразование мира, чем на достижение победы в коротких схватках. Сила Европы — это «преобразующая сила»⁷. И когда мы перестанем смотреть на мир глазами американцев, мы сможем увидеть, что каждая составляющая европейской «слабости» на самом деле является гранью ее необычайной «преобразующей силы».

Европа не выставляет напоказ свою мощь и не говорит о «единственно разумной модели прогресса». Вместо этого она, словно «незримая рука», действует, проникая сквозь наружную оболочку традиционных политических структур. Британская палата общин, британские

12

XXI век — век Европы

суды общего права и британские государственные служащие по-прежнему существуют, но все они стали проводниками политики Европейского союза. И это не случайно. Создавая общие стандарты, которые вводятся в действие через национальные институты, Европа может распространять свое влияние, не превращаясь в объект враждебных действий. В то время как каждая компания, посольство и военная база Соединенных Штатов являются мишенью для террористов, умение Европы держаться в тени позволяет ей расширять сферу своего влияния в мире, не провоцируя подобной ситуации. Тот факт, что у ЕС нет единого лидера, а существует целая сеть центров власти, объединенных общей политикой и общими целями, означает, что она может расширять свои границы, охватывая все большее число стран, не рискуя распасться, и продолжать предоставлять своим членам преимущества, обеспечиваемые положением крупнейшего мирового рынка.

В отношениях с другими странами европейцев не интересует классическая геополитика. Они в первую очередь рассматривают другую сторону проблемы: какие ценности поддерживает данное государство? Каковы его конституционная система и законодательная база? Фанатичная приверженность Европы принципу соблюдения законности означает, что она может полностью трансформировать страны, в отношении

Леонард Марк

с которыми вступает, а не просто оказывать поверхностное воздействие на них. США смогли сменить режим в Афганистане, а Европа изменяет все польское общество, начиная с его экономической политики и законов о собственности до внутренних отношений с нацменьшинствами и набора продовольственных продуктов на столах граждан.

Европа изменяет страны не угрозой вторжения в них: самая большая угроза со стороны ЕС — это отказ иметь с ними дело. В то время как Европа принимает самое деятельное участие в восстановлении Сербии и поддерживает ее стремление «реабилитироваться» в качестве европейского государства, США не дают Колумбии подобной надежды на интегрирование посредством международных организаций или структурообразующих фондов, а предлагают ей только временную «поддержку» американских групп военных инструкторов и помощь, а также суровую свободу американского рынка.

Создав крупнейший на планете единый внутренний рынок, Европа стала экономическим гигантом, который, по некоторым оценкам, уже является самым крупным в мире⁸. Однако образцовой европейскую экономику делают ее особен-

ности: сдерживание материального и социального расслоения общества позволяет членам ЕС сократить расходы на борьбу с преступностью и тюрьмы; европейская энергосберегающая эко-

XXI век — век Европы

номика способна защитить их от резких повышений цен на нефть; ее социальная модель обеспечивает людям досуг и время, которое они могут проводить со своими семьями. Европа олицетворяет собой синтез энергии и свободы, которые дает либерализм, со стабильностью и благосостоянием, которые обеспечивает социальная демократия. По мере того как благосостояние человечества будет расти, преодолевая рубеж удовлетворения основных потребностей, таких как утоление голода и сохранение здоровья, европейский образ жизни будет обретать все более притягательную силу.

Европейская модель вдохновляет последователей по всему миру, и они создают собственные сообщества с ближайшими соседними государствами. Этот «эффект регионального домино» изменит наши представления о политике, экономике и даст новое определение силы для XXI века.

ПРОЕКСГ НОВОГО ВЕКА ЕВРОПЫ

Представьте себе мир, в котором царят спокойствие, процветание и демократия. Мир, где малые страны являются такими же суверенными, как и большие. Мир, где значение имеет то, что вы соблюдаете закон, а не то, с кем вы — с нами или против нас; где ваши демократические цен-

14

15

Леонард Марк

ности важнее того, что вы сделали на этой неделе для войны с терроризмом; где при населении всего в 400 тысяч человек можно быть частью самой большой экономической системы в мире. То, что я прошу вас представить себе, и есть «новый век Европы».

Эта книга не является попыткой оправдать все просчеты Европы. Их у нее в избытке: начиная с абсурдности ее общей сельскохозяйственной политики до слабости ее иммиграционной политики; от недостатка напористости на мировой арене до излишнего усердия в разработке стандартов. Но вместе с тем настоящая книга является попыткой защитить Европейский союз от его противников: как от тех, кто старается скрыть поразительные достижения Союза, обвиняя его, зачастую несправедливо, во всевозможных грехах, так и тех, кто во имя дела интеграции Европы хочет превратить Союз в нечто иное — в федеральное государство по американскому образцу. И тем и другим удалось ввергнуть европейцев в уныние. Моя цель — помочь сбросить гнетущие узы пессимизма, охватившего наш континент, пока этот пессимизм не стал сбывающимся пророчеством.

XXI век — век Европы

ГЛАВА!

НЕЗРИМАЯ РУКА ЕВРОПЫ

Когда-то казалось, что будущего не существует, а есть только недавнее прошлое, — залитое кровью, обремененное геноцидом, и так повсюду. С каждой новой концепцией европейского объединения количество погибших становилось все больше: 184 тысячи жертв во франко-прусской войне, 8 миллионов в Первой мировой войне, 40 миллионов во Второй мировой войне¹. Великие

планы и харизма вождей почти уничтожили континент. Чтобы мир мог оправиться, требовалось чудо, но Европа не могла заставить себя снова поверить в романтических героев-лидеров. Французский поэт Поль Валери сумел уловить и в нескольких словах выразить состояние Европы в 1945 году: «Наши надежды туманны, наши страхи вполне определены»².

Именно поэтому легендарное избавление Европы от этой исторической

17

Леонард Марк

ситуации возглавили не великие герои войны, не люди, подобные Черчиллю или де Голлю, вдохновлявшим нацию на борьбу, а группа почти не известных технократов, задавшихся целью устранить оружие из будущего Европы. Ключевой фигурой был Жан Монне, маленький, невзрачный, приземистый французский чиновник, который неизменно напоминал журналисту Энтони Сэмпсону героя романов Агаты Кристи Эркюля Пуаро.

Вклад Монне заключался в четком представлении о том, что никому не следует иметь далеко идущих планов и как именно можно осуществить сотрудничество на этой основе. Он воспользовался наблюдением Валери и сделал его лозунгом, определившим организационную структуру Европы. Он дал возможность боязни конфликтов стать движущей силой европейской консолидации и оставил неопределенными цели этой консолидации, позволив каждому полагать, что Европа идет его путем. И до сегодняшнего дня Европа — это путь, не имеющий конечного пункта назначения, политическая система, избегающая грандиозных планов и конкретного определения ожидаемых результатов, что так характерно для американской политики. Отсутствие у Европы далеко идущих планов служит ключом к пониманию ее силы.

Первым принципом Монне было избегать программ. «Декларация Шумана», подписан-

18

XXI век — век Европы

ная Францией и Германией в 1950 году и положившая начало проекту европейского строительства, сделала отсутствие планов главным принципом: «Общая Европа не будет построена сразу или по единому генеральному плану. Она будет строиться посредством конкретных достижений, которые сначала будут создавать солидарность *de facto*»³. Монне работал в злополучной Лиге Наций после Первой мировой войны и понимал, что необходимо начинать с конкретных форм сотрудничества, а не с иллюзорной идеи международного сообщества. Он старался связать Францию и Германию путем объединения производства угля и стали: промышленность, создававшая средства ведения войны, теперь должна была заложить основы мира. Монне всегда придерживался тактики сосредоточения внимания на технических деталях, а не на важных политических вопросах, к которым тяготеют заголовки газет. Он старался разрешать спорные вопросы разбивая их на составные части — намного легче достичь соглашения по тарифам на уголь и сталь, чем по вопросам войны и мира. И поскольку правительства Франции и Германии оказались втянуты в бесконечные переговоры, вероятность того, что они начнут воевать, уменьшилась.

Лучшим способом в корне изменить реальное положение дел оказалось постепенное измене-

19

Леонард Марк

ние — то, что Монне называл «engrenage»*. Каждое соглашение о сотрудничестве на европейском уровне неизбежно должно было привести к еще одному соглашению, углублявшему европейскую интеграцию. Когда европейские лидеры договорились об отмене тарифов, в центре их внимания оказались барьеры нетарифные, такие как нормативно-правовое регулирование, нормы в области здравоохранения и техники безопасности, квалификационные требования. Когда вопросы по многим нетарифным барьерам были решены путем создания единого рынка, европейские лидеры сосредоточили свое внимание на единой валюте. Теперь все более и более широкие круги политиков и должностных лиц были заинтересованы в европейской интеграции. Проводились тысячи встреч между представителями правительств разных стран, что, попросту говоря, означало, что они очень хорошо узнали друг друга. Теперь они уже сами стали думать о таких вещах, которые могли бы делать вместе.

Своеобразные методы работы Монне послужили образцом, по которому стала вестись работа Европейского союза. Стэнли Кливленд, один из учеников Монне, так описывает его метод:

Зубчатая передача (*фр.*). — Здесь и далее знаком «*» отмечены примечания переводчика.

20

XXI век — век Европы

Всякий раз, когда Монне брался за решение новой проблемы, он собирал вокруг себя группу людей... Он начинал своего рода бесконечный Kaffeeklatsch*. Иногда это могло продолжаться одну-две недели - по многу часов в день... Монне молчал, лишь изредка провоцируя реакцию собеседников, но чаще был немногословен... И только по мере того как обсуждение развивалось, - а на это нередко уходило несколько дней или даже неделя, - он начинал позволять себе небольшие высказывания⁴.

Монне начинал с какого-нибудь очень простого утверждения, почти что лозунга, чтобы посмотреть на реакцию своих собеседников. Затем он немного больше приоткрывал свои мысли, так что из лозунга получалось несколько предложений, а затем пара абзацев. Когда его собеседники возражали и говорили ему, что именно в сказанном было не так, он формулировал свои идеи заново и делал это до тех пор, пока они не становились приемлемыми для всех участников дискуссии. Монне, бывало, составлял до тридцати проектов какого-нибудь меморандума, речи или предложения. Это постоянное многократное исправление имело ту же цель, что и происходящий сегодня в ЕС нескончаемый процесс формирования политики, переговоров и рассмотрения проблем, а именно:

Разговоры, болтовня за чашкой кофе (*нем.*).

21

Леонард Марк

устранить все возможные конфликты или препятствия, связанные с обсуждаемым вопросом. В результате сложная идея получала предельно простое выражение.

То, что создал Монне, было механизмом политической алхимии. Каждая страна следовала своим национальным интересам, но, когда интересы разных государств попадали в черный ящик европейской интеграции, в результате появлялся европейский проект. Для стран Бенилюкса Вторая мировая война с безжалостной отчетливостью выявила их уязвимость перед крупными

державами Европы, поэтому им было необходимо найти способ сдерживания Франции и Германии; но в то же время, будучи малыми европейскими государствами, они могли оказывать действенное влияние только посредством какой-нибудь объединенной межгосударственной системы. Для Германии и в какой-то степени для Италии главной целью была политическая реабилитация и выход из их положения государств-парий. Кроме того, членство в европейском сообществе служило поддержкой против угрозы с Востока и давало возможность избавиться от установленных союзниками рыночных ограничений, препятствовавших доступу к рынкам, необходимым Германии для восстановления. Для Франции сдерживание Германии являлось ключевой целью, подкрепленной перспективой французского экономического

22

XXI век — век Европы

роста, открывавшейся благодаря доступу к рынку и производственным мощностям Германии, — то, что Жак Делор назвал брачным контрактом, на котором было основано ЕЭС⁵.

Все это были расчеты разных национальных интересов, и все же результатом их фильтрации через европейские институты Монне явилось решение проблемы европейских конфликтов⁶. Сегодня война в Европе не просто нежелательна — она немыслима. Основатель либеральной экономики Адам Смит создал выразительный образ «незримой руки» рынка, чтобы объяснить, как система, обладающая совершенной свободой, функционируя под воздействием побудительных стимулов и ограничений человеческой природы, а также разумно устроенных институтов, приведет к возникновению организованного общества, а не к «войне всех против всех»⁷. Во многих отношениях гениальность Монне состояла в создании «незримой руки Европы», благодаря которой из национальных интересов каждой страны складывается организованное европейское общество⁸. И это, возможно, является самым сильным элементом замысла Монне: он не пытался упразднить национальные государства или национализм, он стремился просто изменить их природу путем объединения суверенитетов.

Интегрированная Европа смогла войти в жизнь европейцев без особых проблем

23

Леонард Марк

ря проникновению в существующую структуру национальной жизни, формально не нарушая национальные институты, но внутренне изменяя их. «Европеизация» национальной политической жизни происходила большей частью закулисно, но этой незримости сопутствовал триумф уникального политического эксперимента.

НЕВИДИМАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Вестминстерский дворец, Лондон, четверг, 11.30 утра. Министр сельского хозяйства Маргарет Бекетт готовится отвечать на вопросы — так же, как на протяжении трехсот лет делали ее предшественники. Уже прочитаны обычные молитвы и члены парламента рассаживаются на своих зеленых скамьях за линиями мечей, которые изначально были поставлены для того, чтобы сидящие в зале и на трибуне не могли нападать друг на друга во время выступлений. Члены парламента устали и хотят поскорее отправиться к своим избирателям, поэтому в этот раз призывы «Слушайте, слушайте!» звучат громче и парламентарии размахивают

повестками дня энергичнее, чем обычно.

Церемониал «часа вопросов» за столетия не изменился, но эта видимость преемственности скрывает тот факт, что больше половины бри-

24

XXI век — век Европы

танских законов по сельскому хозяйству созданы для выполнения решений, принятых министрами в Брюсселе⁹. И хотя палата общин может потребовать отчет у Маргарет Бекетт, ключевые решения принимаются не ею одной, — они принимаются в ходе переговоров с ее партнерами на совещаниях министров сельского хозяйства европейских стран и в различных технических комитетах, проводящих заседания от трехсот до четырехсот раз в год¹⁰. Но для посетителя палаты общин или даже для английского фермера ничто не изменилось, поскольку политические меры проводятся в жизнь или ратифицируются не на европейском уровне. Фермер по-прежнему будет иметь дело с министерством сельского хозяйства, государственной таможенной службой и управлением по акцизным сборам, с государственной ветеринарной службой и инспекцией по здравоохранению и технике безопасности, которые стали проводниками европейской политики.

Такая невидимая европеизация власти происходит по всему спектру английской политики. Теперь уже не найдется ни одного национального министерства, представители которого не встречались бы со своими коллегами из других стран на том или ином форуме ЕС, включая министров обороны, транспорта и даже министров внутренних дел. По наиболее точным

25

Леонард Марк

оценкам, до одной трети английских законов и две трети законов в экономической и социальной областях разработаны британскими министрами в Брюсселе совместно с их европейскими коллегами¹¹.

Проникнув в плоть и кровь внутринациональной политики, интегрированная Европа заботится о том, чтобы оставаться в тени. Европейские решения ратифицируются и проводятся в жизнь палатой общин, английскими госслужащими и национальными судами общего права. Поскольку национальные правительства являются представителями европейской власти, Комиссия ЕС может оставаться небольшой и неприметной. Штат Европейской комиссии насчитывает 22 тысячи сотрудников — меньше чем муниципальные советы некоторых крупных городов. Это значит, что на 10 тысяч населения приходится едва одна вторая служащего Комиссии, тогда как в национальных государственных службах на 10 тысяч населения приходится в среднем 300 служащих¹². Некоторые «евро-скептики» пристрасно доказывали, что интегрированная Европа — это замаскированный федералистский проект. На самом деле каждый отдельный шаг был сделан добровольно, обсуждался и был согласован с национальными парламентами. Однако этот проект специально держится в тени, чтобы усилия его создателей были сосредоточены на выработке и осуществ-

26

XXI век — век Европы

лении политики, а не на создании политического имиджа.

Европейский союз скорее усиливает национальную самобытность, а не уничтожает ее. Брюссель, будучи полной противоположностью имперской столицы, во многих отношениях является микрокосмом Европы, отображением и воплощением европейской истории. Он был и театром действий и добычей, участвуя почти во

всех захватнических войнах и политических планах — начиная с Римской империи до Наполеона и Третьего рейха. И сегодня его население, архитектура и идеология представляют собой беспорядочное смешение исторического наследия. Треть населения Брюсселя составляют иностранцы¹³ (при том, что хорошо оплачиваемая, не имеющая корней элита ев-рократов* живет бок о бок с изгоями-иммигрантами, выходцами из прошлого, из бывших европейских империй — марокканцами, конголезцами, руандийцами). Брюссель — это столица страны, где нет истинного чувства национальной самобытности (но есть постоянное соперничество между населяющими ее валлонами** и фламандцами).

* Сотрудники администрации ЕС.

Народ в Бельгии, населяющий южные провинции страны. Численность составляет около 3,9 млн человек.

27

Леонард Марк

Поскольку иностранные специалисты хранят память о родном доме, можно не опасаться, что они натурализуются. Немногие из приехавших в Брюссель еврократов хотя бы пытаются приспособиться к местным условиям. Многие англичане сохраняют связь со своими корнями путем воссоздания Англии в миниатюре. Живя в одной из европейских столиц кулинарии, они заполняют свои буфеты и холодильники расфасованными пакетами с концентратами отечественного производства: концентратом заварного крема фирмы «Бердс», чипсами «Уолкерс», печеными бобами фирмы «Хейнц», сосисками «Уоллс», кремом «Савлон». Но это почти ничто по сравнению с патриотическим пылом греков, которые в свой национальный праздник наряжаются в маскарадные костюмы и проходят с танцами по улицам. Или ирландцами, у которых их знаменитое празднование Дня святого Патрика выплескивается на улицы из десятков ирландских баров, разбросанных по всему городу. Брюссель является воплощением лояльности, давая пристанище и позволяя процветать яркой самобытности разных наций, и служит живым примером крылатого выражения, используемого английской Консервативной партией о том, что надо «быть в Европе, а не под башмаком у нее».

Оставаясь в тени в рамках своих границ и действуя через национальные структуры, интег-

28

XXI век — век Европы

рированная Европа распростерла свои крылья, не вызывая особой враждебности. И поскольку Европа становится силой, с которой приходится считаться на мировой арене, она может продолжать действовать подобным образом. При отправке европейских вооруженных сил в другие регионы военнослужащие редко бывают одеты в европейскую форму. Нередко они служат под флагом НАТО или Организации Объединенных Наций. Там, где Европа установила протектораты, как, например, в Боснии и Косово, ее специальные представители выступают от имени Организации Объединенных Наций, а также Европейского союза.

Сила Европы остается незаметной даже в сфере экономики. По своим масштабам экономика ЕС равна экономике США, имеет сопоставимый с ней уровень капиталовложений в экономику других стран, однако эта экономическая сила — во многих отношениях превосходящая экономическую мощь США — не так сильно бросается в глаза. Антиглобализация представляет собой явление, имеющее почти исключительно антиамериканскую направленность, даже в самих Соединенных

Штатах. Тогда как ее антитеза — глобализация — явление в такой же степени европейское. Вторжение «Макдо-налдса» повсеместно вызывает раздражение поборников национальной экономики и противников глобализации. Все главные объекты ненави-

29

Леонард Марк

ста этого движения — «Старбакс»*, «Гэп»**, «Найк»*** — известны повсюду как американские компании. В некоторых отношениях атака на Всемирный торговый центр демонстрирует это парадоксальное явление — нападение на центр всемирной экономики произошло, конечно же, в Нью-Йорке, поскольку американская экономическая мощь проявляется так нагло. Сопоставимая с ней мощь Европы просто не кажется такой вызывающей.

Это распространяется даже на периодически охватывающий Америку страх перед иностранным экономическим засильем в самих США. 1980-е годы в Соединенных Штатах охарактеризовались истеричным заламыванием рук по поводу роста влияния Японии и ее мнимого захвата командных высот в американской экономике. В наши дни европейские инвестиции в США легко опережают японские капиталовложения, и тем не менее этот факт едва удостоивается упоминания в работах американских исследователей, анализирующих слабость Европы.

* Крупнейшая мировая сеть кофеен.

** Всемирно известная компания, производитель одежды из джинсовых тканей.

*** Компания, лидирующая на рынке спортивной обуви и одежды.

30

XXI век — век Европы

Наиболее явной причиной неприметности европейского присутствия за рубежом является мрачный период европейской колониальной истории, а это значит, что в Европе действительно существует осознанное нежелание перенимать внешние атрибуты империи. Однако и у местных культур существует глубокое основание для такой позиции. Европейская мировоззренческая концепция никогда не ставила целью создать единую модель человеческого прогресса: она готова дать непохожим одна на другую и конкурирующим между собой культурам возможность мирно сосуществовать друг с другом. Это было наглядно продемонстрировано, когда североирландский политик Джон Хьюм был награжден Нобелевской премией мира. В своей благодарственной речи он сказал о Европейском союзе, как о самом успешном в истории мирном процессе.

Европейские провидцы показали, что различие — не угроза, различие естественно... Ответом на различие должно быть уважение к нему... Народы Европы создали институты, уважающие их своеобразие - Совет министров, Европейскую комиссию и Европейский парламент - и позволяющие им работать вместе во имя их общих и фундаментальных экономических интересов¹⁴.

Это различие привело и к неожиданному результату — оно заставило Европейский союз придерживаться своих принципов. Это хорошо

31

Леонард Марк

видно на примере. Когда в 1989 году пала Берлинская стена, не было соглашения о том, какие из бывших коммунистических стран можно принимать в сообщество. А поскольку европейские лидеры не смогли договориться относительно окончательных границ Европейского союза, они решили открыть доступ в него для

любой страны, отвечающей Копенгагенским критериям демократии, правопорядка и экономического либерализма. Подоплекой этого решения было желание исключить возможность приема в Союз некоторых стран. Несколько государств — членов Союза особенно активно стремились использовать это соглашение и поднять планку приема так высоко, чтобы Турция никогда не могла вступить в ЕС. Они рассчитывали добиться этого, установив жесткие критерии в отношении прав человека и уважения к национальным меньшинствам, которые, по их мнению, были заведомо невыполнимыми для кема-листской республики. Однако именно эти критерии побудили Турцию к реформированию и в будущем проложат путь для вступления в Союз современной и демократической Турции (несмотря на то, что многие члены ЕС без энтузиазма относятся к перспективе членства в нем Турции). То же самое произошло с Маастрихтскими критериями конвергенции для Европейского валютного союза, предназначавшимися (по крайней мере, частично) для того, чтобы

32

XXI век — век Европы

держат в напряжении расточительных итальянцев; в результате был положен конец итальянской расточительности, и Италия получила разрешение присоединиться к этому союзу.

Во всех этих случаях государства-участники вели борьбу, чтобы договориться о конечной цели, и прикрывались процессами, отражающими европейские ценности. По иронии судьбы они избрали путь перенесения своих ценностей на европейский уровень, для того чтобы защитить свои интересы на уровне национальном. В результате сложилась странная ситуация, когда государства имеют интересы, но не имеют специфических ценностей, а ЕС имеет ценности, но не имеет интересов. В самом начале Европейского проекта Жан Монне предсказал: «Мы начинаем процесс непрерывных реформ, которые могут определить облик завтрашнего мира на гораздо более длительное время, чем принципы революции, так широко распространенные за пределами Запада»¹⁵. Но поскольку европейский проект в лучшем случае едва лишь достаивается беглого взгляда и скрыт за национальными законодательствами и национальными руководителями, его легко не заметить. Для невооруженного глаза власть никуда не ушла от правительств, которые остаются оплотом законности, и политика продолжает осуществляться традиционными способами. Как ни странно, именно эта незамет-

² М.

33

Леонард Марк

ность позволила европейскому проекту разрастись так широко и быстро, придав ему неумолимую инерцию движения. Объединившись и объединив свои суверенитеты ради достижения общих целей, страны Европейского союза создали на пустом месте новую силу. Начатая ими тихая революция в будущем преобразует мир.

XXI век — век Европы

ГЛАВА 2

«ПОРОЗНЬ МЫ ВЫСТОИМ, ВМЕСТЕ — ПАДЕМ»*

Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год был годом революций. События, начавшиеся в Сорбонне в Париже как протест против устаревших учебных программ и угрозы сокращения числа студентов, вскоре распространились, подобно лесному пожару, по Европе и Соединенным Штатам. Однако волнения не ограничились

одними университетами, Ди Хок, менеджер среднего звена банка Сиэтла, оставивший местный колледж всего после двух лет обучения, начинал свою собственную революцию — революцию, которая могла бы преподавать Европейскому союзу несколько важных уроков. Многие доказывали, что разделяющие Европу грани-

* Перефразированные слова из песни «В единении — сила»: «Вместе мы выстоим, порознь — падем».

35

Леонард Марк

цы останоят небывалый рост ее влияния в мире, однако пример Хока показывает, что можно установить контроль над миром, не создавая централизованной бюрократии.

Путь Хока начался, когда руководство банка назначило его в комитет, занимавшийся разработкой стратегии бизнеса в области кредитных карт банка — «Bankamericard», — переживавших трудные времена. Ситуация была невеселой. Кредитные карты существовали всего десять лет, и в этом новом направлении бизнеса царил хаос. Банки по собственной инициативе обрушили миллионы необеспеченных кредитных карт на публику, не искушенную в вопросах кредитования такого рода. Предполагаемые потери оценивались в сотни миллионов долларов. Владельцы карт становились банкротами, политики были встревожены, а средства массовой информации развернули неистовую кампанию обвинений.

Вместо того чтобы разрабатывать новую стратегию бизнеса, Хок уговорил свое руководство создать новый тип организационной структуры — «Visa». Он поставил целью оставить в стороне компании с иерархической структурой, порожденные промышленной революцией, и создать организационную структуру, основанную на биологических принципах, — сеть. Он хотел создать систему франшизы*, которая охватыва-

Франшиза — право продажи (в данном случае банковского продукта) на льготных условиях.

36

XXI век — век Европы

ла бы весь мир, сохраняя при этом конкуренцию между отдельными банками, что заставляло бы их использовать инновации.

Основным принципом было создание компании, принадлежащей не держателям акций, а их партнерам-учредителям. Компания должна была находиться в вечном владении этих деловых партнеров, но они не могли бы ни купить, ни продать свою часть компании, — это означало бы, что ни один из ее совладельцев не мог установить контроль над всей организацией. Хок хотел создать такую организационную структуру, которая была бы в высшей степени децентрализованной и в то же время обладала высокой степенью взаимодействия.

Полномочия, инициатива, принятие решений, материальные ценности — все, что можно, было выведено на периферию организационной структуры — к членам компании. То, что начиналось всего лишь с горстки небольших банков всего в двенадцати штатах, переросло в организацию, которая в настоящее время находится в собственности более чем 21 тысячи финансовых институтов в 150 странах. Сегодня на долю «Visa» приходится самый крупный единый блок потребительских расходов (2,7 триллиона долларов США ежегодно), «Visa» обслуживает 600 миллионов человек и продолжает расти, при этом темпы роста составляют 22% в год¹. Несмотря на свою огромную экономическую мощь, «Visa» фактически является

«скелетной»

37

Леонард Марк

организацией с очень небольшой центральной администрацией и всего тремя тысячами сотрудников в двадцати одном офисе в разных уголках мира.

Стабильность и успех банковской структуры «Visa» основаны на том, что она предоставляет другим возможность преуспеть. По словам Хока, именно так и должно быть. «Чем лучше организационная структура, тем меньше она заметна, — говорит он. — В "Visa" мы постарались создать невидимую организационную структуру и сохранять ее в таком виде. Заметны должны быть результаты, а не структура или управленческий аппарат»².

СЕТЕВАЯ ЕВРОПА

Хотя Монне был предшественником Ди Хока и выходцем из совершенно другого мира, выдвинутые им принципы имеют удивительное сходство с теми, которые сделали «Visa» одной из наиболее успешных компаний в мировой истории. И пусть очень немногие понимают это, Европейский союз, которому Монне дал жизнь, уже сейчас ближе к структуре «Visa», чем к государству, — он представляет собой децентрализованную сеть, принадлежащую государствам — членам Союза³.

Все это нашло выражение в административном здании Совета Евросоюза. Здание «Юстус

38

XXI век — век Европы

Липсиус» выглядит так, словно оно приземлилось в Брюсселе, прилетев из космического пространства, мраморной пятой стерев с лица земли утонченное благородство окрестностей в стиле ар деко. Отделанное тяжелым серым камнем и отражающим стеклом, это безликое прямоугольное здание занимает около 215 тысяч квадратных метров, окружая гигантский атриум и 24 километра коридоров власти⁴. Как у русской матрешки, наружная коробка здания воспроизводится внутри в бесконечном повторе прямоугольных помещений, в каждом из которых находится прямоугольной формы стол со свободным пространством посередине. На столах все аккуратно подготовлено для проведения европейских переговоров: на них расставлены таблички с названиями двадцати пяти государств — членов Евросоюза, указывающие места их представителей, установлены микрофоны на высоких тонких ножках, лежат блокноты и красные карандаши. Некоторые помещения оборудованы кабинками для переводчиков, осуществляющих перевод с одних языков на другие (всего в Евросоюзе насчитывается двадцать языков). Это здание похоже на фабрику, производящую европейские соглашения. И поскольку ЕС представляет собой скорее сеть, чем государство, переговоры занимают не просто часть рабочего времени — они проводятся круглосуточно и каждый день без исключения. Как и банки,

39

Леонард Марк

в собственности и под контролем которых находится «Visa», национальные правительства определяют программу будущего Европы.

Четыре раза в год под громкие звуки фанфар, в сопровождении широкой информационно-пропагандистской кампании здесь собираются главы правительств всех стран ЕС. В год проводится от 80 до 90 заседаний⁵ различных структур Совета министров, на которых встречаются национальные министры (министры сельского хозяйства, финансов, здравоохранения и т. д.), чтобы

согласовать политику каждый в своей области. Под руководством министров работают группы сотрудников администрации входящих в ЕС стран. Комитет постоянных представителей, состоящий из послов всех стран-участниц, отвечает за согласование 90% законодательных актов Европейского союза⁶. Под руководством Комитета работают десятки «рабочих групп», которые готовят соглашения в каждой отдельной области политики.

Это сложный процесс, но он позволяет каждой входящей в сеть стране или парламенту участвовать в решении вопросов. Но еще до того как решение достигнет магического круга в Брюсселе, национальные парламенты могут поручать своим правительствам придерживаться определенной национальной позиции. После того как решение принято, ему предстоит пройти нелегкий процесс тщательной про-

40

XXI век — век Европы

верки, которую осуществляют 723 члена Европейского парламента, избранные в результате прямых выборов и представляющие граждан 25 стран-участниц⁷.

Наконец, согласованные законодательные акты утверждаются Судом ЕС, состоящим из судей, назначаемых от всех государств-членов, и действующим в качестве верховного суда.

В учебных аудиториях разных уголков мира историки и ученые-политологи пытаются понять и классифицировать Европейский союз. Попытка отгадать, какую страну в конечном итоге будет копировать ЕС, стала обычным академическим развлечением. Будут ли это США — быть может, образца конфедерации 1850-х годов? Или это будет конституционная федеральная демократия типа послевоенной Германии, или швейцарская система, где национальные политические дебаты имеют гораздо меньшее значение, чем местные перипетии и потребности скрытой банковской экономики? Одни предсказывают подавляющее бюрократическое государство по образцу наполеоновского, тогда как другие опасаются, что мы построим политическую систему настолько раздробленную, что она может потерпеть крушение, подобно французской четвертой республике. С особенным нетерпением некоторые американцы ждут объединения Союза, создания федеральной структуры, конституции, четко раз-

41

Леонард Марк

деляющей исполнительную, судебную и законодательную власти, избрания единого президента и предоставления Европарламенту законодательных полномочий, какими наделены национальные парламенты. Одним словом, они ждут «единого телефонного номера»⁸. Однако гениальность Жана Монне состояла в создании политической структуры, совершенно отличной от традиционного национального государства.

Несмотря на то, что некоторые сторонники федерализма до сих пор мечтают о стране под названием Европа и на то, что Европейский союз временами претендует на положение государства с собственными флагом, паспортами и гимном, он коренным образом отличается от государства. Подобно системе «Visa» Союз представляет собой децентрализованную сеть, существующую, чтобы служить государствам-членам. Европейский союз является «скелетной» организацией, оставляющей реальную власть своим участникам, которые отвечают за проведение в жизнь подавляющего большинства мероприятий ЕС и контроль за его дея-

тельностью. Эта принципиально новая структура сделала возможным рост Европейского союза при поддержке его членов. Однако вместе с тем она в корне изменила характер мировой политики.

42

XXI век — век Европы

ПЕРЕВОРОТ В СООТНОШЕНИИ СИЛ

Если мирному XXI веку Европы на пользу послужит мудрость американского банкира, то ужасы первой половины XX века восходят к одному из итальянских банкиров. Речь идет о Ло-ренцо Медичи, семейство которого правило Флоренцией в XV веке. В те времена Флоренция была — наряду с Римом, Неаполем, Венецией и Миланом — одним из пяти городов-государств, занимавших господствующее положение на Апеннинском полуострове. Эти города были необыкновенно богаты и постоянно соперничали между собой: в то время годовой доход Флоренции был больше, чем доход английского короля, а доходы Венеции в два раза превышали доходы Англии и Испании⁹. В 1454 году Франческо Сфорца, герцог Милана, обратился к Ло-ренцо Медичи с предложением союза между двумя государствами. Он хотел объединиться против Венеции, прежде чем она станет слишком сильной. Медичи согласился, но настаивал на том, что они не должны разрушать Венецию, поскольку может наступить день, когда ее сила понадобится, чтобы остановить Рим. В его ответе была одна историческая фраза: «В делах Италии необходимо сохранять баланс». Считается, что он первым ясно сказал о «балансе

43

Леонард Марк

сил», ставшем одним из главных принципов европейского порядка (или беспорядка) на последующие пятьсот лет¹⁰. Система основывалась на механистической идее, согласно которой межгосударственные союзы должны уравнивать влияния различных государств — наподобие весов, использовавшихся банкирами для взвешивания золота, — с тем чтобы ни одно из них не могло доминировать на континенте.

Европейское изобретение малых национальных государств — и системы, не дающей ни одному из них подчинить себе другие, чтобы создать империю, — имело свои плюсы и минусы. Ожесточенная конкуренция между ними побуждала их разрабатывать самые передовые в мире технологии и позволила континенту, пребывавшему в состоянии сонного болота, обогнать империи Востока и добиться мирового господства¹¹. Однако логика паритета сил означала также непрерывные войны: Тридцатилетняя, франко-прусская, Первая мировая, Вторая мировая и холодная войны — все велось с целью не дать ни одной стране возвыситься и добиться господства.

Сейчас в Европе всему этому положен конец. Никто не боится возвышения Германии или Франции, потому что все европейские страны образовали сеть, объединенную законами и нормативно-правовыми актами¹². Не состязание в наращивании арсеналов оружия и не создание региональных союзов, а общая уязвимость,

44

XXI век — век Европы

объединенный суверенитет и прозрачность служат защитой их интересов. Однако за пределами теплого лона Европейского союза логика паритета сил продолжает действовать: между Индией и Пакистаном, на Ближнем Востоке, в Центральной

Азии и на Дальнем Востоке.

Но хотя во всех этих регионах не ослабевает бдительное внимание к сохранению внутреннего равновесия, ни одна из расположенных в них стран не пытается воспрепятствовать возвышению Европы. Более того, Европе даже удалось заменить саму идею баланса сил на ее противоположность. По мере наращивания своей мощи Европа становится все более притягательным магнитом для соседей, которые хотят присоединиться к ней, а не уравновесить ее. Американский специалист по политэкономии Ричард Розенкранц показал, что это первый случай в истории, когда возникновение мощной силы не побудило другие страны объединиться против нее. В замечательном исследовании об образовании империй он показывает, как каждая крупная держава — вначале Испания в XVI веке, Франция, Британия и Соединенные Штаты в XIX веке, а потом Германия, Япония и Советский Союз в XX и США в XXI веке, — все провоцировали соседей к созданию противовеса своему влиянию¹³. Так почему же Европе удалось стать более объединенной и сильной, не вызывая враждебного отношения к себе?

45

Леонард Марк

Одна причина заключается в том, что Европа представляет собой скорее экономическую, чем политическую сверхдержаву. Уолтер Рассел Мид доказывает, что экономическая мощь притягивает людей, тогда как политическая сила порождает враждебность. Он поясняет эту теорию, сравнивая экономическую мощь с насекомоядным растением: «Его сок привлекает насекомых своим приятным ароматом. Но стоит жертве прикоснуться к нему — и она прилипает, ей уже не уйти. Это клейкая сила; так работает экономика»¹⁴. В утверждении о том, что экономическая мощь не вызывает у соседних стран таких страхов, как сила политическая, есть доля истины. Но оно не объясняет, почему Соединенные Штаты, Китай, Россия и Индия относятся к росту европейской экономики с меньшей опаской, чем к экономическому развитию друг друга. Существует целая индустрия внешнеполитических идей США, основанных на необходимости сбалансировать растущую экономическую мощь Китая, даже несмотря на то что, по некоторым оценкам, китайская экономика до сих пор уступает итальянской. В то же время Европейский союз, чья экономика является наиболее развитой в мире, вызывает весьма незначительную озабоченность.

Самое убедительное объяснение дает уникальная природа Европейского союза, представляющего собой скорее сеть, чем государство.

46

XXI век — век Европы

Специалисты по международным отношениям сравнили отношения между государствами с шарами на бильярдном столе. У них твердая поверхность, и они отталкивают друг друга при столкновении. Но если столкнуться с другим государством легко, то с сетью, представляющей собой сплетение разных голосов, столкнуться трудно. Особенность сети — или клуба — заключается в том, что у нее, в отличие от бильярдного шара, нет строго определенного центра, поэтому, когда вы пытаетесь сбалансировать ее влияние, вы нередко оказываетесь втянутыми в процесс взаимодействия с разными ее членами. Наиболее удивительным примером этого стал кризис в Ираке.

ЧУДОВИЩЕ О ДВАДЦАТИ ПЯТИ ГОЛОВАХ

В греческой мифологии найдется мало существ могущественнее гидры — чудовища с телом змеи и девятью головами. Всякий раз, как ей отрубили одну

голову, на ее месте вырастали две другие. Европейский союз, объединяющий много государств-членов, похож на современную гидру, как обнаружил Колин Пауэл, когда попытался создать международную коалицию для вторжения в Ирак. Каждый раз, когда ему удавалось получить согласие одной страны на

47

Леонард Марк

вступление в такую коалицию, выяснялось, что у другой страны все еще оставались сомнения. Сразу после вторжения была распространена точка зрения, что американцы победили, — расколов европейские страны и одержав верх над некоторыми из них, вторгнувшись в Ирак на американских условиях — без мандата Организации Объединенных Наций и против воли большинства жителей Европы. Казалось, все было сказано заголовком, помещенным в газете «Файненшл тайме» от 12 марта 2003 года, когда войска готовились вторгнуться в Ирак: «Европа является первой жертвой войны»¹⁵.

Большинство людей думает, что Ирак стал для Европы катастрофой, и я разделял их огорчение по поводу отрицательных политических последствий этого кризиса. Однако в ретроспективе мы можем видеть, что кризис дал и кое-какие положительные результаты. Европейский проект пережил крушение трансатлантического экспресса, и его многоплановая повестка дня фактически вернулась на круги своя. Хотя на континенте и произошел раскол во мнениях по вопросу о тактике в отношении Соединенных Штатов, все страны ЕС были едины в отношении трех основных целей: необходимости сохранить трансатлантический альянс, восстановить авторитет Организации Объединенных Наций и не допустить, чтобы односторонняя превентивная война была признана нормой. Европе ка-

48

XXI век — век Европы

ким-то образом удалось достичь всех трех целей — не путем создания единого фронта, а связав американцев с соперничающими между собой группировками. Переговоры в преддверии войны напоминали обычное развитие событий во многих голливудских детективах, где «плохой полицейский» запугивает подозреваемого, заставляя его подчиниться, тогда как «хороший полицейский» завоевывает его доверие. В результате такого воздействия с двух сторон им удается заставить его признать свою вину.

В 2003 году казалось, что трансатлантические отношения были на грани разрыва, когда американский министр обороны Доналд Рамс-фелд причислил Германию к «проблемным государствам», таким как Иран и Ливия, а германский министр юстиции сравнил Джорджа У. Бу-ша-младшего с Гитлером. Модный тезис Роберта Кагана о том, что Европа и Соединенные Штаты — это две тектонические плиты, неизбежно удаляющиеся друг от друга, казался неоспоримым¹⁶. Однако в ретроспективе тот факт, что некоторые европейские страны поддерживали войну, означал, что трансатлантические отношения выдержали испытание. До тех пор, пока было Бушу необходимо, чтобы Блэр был рядом с ним, у Америки, по крайней мере, существовал стимул не занимать слишком деструктивную позицию по отношению к политическому проекту, высоко ценимому британским правительством.

49

Леонард Марк

В 1990-е годы Организация Объединенных Наций была отодвинута на задний план и подвергалась насмешкам за свое бессилие перед лицом массовых убийств гражданского населения в Руанде и Сомали, ООН игнорировали в разрешении конфликта в Косово, и она испытывала острую нехватку финансовых инъекций со стороны крупных доноров. Однако в преддверии иракской войны ООН стала местом, где выдвигались и становились достоянием гласности аргументы «за» и «против» войны, а также принимались решения по этому вопросу. Впервые со времен кубинского ракетного кризиса драматические перипетии в Организации Объединенных Наций стали главной темой в средствах массовой информации, и международное общественное мнение поддержало усилия ООН. Сейчас Соединенные Штаты обратились к Организации Объединенных Наций, чтобы придать авторитетность осажденному Правящему совету Ирака, — во времена вторжения такое трудно было бы себе представить.

Но, что самое важное, доктрина превентивной войны, похоже, оказалась погребенной в песках пустыни. В рамках стратегии национальной безопасности США была разработана доктрина войны, которая позволяла им нападать на потенциальных врагов, прежде чем те представят собой прямую угрозу американской безопасности. В своих, наиболее вызывающих высказываниях

50

XXI век — век Европы

неоконсерваторы утверждали, что США могли бы воспользоваться своей победой в Ираке, приведя в действие «демократический эффект домино» в Иране и Сирии. Но политические и экономические расходы на вторжение в Ирак отодвинули возможность осуществление еще одной оккупации на несколько лет. Франция и Германия также затруднили развитие подобного сценария, отказавшись задействовать свои войска в Ираке или -платить за его восстановление.

Этот успех явился прямым результатом европейской организационной структуры. Пока американская администрация проводила свою политику «разделяй и властвуй» и вела сепаратные переговоры с каждой из голов гидры, европейские лидеры наблюдали друг за другом и со-ответственно корректировали свои позиции. Конечно же, за позициями отдельных стран не скрывалось никакого «грандиозного плана», и, когда кризис достиг своего апогея, соперничавшие лагеря почти не вели диалога между собой; но каждое европейское правительство действовало, зная, что делалось в других лагерях. Французы и немцы могли позволить себе занять очень агрессивную позицию только потому, что они знали, что «Новая Европа», возглавляемая Блэром, Аскарсом, Миллером и Берлускони, останется в хороших отношениях с Бушем. Аналогичным образом, Тони Блэр знал, что как бы далеко он ни зашел в поддержке американо-иранских

51

Леонард Марк

действий, эта акция, по всей вероятности, будет носить единичный характер и не повторится в Иране или Сирии ввиду глубины оппозиции во Франции и Германии. Существование у европейских держав такого прочного консенсуса относительно стратегических целей (политики тесного сотрудничества между странами Западной Европы и Соединенными Штатами в рамках Североатлантического договора, поддержки международного права и неприятия односторонней превентивной войны), означало, что и без каких бы то ни было официальных попыток с их стороны скоординировать свои позиции эти

принципы, скорее всего, одержат верх.

У Европейского союза не просто есть «хороший» и «плохой полицейские»: ЕС напоминает целый полицейский корпус, состоящий из хороших и плохих полицейских. Третьи страны всегда смогут найти в европейской системе кого-нибудь, кто с большей симпатией отнесется к их интересам, и это будет способствовать вовлечению их в процесс переговоров, из которого нередко бывает трудно выйти. Тогда «хорошие полицейские» будут частенько прятаться за «плохими полицейскими» в системе ЕС, что позволит им добиться уступок. Например, энтузиазм Англии и Северной Европы в отношении расширения на Восток позволил странам Центральной и Восточной Европы твердо держаться выбранного курса, после того как они встали на

52

XXI век — век Европы

путь болезненных процессов внутренних реформ. В то же время сомнения Франции дали возможность Европейской комиссии добиться от этих стран уступок в ходе длительных переговоров по их вступлению в ЕС. Главное свойство этой динамики «хороший полицейский — плохой полицейский» состоит в том, что, даже несмотря на наличие действительных разногласий, главные цели всех европейских стран имеют одинаковую направленность: приверженность многосторонним действиям; демократия, права человека и соблюдение норм международного права; предпочтение переговоров и развития взаимодействия применению военной силы. Поэтому страны, стремящиеся сравнить между собой европейские государства, как правило, оказываются вынужденными вернуться к этим основным принципам.

Однако, невзирая на все эти успехи, многие «евроэнтузиасты» не являются сторонниками «сетевой Европы». Даже признавая, что сеть выгодна с точки зрения экономической политики, потому что, подобно системе «Visa», дает своим участникам доступ к преимуществам крупномасштабной экономики, не устраняя конкуренции, стимулирующей использование инноваций, многие аналитики отмечают, что она бесперспективна с точки зрения внешней политики. Однако, как мы видели, развитие «сетевой Европы» парадоксальным образом позво-

53

Леонард Марк

лило ЕС стать силой мирового масштаба, с которой приходится считаться, которая не просто положила конец политике уравнивания сил на своей территории, но коренным образом изменила представление об их соотношении. Образование «сетевой Европы» не было результатом сознательного плана. Она возникла в результате шаткого перемирия между традиционными представлениями о европейском сверхгосударстве и европейской зоне свободной торговли, но при этом ни одному из этих представлений не удалось получить единодушную поддержку. И никогда не удастся. В процессе будущего развития Европы мы должны научиться использовать и преобразовывать в своих интересах ее уникальную организационную структуру.

Разумеется, нам необходимо научиться лучше устранять разногласия внутри Европы. Расхождения по Ираку нанесли глубокие раны, но нельзя допускать, чтобы ЕС разрывался на части всякий раз, когда возникает серьезная меж-

дународная проблема. Один из уроков иракской войны заключается в том, что европейцы могут иметь больше влияния, если они выработают общую позицию до того, как разразится кризис, — как они сделали в отношении Ирана. Однако мы должны признать, что возможность сохранения разных точек зрения является скорее сильной стороной, чем слабой, и что Евросоюз обладает достаточно прочной структурой,

54

XXI век — век Европы

чтобы в нем могли существовать крупномасштабные противоречия. Коль скоро не удастся добиться успеха с первого раза, то следует воспользоваться советом Сэмюэла Бекетта: «Если уж суждено упасть, упади снова, но упади лучше». Гениальность Европы состоит в том, что она продолжает попытки. И из каждой неудачи она выходит более сильной.

Леонард Марк

ГЛАВА 3

ОРУЖИЕ ЕВРОПЫ — ЗАКОН

В начале 2003 года благообразное лицо Ханса Бликса стало невероятно часто появляться на экранах наших телевизоров и на страницах наших газет. Этот лысеющий бывший дипломат благодаря его инспекциям по вооружениям стал олицетворением надежды на мир. Другой ключевой фигурой в те напряженные месяцы был исполненный кипучей энергии американский министр обороны Доналд Рамсфелд. Бывший чемпион по борьбе обещал сломить волю Ирака, не полагаясь на проверки, а используя доктрину «шока и трепета», чтобы путем устрашения заставить Ирак подчиниться.

Конфликт вышел за рамки ситуации в Ираке. Эти два человека стали воплощением двух разных мировоззрений: позиция Организации Объединенных Наций, отдававшей

XXI век — век Европы

56

предпочтение инспекциям, явилась альтернативой пиротехнической мощи военной машины Соединенных Штатов. Тут один предлагал сдерживать Ирак посредством впечатляющих демонстраций силы, а другой — путем постоянного контроля над ним.

К сожалению, и демонстрация, и контроль были проявлением бессилия, так как оба варианта были попыткой контролировать Ирак извне. В отличие от преобразующей силы Европы, изменяющей страны навсегда, внешнее международное давление может быть эффективным только в момент кризиса и требует огромных ресурсов.

Но стоит только появиться другим темам на политической арене и в сфере внимания СМИ, как неразрешенные проблемы возвращаются.

Администрация Буша использовала кризис в Ираке, чтобы показать, что маниакальная приверженность Европы международному праву является признаком ее крайней слабости. Американская администрация изображает Европу в виде современного Прометея, связанного путами бюрократии и находящегося во власти терзающих его хищников. Но что же превратило Европу из рассадника мировых войн в проводника мира и демократии? Ответ прост: международное право. Закон — вот оружие, избранное Европой в ее кампании по преобразованию мира.

57

Леонард Марк

СИЛА В ВИДЕ ДЕМОНСТРАЦИИ

Известное изречение Макиавелли гласит, что лучше, чтобы вас боялись, чем любили. Однако тот же Макиавелли предупреждал, что жизненно важно не вызывать ненависти. Дональд Рамсфелд проигнорировал вторую часть этого наказа, отдав Пентагону приказ применить на практике концепцию «шока и трепета». Доклад Университета национальной обороны США, который ввел в оборот это выражение, содержал призыв к таким крупномасштабным демонстрациям силы, которые сломили бы волю врагов Америки к борьбе подобно тому, как во Вторую мировую войну это произошло с японскими солдатами, когда на Хиросиму и Нагасаки была сброшена атомная бомба¹. В эпоху террора Рамсфелд и его коллеги рассчитывали бить противников их же оружием. Они готовы были применить насилие не ради достижения конкретных целей, как, например, для завоевания города или разрушения военного завода, а как самоцель, — как инструмент, призванный заставить «тиранов и террористов» во всем мире соблюдать порядок. Это было частью более широкой стратегии в отношении мира после 11 сентября — мира, в котором террористы могли добыть оружие массового уничтожения в «странах оси зла». Нанесение упреждающих ударов должно было по-

58

XXI век — век Европы

мочь восстановить эффективность сдерживания путем устрашения, наглядно демонстрируя, что США жестоко покарают любое государство, которое вздумает поделиться разрушительными технологиями с террористами. Рамсфелд надеялся использовать пример Ирака в качестве «послания» Ирану, Сирии, Северной Корее и любой другой стране, намеревающейся обзавестись атомным оружием массового уничтожения.

Использование грубой силы в качестве предупреждения не ново. Но в наши дни эта идея демонстрации силы может быть усовершенствована с помощью технологий XXI века: гигантских бомб для расчистки территории «daisy cutter», бомб «bunker-busting» для уничтожения подземных бункеров, эскадрилий самолетов F16 и тому подобного. Проблема столь впечатляющего применения силы заключается в том, что устрашение действует недолго. Правители прошлого сталкивались с необходимостью прибегать ко все более жестким мерам, применяя все более страшные экзекуции и иные демонстрации своего могущества, как, например, чудовищная казнь Робера Франсуа Дамьена, который был четвертован пущенными вскачь лошадьми за предпринятую в 1757 году попытку убийства французского короля Людовика XV. Однако даже если удастся поддерживать страх, это требует все больших затрат и в конечном счете приводит к обратным результатам, так как

59

Леонард Марк

вызывает возмущение у тех, кем хотели таким образом управлять.

Именно это и произошло с Ираком. С 1991 по 2003 год почти ежемесячно устраивались демонстрации огневой мощи, с тем чтобы держать режим в напряжении. А когда показалось, что это перестает действовать, логика избранной союзниками позиции заставила их в 2003 году вторгнуться в Ирак.

Первоначальные результаты были успешными. Саддам был свергнут, а на Иран, Сирию и Ливию грубая сила вторжения поначалу подействовала устрашающе. Но вскоре впечатление сгладилось. Режимам Тегерана и Дамаска придает смелости уже тот факт, что 130-тысячный контингент американских войск увяз в Ираке. А поскольку продолжающееся присутствие иностранных войск провоцирует

выступления сил сопротивления, режимы Сирии и Ирана с облегчением наблюдают, как потенциально популярная освободительная война превращается в непопулярную и кровавую оккупацию.

Роковой недостаток политики демонстрации силы заключается в том, что она носит по преимуществу разрушительный характер. Она может заставить людей перестать творить зло, но это плохой способ для построения высокоорганизованного общества и управления им. При вторжении союзнических войск в Афганистан режим талибов был свергнут без особых уси-

XXI век — век Европы

лий, но союзники не перестроили основ функционирования власти в Афганистане. Несмотря на видимость демократии, скрытое за ней реальное положение дел — правление военачальников, коррупция и кумовство — остается без изменений. Как с иронией выразился один американский солдат: «Мы думали, что купили Северный альянс, а оказывается, мы наняли его». Как только внимание сверхдержавы было отвлечено войной в Ираке, ее сила, направленная на преобразование Афганской республики, стала ослабевать.

Этот вид силы неэффективен, так как он всегда навязывается извне не желающим того гражданам, взамен того чтобы менять систему связей в обществе изнутри. Именно это заставило современные общества перейти от использования демонстрации силы к контролю.

СИЛА КОНТРОЛЯ

Французский философ Мишель Фуко показал, как, начиная с XIX века, развитые общества переходили от политики, основанной главным образом на устрашении посредством видимых проявлений могущества, к обеспечению порядка путем отслеживания потенциальных субъектов власти, используя нормативно-правовое регулирование, официальные газеты, системы скрыто-

61

Леонард Марк

го наблюдения и тюрьмы. Фуко утверждает, что переход от демонстрации к контролю позволил охватить полицейским надзором современные общества, затрачивая при этом лишь часть того, что расходовалось на эти цели при «старом порядке». Ключом к этому послужило создание способов систематизированных регистрации и мониторинга поведения граждан: разработки графиков и расписаний, идентификационных карточек, фотографий, медицинской документации и законодательных актов.

Инспекции ООН по вооружениям 'были созданы потому, что военная мощь — вещь дорогостоящая и на самом деле недолговечная. Добившись, чтобы международное сообщество следило за соблюдением Ираком договоров, подписанных самим Саддамом Хусейном, ООН полагала, что обрела законное право изменить Ирак. А направляя Ханса Бликса и Мохаммеда аль-Барадеи для тройной проверки каждой иракской жалобы, ООН знала, что ей не придется верить Саддаму на слово. Инспекции по вооружениям являются прямой противоположностью демонстрации силы, поскольку в центре внимания находится не Блике и его команда, а поведение иракского режима и проверяемые объекты. Это и есть сила в виде контроля.

Более того, этот механизм работал, по крайней мере какой-то период. В ретроспективе мы можем видеть, что в то время как английские и

62

XXI век — век Европы

американские службы безопасности обнаружили непонимание происходящих в Ираке процессов, инспекторы ООН по вооружениям правильно оценили ситуацию. С 1991 по 1998 год инспекторы уничтожили почти все химическое и биологическое оружие Ирака, а также выявили тайные сделки Ирака с более чем пятьюстами компаниями более чем из сорока стран. За четыре месяца, в течение которых инспекторы должны были проверить жалобы Ирака до начала войны, им удалось узнать больше, чем всем спецслужбам мира².

Однако политика ООН по контролю в Ираке все же зависела от угрозы применения силы со стороны США. Без первого вторжения в Ирак в 1991 году специальные комиссии ООН никогда бы не были допущены в эту страну. А без угрозы второго вторжения Ханс Бликке никогда бы не получил полномочий потребовать у иракцев отчета. Проблема модели, используемой ООН, заключается в том, что она заменяет угрозу применения силы извне угрозой контроля извне. При том, что отправка инспекторов предпочтительнее бомбардировок, эти инспекторы все равно не могут изменить сущность режима и, что более важно, не могут изменить природу общества.

Подлинное озарение Фуко состояло в том, что эффективность применения силы меньше зависит от наличия военной мощи или техно-

БЗ

Леонард Марк

логии сдерживания посредством устрашения, чем от установления правопорядка путем всеобщего приобщения к соблюдению установленных правовых норм. По его образному определению, возникновение «общества контроля» — это тюрьма, именуемая «Паноптикум», изобретенная эксцентричным основателем философии утилитаризма Иеремией Бентамом. По проекту Бентама тюрьма представляла собой круглое здание с камерами открытого типа, расположенными вокруг центральной колонны, где мог бы находиться надзиратель. Надзиратель сидит за односторонне направленными жалюзи, так что он может видеть, что происходит в камерах, тогда как заключенные видеть его не могут. В любой момент надзиратель может смотреть или не смотреть на конкретную камеру, поэтому заключенные должны предполагать, что они все время находятся под наблюдением. Другими словами, даже если надзиратель не смотрит на заключенных, они должны вести себя так, как если бы он наблюдал за ними. Таким образом, большая тюрьма с десятками камер может находиться под надзором одного-единственного надзирателя. Каждый заключенный фактически становится своим собственным тюремщиком, осуществляющим надзор за самим собой³.

Однако инспекции в Ираке не были похожи на надзор в «Паноптикуме». Эти мероприятия с

64

XXI век — век Европы

выездом инспекторов на места были навязаны отказывавшемуся от сотрудничества Иракскому государству. Ханс Бликке был подобен единственному стражу, который надзирает за огромной тюрьмой, не принявшей у себя правил международного сообщества. Чтобы заставить иракцев подчиниться этим правилам, Организации Объединенных Наций следовало бы применить в отношении Ирака более радикальную идею, а именно ту модель контроля, которую Европейскому союзу удалось установить в пределах своих границ.

ЕВРОПА КАК ОБЩЕСТВО КОНТРОЛЯ

В основе европейского проекта лежит стремление перейти от мира, в котором

царит политика с позиции силы, где «кто силен, тот и прав», к сообществу, основанному на власти закона. Европейцы использовали это стремление, чтобы перевернуть с ног на голову многие основополагающие правила суверенитета. До создания Европейского союза идея государственности, идея суверенности означала независимость от вмешательства извне, соблюдение секретности, сохранение дистанции в отношениях с другими странами. Однако, как утверждает Роберт Купер, вместо того чтобы ревниво охранять свой суверенитет от посятельств извне, европейцы

65

Леонард Марк

сделали основой своей безопасности взаимное вмешательство и контроль. Отношения между народами европейского сообщества европейцы превратили во внутреннюю политику. За последние пятьдесят лет европейские лидеры достигли договоренности по тысячам общих стандартов, законов и нормативно-правовых актов. Они вместе составили тридцать один том и около 80 тысяч страниц текста документов, регулирующих все аспекты повседневной жизни, начиная с прав человека до защиты прав потребителей. Они известны под названием *Acquis Communautaire*, что буквально означает «приобретенная общность» или «общепризнанный факт» сообщества.

Эти законы работают не потому, что существует европейское полицейское государство, которое заставит непокорные страны, не соблюдающие эти законы, применять их, а благодаря тому, что все европейские государства хотят, чтобы эта система действовала успешно. А поскольку каждое государство в составе ЕС хочет, чтобы его партнеры подчинялись закону, оно вынуждено само соблюдать его. Многие жаловались на европейскую бюрократию, однако парадоксальным образом именно большой объем европейского свода законов обеспечивает компактность европейских институтов.

Это уловил первый президент Европейской комиссии, который утверждал, что закон — это

66

XXI век — век Европы

самое сильное оружие Европы: «Сообщество является детищем закона, основанным на международных договорах <...> у сообщества нет средств непосредственного принуждения для того, чтобы заставить подчиняться своей власти, нет ни армии, ни полиции. У него есть только небольшой административный аппарат, который должен в значительной мере опираться на государства — члены ЕС»⁴. Как мы уже видели, институты Европейского союза довольно мало заметны. А сила интегрированной Европы воплощается в контроле, в процессе которого политики, должностные лица и граждане интернализуют ее и становятся проводниками европейской интеграции. В настоящее время перед Европой стоит важная задача — показать, каким образом это понимание порядка может быть экспортировано за пределы государств — членов Союза.

РАСШИРЯЯ ЗОНУ _____ ДЕЙСТВИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ЗАКОНА

После крушения коммунистических режимов Центральной и Восточной Европы самые лучшие и светлые умы в международной политике пророчили, что Европа в очередной раз станет очагом мировой войны. Статьи в научных жур-

налах предсказывали, что возрожденная и вос-

67

Леонард Марк

соединенная Германия прорвется сквозь свои границы и нападет на Польшу, Чехословакию или Австрию, что разразится этнический конфликт между Венгрией и Румынией и что начнется новая гонка вооружений между Германией и Россией⁵. Однако вместо этого случилось то, что из всех возможных вариантов казалось наименее вероятным: страны Центральной и Восточной Европы были преобразованы в мирные либеральные демократии, и менее чем через пятнадцать лет после падения коммунистических режимов этим странам было предложено вступить в Европейский союз. Каким же образом Европа смогла совершить это чудо в международных отношениях?

Как утверждает Роберт Купер, Европа начала с применения европейского брэнда контроля во время первых инспекций режимов бывшего Советского Союза. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), подписанный в Париже 19 ноября 1990 года, ознаменовал собой окончание холодной войны. Он установил равные для Востока и Запада ограничения вооружений, необходимых для внезапного нападения или начала крупномасштабных наступательных операций. К концу предусмотренного договором периода сокращения вооружений в 1995 году тридцать подписавших его государств уничтожили или конвертировали 52 тысячи боевых танков, боевых бронированных машин, ар-

68

XXI век — век Европы

тиллерийских орудий, боевых самолетов и вертолетов огневой поддержки. Это было подтверждено более чем четырьмя тысячами проведенных на местах инспекций военных объектов⁶. В течение столетий осуществления политики «баланса сил» европейцы использовали для устрашения своих врагов театр военных действий или создание огромных запасов вооружений. А потом на смену этой истории демонстраций силы пришел один-единственный договор с новым порядком, в основе которого лежал контроль.

Однако самым интересным было то, как уже само наблюдение за ростом вооружений лишило участвующие стороны желания использовать их⁷. Начав принимать участие в делах друг друга, Западная Европа и страны бывшего советского блока стали смотреть друг на друга скорее как на партнеров, чем как на врагов. Первоначальной целью ДОВСЕ было сделать баланс сил более эффективным, обеспечив точность информации, на которой он основывался: если оба блока становились открытыми для проверок, можно было обеспечить абсолютное равновесие между ними — наподобие того, как уравнивают весы. Поддерживая баланс на низком уровне, обе стороны могли перестать затрачивать драгоценные ресурсы на создание огромных арсеналов вооружений и вместо этого сосредоточиться на обеспечении благосостояния своих граждан.

Два

69

Леонард Марк

конкурирующих блока стали единым сообществом в области безопасности с общей заинтересованностью в сохранении этой системы. А поскольку два блока стали

одним сообществом, задача поддержания баланса системы изжила себя. Договор об обычных вооруженных силах в Европе имел непредусмотренные последствия, которые в корне изменили наше понимание потенциальных возможностей контроля.

ДОВСЕ отличался от инспекций в Ираке, так как он базировался на добровольной и взаимной основе — другими словами, контроль носил двусторонний характер, и обе стороны были в нем заинтересованы. Договор должен был установить взаимовыгодный мир, поэтому контроль мог осуществляться без демонстрации военной силы. А когда военные препятствия были устранены, стало возможным политическое преобразование региона с необычайным расширением — сначала НАТО, а затем главным образом Европейского союза.

Европейский союз не просто распахнул свои двери и предложил бывшим странам восточного блока вступить в него — он увязал заманчивую перспективу членства в ЕС с программой глубокого преобразования каждой страны, которая захочет вступить в Союз. На саммите в Копенгагене в 1993 году был согласован ряд критериев, которым должны были соответствовать все страны.

70

XXI век — век Европы

Для членства необходимо, чтобы страна-кандидат добилась стабильности институтов, гарантирующих демократию, правопорядок, права человека, уважение и защиту меньшинств, а также существование действующей рыночной экономики и, кроме того, была способна справиться с давлением конкуренции и действием рыночных сил внутри Союза. Членство предполагает способность страны-кандидата взять на себя налагаемые этим членством обязательства, в том числе приверженность целям политического, экономического и валютного союза⁸.

Другими словами, все страны, которые хотели вступить в Союз, должны были «проглотить» все 80 тысяч страниц европейских законов и переработать собственное законодательство в соответствии с этими законами. При этом, вместо того чтобы принять на веру заявления новых кандидатов, к ним была направлена целая армия представителей и контролеров, чтобы проверить, действительно ли соблюдены установленные критерии.

Это было не что иное, как перестройка этих стран до самого основания, а потому изменения носят необратимый характер. Европейская модель является политическим эквивалентом стратегии иезуитов: если вы изменяете страну в момент становления, она останется такой в течение всей жизни.

71

Леонард Марк

ЗАКОН КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Европейцы понимают, что ключом к их успеху является добровольный и взаимный характер контроля. Это означает, что он может осуществляться очень экономично, не требуя громоздкого дисциплинарно-организационного аппарата для его проведения. Европейский союз создал армию инспекторов для проверки обеспечения правопорядка и законности выборов по всему миру. Причина, побуждающая европейские страны так заботиться о защите международных правовых норм, состоит в том, что основой самого Европейского союза является не что иное, как международный договор. Поэтому европейцы считают, что все должно делаться посредством международного права и что право может быть эффективным способом укрепления мирного и демократического порядка.

С одной стороны, это привело к поддержке других общих рынков в Африке, Азии и Латинской Америке. Поскольку ЕС уверенно развивается и вынашивает амбиции мирового масштаба, он будет стремиться к созданию региональных

сообществ, объединенных общими интересами, гарантирующих свою безопасность за счет прозрачности и взаимного контроля. Например, в

72

XXI век — век Европы

начале 2000 года английскому премьер-министру удалось убедить президента ЮАР Табо Мбеки и президента Нигерии Олусегуна Обасанджо в том, что взаимный контроль может дать Африке то, что он дал Европе. Они вместе разработали проект «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД). Это было соглашение, по которому африканские страны обещали улучшить свои отчеты о положении дел в области демократии и обеспечения правопорядка в обмен на увеличение помощи, значительное сокращение их долгов и меры, направленные на открытие африканским товарам доступа на западные рынки. В основе этого процесса лежит идея взаимного контроля. Выступая по случаю начала этого процесса, президент Обасанджо охарактеризовал механизм проверки на равноправной основе как «эффективный процесс обучения, в результате которого судьба Африки окажется в ее собственных руках»⁹. План проверок на равноправной основе разработан африканскими лидерами с целью взаимного контроля за деятельностью в области прав человека, коррупции и демократии. Странам, демонстрирующим хорошие показатели по этим критериям, наградой будет служить больший объем помощи, торговли и сокращение задолженности.

В то же время Европейский союз включает положения о правах человека, нерушимости

73

Леонард Марк

контрактов и европейской политики конкуренции во все свои деловые отношения с другими странами/Для всестороннего изменения стран, с которыми ЕС вступает в отношения, европейская дипломатия начинает не с военной стратегии, а с внутренней политики. Европейцы считают, что лучшим способом для победы в войне с террором, контроля над распространением оружия массового уничтожения или для искоренения организованной преступности и наркомании является распространение международного правового регулирования. Европейцы надеются, что, помогая превратить слабые или диктаторские государства в разумно управляемые союзные страны, они смогут защитить себя от самых больших угроз собственной безопасности.

ЗАКОН КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОБРАЗУЮЩЕЙ СИЛЫ

В основе европейской стратегии лежит революционная теория международных отношений. Многие специалисты по внешней политике утверждают, что внешняя и внутренняя политика в корне различны. По их словам, внутренняя политика носит иерархический характер. Они заявляют, что во внутренней политике централизованное государство устанавливает законы

74

XXI век — век Европы

и обеспечивает их исполнение, если они нарушаются. По классическому определению, государство — это институт, обладающий монополией на законное применение силы¹⁰. Внешняя политика, напротив, неупорядочена: существует большое количество соперничающих между собой государств и никакого общего правительства или мирового полицейского, чтобы поддерживать мир.

Однако Фуко показывает, что такое представление о внутренней политике неправильно. Действительная причина того, что общества не распадаются и не исчезают в хаосе, заключается в том, что этого не хотят их граждане. Порядок создается не за счет иерархии, а потому, что большинство населения кровно заинтересовано в поддержании порядка. Именно поэтому люди интернализуют внешние правила и сами контролируют свое поведение. Так что ключ к порядку — это кооптирование людей (а в данном случае, стран), с тем чтобы они сами соблюдали правила, а не принуждение их к подчинению. Это справедливо и для глобальной системы. Такая страна, как Люксембург, подчиняется закону, потому что она заинтересована в сохранении законного порядка, а не потому что боится нападения немецких, американских или «ооновских» танков. Из 192 стран мира насчитывается всего дюжина государств зла,

75

Леонард Марк

внесенных в черный список, а остальные 180 подчиняются закону совсем не потому, что боятся возмездия. История Саддама Хусейна и Ирака поставила вопрос: как сделать так, чтобы государства-изгои тоже стали заинтересованными в этой системе?

XXI век — век Европы

ГЛАВА 4

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИЛА ПАССИВНОЙ АГРЕССИИ

Остерегайтесь участи Тантала. В древности царь Сипила Тантал (в Малой Азии) разгневал богов, подав им во время пира мясо своего убитого сына, и был обречен на вечные муки неутоленных желаний. Он стоял по горло в воде, но стоило ему нагнуться, чтобы попить, как вода пропадала. Сочные плоды деревьев свисали над ним, но едва он протягивал к ним руку, как ветер относил ветви в стороны, и он не мог достать до них. Боги могли бы стереть его с лица земли, но они заставили его страдать гораздо больше, дразня его сказочным изобилием и не давая возможности хоть раз насладиться им.

Именно так Европейский союз использует сегодня свою силу.

Древнее царство Сипил находилось на территории современной Турции, и наследники Тантала в турецком правительстве могут понять его тяжелую

77

Леонард Марк

XXI век — век Европы

участь. Впервые Турция подала заявку на вступление в Европейский союз в 1963 году, и на протяжении четырех десятилетий перспектива членства в ЕС заманчиво маячила перед ней, но потом отдалялась из-за просчетов турецкого правительства. Существующие в Турции нарушения прав человека, ограничения свободы печати, преследование национальных меньшинств и отсталость турецкой экономики — все это давало европейским правительствам основания отодвигать заманчивую перспективу членства в ЕС. Тем не менее сегодня перспектива вступления в европейский клуб стала для Турции мечтой, скрывающейся за проектом, обещающим всем лучшее будущее, — мечтой, объединяющей нацию — сторонников секуляризации и исламистов с анатолийцами, курдами и армянами. За последние несколько лет турецкий парламент принял шесть пакетов поправок к конституции, имеющих целью привести Турцию в соответствие с европейскими стандартами. Обращаясь к своим коллегам в Брюсселе, премьер-министр Турции

Реджеп Тайип Эрдоган с гордостью говорит об отмене смертной казни, ликвидации находящихся под началом государственной безопасности военных судов и ограничений свободы слова. Он может говорить о том, как впервые в истории страны он установил гражданский контроль над военными бюджетами и о своей политике «нулевой терпимости к пыткам»

78

в турецких тюрьмах. Он добился освобождения из тюрьмы курдских активистов и разрешил турецкому государственному телевидению (ТРТ) вещание на курдском и других языках национальных меньшинств, таких как боснийский и арабский. Он положил конец тридцатилетней непримиримой политике по кипрскому вопросу и с помощью искусной дипломатии заставил забыть о столетиях взаимных подозрений между Грецией и Турцией — до такой степени, что самый непримиримый в прошлом соперник Турции стал одним из главных сторонников ее членства в ЕС¹. Эта революция произошла по одной-единственной причине — благодаря желанию Турции вступить в Европейский союз.

ПАССИВНАЯ АГРЕССИЯ

Влияние Европы на Турцию служит яркой иллюстрацией силы «пассивной агрессии». Вместо того чтобы использовать угрозу применения силы для обеспечения своих интересов, Европа использует угрозу неприменения ее — угрозу убрать протянутую руку дружбы и лишить перспективы вступления в ЕС². Для таких стран, как Турция, Сербия или Босния, единственным, что может быть хуже «десантирования» в их политическую систему брюссельской бюрократии, настаивающей на изменениях, вводящей

79

Леонард Марк

административно-правовые регулирование, инициирующей государственную программу приватизации и повсеместно проникающей в каждую щель повседневной политической жизни, — это если ЕС закроет для них свои двери. Контраст между тем, как поступали со своими соседями Европа и Америка, разителен. И Европе, и Америке угрожают сходные проблемы: контрабанда наркотиков, огромные потоки мигрантов, просачивающихся через неплотно закрытые границы, сети международной преступности, но трудно себе представить более различную реакцию на них. За последние пятьдесят лет Соединенные Штаты более пятнадцати раз посылали войска в соседние с ними страны³, но многие из окружающих США стран едва ли изменились, — они переключаются из одного кризиса в другой и нередко втягивают американские войска в свои проблемы. Несмотря на различие конкретных обстоятельств, история американского провала в Колумбии составляет резкий контраст успеху Европы в Турции или на Балканах. Америка принимает активное участие в событиях в Колумбии. Она предоставила 1,3 миллиарда долларов США в качестве «экстренной помощи», три четверти которой составляет помощь на военные расходы и полицию. США финансируют военную подготовку вооруженных сил колумбийского правительства, предостави-

80

XXI век — век Европы

ли 18 вертолетов «Блэк хоук» и 42 вертолета «Хью»⁴, а также передали правительству Колумбии разведывательную аппаратуру и технические средства наблюдения для выявления плантаций кокаиновых кустов и занятых партизанами районов. Это участие безусловно является частью борьбы с наркотиками, и значительная доля невоенной помощи расходуется на программы замещения

выращивания коки, попыткой лишить колумбийских крестьян мощного стимула, побуждающего их удовлетворять спрос на кокаин в Северной Америке и Европе. Эти деньги являются частью более широкого «Плана Колумбия»⁵ стоимостью в 7,5 миллиарда долларов США, который, как надеется правительство США, сможет вывести страну из мучительной тупиковой ситуации, в которой она оказалась в результате гражданской войны и зависимости от производства наркотиков. И все же мир оказался труднодостижимым.

Участие США в «Плане Колумбия» служит наглядной демонстрацией некоторых причин, по которым американской внешней политике не удастся изменить статус-кво. При этом она преследует в основном ближайшие цели, в которых откровенно заинтересована, — сокращение контрабанды наркотиков, упрочение позиций дружественного правительства, — и, не скупясь, использует для этого вооруженные силы, либо предоставляя их местным представителям, либо

81

Леонард Марк

применяя самостоятельно во время военной интервенции.

С другой стороны, реакция Европы состояла в предоставлении соседним странам возможности интеграции (в ЕС и НАТО) и, таким образом, была попыткой приблизить эти страны к политическим нормам и институциональной практике Европейского союза. Предлагая такие выгоды, европейцы делают своим соседям предложение, от которого те не могут отказаться. Но стоит последним принять это предложение, как они становятся статьей актива европейцев. Прекрасной иллюстрацией такого положения служит одна из басен Лафонтена⁶.

Жил-был однажды крестьянин, у которого было три ленивых сына. Пока крестьянин с женой работали день и ночь, ухаживая за своим виноградником, их сыновья не хотели и пальцем пошевелить. Лежа на смертном одре, крестьянин сказал сыновьям, что он зарыл в винограднике клад. Сыновья перекопали весь виноградник, пытаясь отыскать горшок с золотом. Много лет они искали, но так и не нашли место, где был зарыт клад. Между тем, неоднократно перекапывая землю, они возделали почву в винограднике. И вскоре виноградник стал так обильно плодоносить, что трое ленивых сыновей, сами того не ожидая, разбогатели благодаря своему усердному труду.

82

XXI век — век Европы

Эта притча хорошо иллюстрирует положительное влияние Европейского союза. Членство в ЕС, как горшок с золотом, является достаточно сильным стимулом, чтобы заставить страны пережить болезненные процессы реформ, необходимых для того, чтобы стать преуспевающими и свободными. А став преуспевающими и свободными, они будут для Европейского союза не бременем, а статьей актива.

ЕВРОСФЕРА

Политика пассивной агрессии стала моделью поведения ЕС в его взаимодействии с миром: подписанию Россией Киотского протокола способствовало то, что его ратификация была поставлена условием предоставления помощи; намерению Соединенных Штатов привлечь ООН к решению иракской проблемы способствовал отказ от участия в этом Германии и Франции; Иран побудила подписать протокол МАГАТЭ по распространению ядерного оружия

угроза ЕС не расширять торговлю с Исламской республикой. В предыдущей главе мы показали, как 80 тысяч страниц законодательных актов, разработанных ЕС с момента образования в 1957 году Общего рынка и влияющих на все, начиная с маркировки генетически модифицированных продуктов

Леонард Марк

и кончая правами человека, позволили Европе распространить свое законодательство и свои ценности по всему миру — от Австралии до Замбии. Она достигла этого, сделав соблюдение ее моральных норм условием доступа к европейскому рынку. Сила рынка ЕС не только позволила европейцам заставить такие крупные страны, как США, отказаться от дискриминационных тарифов на сталь и другую продукцию, она также позволила ЕС установить стандарт всемирного регулирования.

Тысячи компаний во всем мире решили применять не отечественные стандарты, а стандарты Европейского Союза, чтобы иметь возможность получить доступ на европейский рынок. Даже могущественные многонациональные компании США были вынуждены следовать европейским, а не американским нормативным требованиям как минимум в трех областях: в области слияния и поглощения компаний, генетически модифицированных продуктов питания и конфиденциальности информации. Угрозы удаления с европейского рынка было достаточно, чтобы отменить слияние компаний «Дженерал электрик» и «Ханивелл» — крупнейшую за всю историю сделку по слиянию промышленных компаний, оцениваемую в 42 миллиарда долларов США. И это лишь один случай из длинного списка несостоявшихся сделок по слиянию компаний, среди которых «Тайм Уорнер» и «И-эм-ай»,

84

XXI век — век Европы

«Спринт» и «Уорлдком», «Эм-си-ай» и «Уорлд-ком». Стремление получить доступ на европейский рынок заставило многие американские компании принять правила, против которых они боролись у себя в стране. Правительство США было вынуждено принять европейские стандарты маркировки генетически модифицированных продуктов питания, когда это решение лоббировали фермеры, которым не разрешалось продавать говядину в странах ЕС. Другим примером служит конфиденциальность информации. В этой области в Европе приняты гораздо более строгие нормы, соблюдение которых она сделала обязательным для американских компаний по протоколу «Сэйф Харбор» («Надежная гавань»).

Однако следующая волна производимых Европой преобразований еще только начинается. Европейский союз приступает к созданию огромной сферы влияния, протянувшейся далеко за пределы его границ, которую можно было бы назвать «евросферой». Эта опоясывающая его территория охватывает восемьдесят стран, в том числе бывший Советский Союз, Западные Балканы, Ближний Восток, Северную Африку и страны Африки, расположенные к югу от Сахары, и на нее приходится 20% населения земного шара (см. примечания)⁷. Для этих стран ЕС является крупнейшим торговым партнером, самым крупным источни-

85

Леонард Марк

ком международного банковского кредита, крупнейшим источником прямых иностранных инвестиций и предоставляет самую большую помощь на развитие. Многие из этих стран используют евро в качестве основы для своей политики валютных курсов или в качестве параллельной валюты, имеющей хождение наряду с местной валютой.

Европа использовала эту зависимость для подписания с каждой из этих стран соглашений, по которым они оказываются под юридическим и политическим прикрытием Европы⁸. Эти соглашения, укрепляющие интеграцию в области торговли, открывают текущие счета и счета движения капитальных средств, способствуют прямым капиталовложениям, а также устанавливают политические стандарты по правам человека, разумному и справедливому управлению, сотрудничеству в области борьбы с преступностью и проблем иммиграции. Более того, предоставление всей европейской помощи, за исключением экстренной, сопровождается определенными условиями в отношении прав человека, миграционной политики, безопасности и экономической реформы.

И это только начало. Пока что потенциал политики «пассивной агрессии» больше, чем ее практические результаты. Наиболее эффективно она воздействует на дружественно настроенные страны, такие как Соединенные Штаты или

86

XXI век — век Европы

страны Центральной и Восточной Европы, и менее успешно действует в области преобразования недружественных стран. Европа пытается разработать средства и методы политики «пассивной агрессии» для воздействия на страны, не являющиеся кандидатами на вступление в ЕС. Я рассмотрю этот вопрос в главе 8.

САМЫЙ ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ КЛУБ МИРА

Известно высказывание Гручо Маркса* о том, что он не захотел бы вступить в клуб, правила которого позволяли бы ему это сделать, — аналогичным образом, одна из причин непреходящего магнетизма Европейского союза заключается в том, что это самый эксклюзивный клуб из всех существующих⁹. Его правила устанавливают золотой стандарт. В Европе ликвидация барьеров, препятствующих свободной торговле, пошла гораздо дальше, чем в любом другом торговом блоке. Стандарты в области общественного труда и защиты окружающей среды выше, чем где бы то ни было. Экономические правила, которым должны подчиняться страны Еврозоны, строже, чем правила, применяемые Федеральной резервной системой США или Японским центральным банком. И, наконец, стандарты в облас-

* Известный американский клоун.

87

Леонард Марк

ти демократии, прав человека и защиты меньшинств значительно превышают требования, предъявляемые при вступлении в любую другую организацию. Эти правила являются настолько строгими и хорошо продуманными, что многие из них вышли за рамки своего предназначения для Европы и стали мировыми стандартами. Когда сверхдержава предлагает другим странам помощь и эти

страны в ответ изменяют свою линию поведения, это называют империализмом. А когда клуб просит не участвующих в нем придерживаться тех же правил, что и его собственные члены, это считается принципиальной позицией, — именно это делает Европейский союз таким привлекательным.

Преобразующая сила Европы исходит из ее способности поощрять тех, кто проводит реформы, и не предоставлять льгот тем, кто не торопится с ними.

Однако политика пассивной агрессии не действует на страны, которые не хотят присоединиться к клубу законопослушных государств. В отношении них может потребоваться применение силы.

XXI век — век Европы

ГЛАВА 5

ЕВРОПЕЙСКИЙ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙН¹

Европейская мечта едва не погибла в городе под названием Сребреница.

В июле 1995 года район, считавшийся «зоной безопасности» Организации Объединенных Наций, стал братской могилой. Пока «голубые каски» бессильно наблюдали за происходящим, сербская армия Боснии совершила жестокий захват известного с древности курорта, в течение пяти дней методично блокировала мусульманское население и убила свыше семи тысяч мужчин и мальчиков, нагромождая груды мертвых тел на полях, в школах и в складских помещениях².

В Европу вернулся геноцид. Лидеры разных югославских группировок использовали все тактики, от которых отказался Евросоюз, — применение военной силы для достижения политической победы, этнический национализм для определения национальной

89

Леонард Марк

принадлежности и «этнические чистки» как путь к самоопределению. А когда лидеры европейских стран собрались предпринять ответные действия, они обнаружили, что «ларчик пуст».

Просто все, что они пытались сделать, использовалось против них же. Сербь цинично манипулировали европейской приверженностью правилам: захватив город, они старательно избегали обстреливать любые воинские части ООН. А это означало, что, согласно принятым ООН правилам применения силы, европейские солдаты не имели права стрелять в сербов или наносить им ответные удары с воздуха. То же самое произошло и с предложенными Европой способами мирного урегулирования. Всякий раз, когда достигалась договоренность по одному из таких способов, сербы использовали его в военных целях, а не как средство достижения мира. Они изобличали голословность достигнутого путем переговоров решения, не подкрепленного готовностью поддержать его с помощью силы. Тем самым они наносили сокрушительный удар европейскому проекту, верному идее прекращения конфликта путем вовлечения стран в постоянный, непрекращающийся переговорный процесс. И даже после того как американские вооруженные силы обеспечили мир, бывшие боевики «показали кукиш» Гаагскому трибуналу ООН по военным преступлениям, позволив разыскиваемым военным преступни-

90

XXI век — век Европы

кам, не скрываясь, спокойно жить в Боснии — единственной в мире стране, фактически находившейся под непосредственным контролем самой Организации Объединенных Наций.

Позор Сребреницы и по сей день с нами. Однако этот позор побудил европейских лидеров разработать «европейский способ ведения войны».

Меньше чем через пять лет после роковой реакции на боснийский кризис новое поколение руководителей — Тони Блэр, Жак Ширак и, что особенно примечательно, Герхард Шредер и Йошка Фишер (поскольку им пришлось изменить конституцию Германии, чтобы согласиться на это) — были готовы вмешаться в события в Косово. Они не просто были, как и США, готовы ввести туда войска, — некоторые даже хотели, в отличие от американцев, согласиться на то, чтобы наземные войска подкрепили угрозы НАТО реальной силой, и, более того, сделали это без прямого мандата Организации Объединенных Наций. Еще через три года европейские лидеры договорились ввести войска в Македонию прежде, чем произойдет катастрофа и страна погрузится в хаос.

Однако европейская стратегическая доктрина сильно отличается от американской. Использование военной силы направлено на построение мира, а не на демонстрацию мощи. Сила может потребоваться для защиты европейских ценностей, но она никогда не будет основой ев-

91

Леонард Марк

ропейской внешней политики. Солдат используют не для того, чтобы контролировать другие страны, а в первую очередь для ликвидации обстоятельств, приведших к войне. Военные действия Европы прежде всего направлены на изменение структуры раздираемого войной общества.

Фактически они направлены на распространение мира.

ОТ ПАЦИФИЗМА К МИРОТВОРЧЕСТВУ

Нежелание Европы использовать вооруженные силы отличалось от хорошо известного стремления Америки избежать потерь. Действительно, с начала кризиса в Югославии европейские войска размещались не самым безопасным образом, даже небольшие их соединения. Они шли на риск ради оказания гуманитарной помощи, которую ООН старалась доставить в свои «зоны безопасности», и солдаты многих европейских стран погибли, действуя по мандату ООН. Но воевать им не разрешалось. Их останавливал не страх перед отправкой обратно тел убитых и не страх увязнуть в «балканском болоте», как некогда во Вьетнаме, а чуть ли не идеологическое отвращение к конфликтам. Именно это привело их к введению противоречивого эмбарго на поставку оружия всем группировкам в Югославии, — лишив босний-

92

XXI век — век Европы

ское правительство столь необходимого ему и в то же время позволив поддерживаемым Белградом боснийским сербам надежно контролировать военный баланс, — из страха создать то, что Дуглас Хёрд стыдливо назвал «единым смертоносным полем»³. Тот же принцип лежал в основе их возражения против американских авиационных ударов. Европейцы не просто боялись за свои собственные войска в случае боевых действий — они вообще не хотели

никаких военных действий. Это была не трусость, это был пацифизм. Европа является центром той зарождающейся традиции в понимании международных отношений, которую выдающийся военный историк Майкл Ховард назвал «изобретением мира». Ховард цитирует правоведа XIX века Генри Мейна, который сказал: «Похоже, что война стара, как человечество, а мир — это современное изобретение»⁴. Идея мира отлична от того, что можно назвать «негативным миром», то есть просто отсутствием войны, отличается она и от данного Гоббсом определения мира как периода, когда в данный момент война фактически не ведется или не готовится, но со временем начнется опять. Идея активного, конструктивного международного мирного порядка получила свое классическое толкование в знаменитом очерке Канта «О вечном мире», где изображено братство республик, которые, выражая волю

93

Леонард Марк

своих народов, никогда не согласятся воевать друг с другом. Именно к такой системе международных отношений европейцы шли, более или менее сознательно, начиная с 1945 года, и европейский пацифизм перед лицом воинственности какого-то Милошевича был отчасти следствием упорного нежелания признаться в том, что эта утопия не была осуществлена. Поэтому события на Балканах представляли собой новый тип асимметричной войны — войны не сил и средств, а ценностей. Сербь добивались преимущества над своими противниками не за счет победы на поле брани, а использовали их приверженность идее полезности компромисса. Европейцы проигнорировали известный тезис Карла фон Клаузевица о неизбежности войны. Он утверждал, что если в спорном вопросе одна из сторон готова прибегнуть к крайним мерам, то другая сторона должна либо последовать ее примеру, либо капитулировать⁵. Европейцы думали, что принятые в результате переговоров решения будут выполняться сами собой, без поддержки силой. Однако в Боснии, Сербии и Хорватии националисты руководствовались абсолютистской политикой межплеменной вражды, а не политикой переговоров и компромиссов, господствовавшей в остальной части Европы.

После трагедии в Боснии новое поколение европейских лидеров было полно решимости

94

XXI век — век Европы

поддерживать правопорядок с помощью силы. Это изменение в настроениях проложило путь трем новым направлениям в европейском понимании применения силы — идее гуманитарной интервенции, европейской доктрине нанесения упреждающего удара и идее государственного строительства, — стремившимся устранить слабые места европейского могущества, так безжалостно обнаружившиеся в начале 1990-х годов.

ОТ ПАЦИФИЗМА _____ К ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В разгар кризиса в Косово в 1999 году английский премьер-министр Тони Блэр отправился в Америку, чтобы поддержать решение президента Клинтона идти до конца. В знаменитой ныне речи в Чикагском пресс-клубе он впервые изложил доктрину «гуманитарной интервенции». Гуманитарная интервенция являлась реакцией на проблемы гуманитарного пацифизма, выявленные такими

событиями, как падение Среб-реницы⁶.

Своим вмешательством в события в Косово европейцы вернули военную интервенцию в диапазон способов участия, охватывавший дипломатическую поддержку, помощь, правительственную помощь и санкции. Они заметно продвинулись в этом направлении, спокойно удвоив

95

Леонард Марк

численность войск, размещенных за рубежом за последние десять лет.

Средняя численность европейских вооруженных сил, дислоцированных за пределами территории стран ЕС и НАТО, в 2003 году составляла 70 тысяч человек и достигла своего максимума в 90 тысяч во время развертывания английских сил в Ираке. Европейские вооруженные силы были размещены более чем в двадцати странах в Юго-Восточной Европе, Афганистане и Центральной Азии, в Ираке и районе Персидского залива, а также в Африке⁷. Кроме того, в 2003 году европейцы начали свою первую операцию на большом удалении — «операцию Артемида» в Восточном Конго, — перебросив в Бунию по просьбе Генерального секретаря ООН войска численностью 1400 человек. Это было сделано уже через семь дней после его обращения, с тем чтобы стабилизировать ситуацию в регионе, на период пока идет более длительный процесс комплектования миротворческих сил ООН⁸. Эти войска не размещаются на базах в разных местах мира для охраны трубопроводов, защиты экономических интересов или поддержания баланса сил. Вместо этого почти все они действуют под флагом Организации Объединенных Наций в гуманитарных целях.

Европейская стратегия безопасности, принятая в декабре 2003 года, показывает, что европейцы уже сейчас готовятся к очередному

96

XXI век — век Европы

комплексу проблем, поскольку расширение Европейского союза приближает его к «дуге нестабильности» на его южном и восточном флангах, протянувшихся от Агадира в Атлантике до Астрахани на Каспийском море⁹. Когда Румыния, Болгария, Западные Балканы и Турция вступят в ЕС, Европе придется быть готовой иметь дело с новыми соседями, среди которых будут Иран, Ирак, Грузия, Молдова и Беларусь.

ПРЕВЕНТИВНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

После поражения на Балканах европейские лидеры договорились принять новый стратегический императив: действовать заблаговременно, применяя силу Европы, пока еще она может быть эффективной, прежде чем идея политического компромисса станет невозможной, и обеспечить присутствие реальной угрозы применения силы, для того чтобы сохранить этот компромисс. В обобщенном виде это намерение выражается в Европейской стратегии безопасности о «превентивном вмешательстве», являющемся ответом Европы на выдвинутую Бушем доктрину «превентивной войны».

Эти две доктрины полностью противоположны одна другой. Доктрина Буша пытается оправдать действия, направленные на ликвидацию «угрозы» до того, как она может быть использо-

4 М. Леонард

97

Леонард Марк

вана против Соединенных Штатов. Поэтому она четко сфокусирована на

физических ресурсах и возможностях, обязательно быстро осуществима и, согласно ее концепции, краткосрочна и неизбежно носит исключительно военный характер. Европейская доктрина упреждающего удара, напротив, основывается на продолжительном участии, при котором военная составляющая является лишь частью деятельности наряду с экономическим и правовым вмешательством упреждающего характера, и направлена на создание политических и институциональных основ стабильности, а не просто на ликвидацию непосредственного источника опасности.

Превентивное вмешательство служит попыткой предотвратить опасности европейского аутизма. В прошлом Европа была настолько поглощена созданием своей единой валюты и изменением своих институтов, что позволила своим соседям погрязнуть в хаосе. Сейчас европейские лидеры понимают, что Европейский союз не может преуспевать, если соседние с ним районы являются очагом войны и этнического насилия. В настоящее время настоятельно требуется вмешательство на ранней стадии, как это было в Македонии в 2003 году (операция «Кон-кордия»): с использованием войск, переговоров и институционального строительства с целью развести воюющие группировки, разоружить военизированные формирования и предотвра-

98

XXI век — век Европы

тить укоренение националистической войны между разными этническими группами. Принятие превентивных мер до того, как возникнет угроза, не только более эффективно, но и требует гораздо меньших затрат. По численности потерь контраст между замедленной роковой реакцией на события в Боснии и более быстрыми, решительными действиями в Косово, введением войск в Македонию, упреждающим распространением хаоса, был разительным. Разница в финансовых затратах также ошеломляет: за поражение в Боснии английским налогоплательщикам пришлось заплатить как минимум 1,5 миллиарда английских фунтов стерлингов. Косово обошлось в 200 миллионов, а Македония всего в 14 миллионов фунтов стерлингов¹⁰.

СТРАТЕГИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА А НЕ СТРАТЕГИЯ УХОДА

Европейцам не свойственно рассматривать вопрос о применении силы, не планируя при этом, как потом восстановить порядок. В то время как большинство из тех, кто формирует американскую политику, ведет речь о «национальном строительстве», европейцы используют другой подход, который можно назвать государственным строительством. Уроки Боснии, Ирака, Афганистана и многих африканских стран говорят о

99

Леонард Марк

том, что задача заключается не в строительстве «наций», а в строительстве «государств», зачастую на территориях, где несколько народов и национальностей должны сосуществовать друг с другом в рамках единого государства. На Балканах необходимо создать политические структуры, которые бы обуздали этнический национализм и дали ему критическую оценку, а не подливали масла в огонь¹¹.

Цель европейцев заключается не в том, чтобы как можно быстрее войти в страну и выйти из нее. Их цель — осуществить преобразование страны и, если она находится в Европе, поставить ее на путь, ведущий в конечном итоге к ее

вступлению в Европейский союз. Международный протекторат в Боснии уже просуществовал дольше, чем полномасштабная военная оккупация Германии союзниками после 1945 года. Босния пока еще далеко не самостоятельна. Главные задачи государственного строительства в Боснии были намеренно спланированы так, чтобы включить ее в процесс вступления в ЕС: создание институтов, установление правопорядка и экономическая реформа, а также содействие возвращению беженцев.

После того как стихли военные действия, ЕС быстро провел переговоры с Балканскими странами и договорился о ряде односторонних торговых льгот, что затем привело к заключению «Соглашений о стабилизации и ассоциа-

XXI век — век Европы

ции». И опять, как уже было, эти программы начали формировать правовую структуру и политическую структуру этих стран в соответствии с *acquis communautaire*. Это было официально оформлено в 2002 году, когда Верховный представитель ООН Педди Эшдаун стал одновременно представителем ЕС в Боснии, расчистив Боснии таким образом путь для потенциального членства в Европейском союзе.

Осуществляемое Европой новое государственное строительство является, наряду с жесткой военной и политической силой, приложением к предлагаемым Европой стимулам. Как доказывает сомнительный статус Косово, это нелегкая работа. Однако, применив силу для установления безопасности на земле, ЕС обнаружил, что его первоначальная цель погасить конфликт с помощью обещания предоставления доступа в ЕС и институционализированных переговоров имеет, по-видимому, больше шансов на успех.

СПАСАЯСЬ ОТ ПРИЗРАКА АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ

Главной общей темой американских дискуссий о европейской стратегии безопасности является разочарование, вызываемое неспособностью Европы и нежеланием европейских правительств

101

Леонард Марк

расходовать на оборону столько же, сколько тратят американцы. Однако на самом деле проблема не в расходах: правительства двадцати пяти стран ЕС затрачивают на оборону примерно 180 миллиардов евро в год, уступая только Америке, расходующей ежегодно 330 миллиардов евро. Однако, как многие заметили, европейцы получают за свои деньги лишь часть того результата, которого достигают американцы. В то время как США могут отправить в разные уголки мира наземные войска численностью 400 тысяч человек при общей численности вооруженных сил в 650 тысяч человек, ЕС может использовать едва 85 тысяч из 1,2 миллиона солдат сухопутных войск. А в том, что касается спутниковой разведки, транспортной авиации, ударных авианосцев и ракет точного наведения, европейцы далеко отстали от США¹².

Однако эти постоянные сравнения с Америкой бесполезны, потому что Европе никогда не придется воевать против американской военной машины. Европейцы могут строить мир с помощью военных интервенций, не имитируя американский способ ведения войн.

Да, действительно, у европейских правительств не было самолетов, разведки и оружия точного наведения, как у американцев, для ведения войны в Косово. Но

они могли бы вести эту войну иначе, с самого начала делая больший упор на подготовку к наземным боевым дейст-

102

XXI век — век Европы

виям. Лоренс Фридман сравнивает трудное положение иранцев в 1980-е годы, шесть лет осаждавших Басру, будучи не в состоянии прорвать иракскую оборону, с английской кампанией 2003 года, которая заняла ровно восемь дней¹³. Это показывает, что европейские войска более чем способны сразиться со своими наиболее вероятными противниками. На самом деле во многих видах боевых действий европейский способ ведения войны может быть даже более подходящим, чем американский. Кампания в Косово показала, что война, ведущаяся с высоты 15 тысяч футов, крайне неэффективна. Кампания по нанесению бомбовых ударов ускорила гуманитарный кризис, к тому же она не была рассчитана на борьбу с партизанами в горной местности. Многие комментаторы указывали, что американская военная доктрина дисфункциональна, так как она готовит армию к единовременным военным действиям против крупных сил противника, тогда как большинство войн имеют небольшие масштабы и не укладываются ни в какой стереотип¹⁴.

На Балканах, в Сомали, Афганистане, Ираке или Чечне война ведется не против национальных армий, имеющих на вооружении боевые корабли, самолеты и танки. Вместо этого речь идет о борьбе с местными повстанцами за каждую улицу, каждый дом. Нужно быть способным занять и контролировать территорию

103

Леонард Марк

при враждебном отношении местного населения. Как указывает Анатолий Ливен, задача в таких ситуациях — использовать огневую мощь в возможно меньшей степени, а не большей. В действительности американская одержимость использованием огневой мощи и защитой войск очевидно ведет к неприемлемо высокому количеству жертв среди гражданского населения¹⁵.

Различие между европейским и американским подходами выявилось в Ираке. В Багдаде американские антиповстанческие действия подняли на борьбу против оккупации все гражданское население, тогда как тактика англичан в Басре была обусловлена попыткой отделить повстанцев от местного населения. В этом плане европейцы более искусны, чем американцы, так как их главный военный опыт — это поддержание мира и охрана порядка в империях, а не ведение традиционных войн¹⁶.

Европейцам необходимо срочно инвестировать средства в имеющийся у них потенциал, но им следует это делать на своих собственных условиях. На недавних саммитах было решено создать «тактические группы», которые могут быть задействованы в течение нескольких дней для стабилизации обстановки там, где идет гражданская война; силы быстрого реагирования численностью 60 тысяч человек, которые можно использовать в течение шестидесяти дней; учредить должность европейского мини-

104

XXI век — век Европы

стра иностранных дел для координации различных политических мер; разработать европейскую стратегию безопасности и создать Европейское оборонное агентство. Американский эксперт по вопросам обороны Майкл

О'Хэнлон оптимистично считает, что при помощи очень незначительных дополнительных расходов европейцы могли бы значительно увеличить свой потенциал. Направляя в течение десяти лет всего 10% своих военных бюджетов на закупку специализированных видов военной техники, таких как транспортные самолеты и корабли дальнего радиуса действия, беспилотные летательные аппараты и ракеты точного наведения, они могли бы задействовать 200 тысяч высококвалифицированных профессиональных солдат в любой точке земного шара. Это окупится за счет сокращения на одну четвертую численности личного состава и сосредоточения усилий на создании хорошо обученных боевых частей¹⁷. Сегодня европейцы медленно продвигаются именно в этом направлении.

Европейцы на горьком опыте познали, что ради содействия делу мира иногда приходится воевать. Но даже развивая военный потенциал Европы, они будут меньше опираться на использование силы для преобразования мира, чем любая другая крупная держава. Уникальность Европейского союза состоит в том, что он может объединить оказываемую им помощь со своей

105

Леонард Марк

торговлей и помощью на развитие, чтобы предотвратить превращение горячих точек в очаги войны¹⁸. Его силы состоят не только из бойцов, но и целой армии из 45 тысяч дипломатов, 5 тысяч полицейских* 2 тысяч вспомогательных рабочих по ликвидации последствий катастроф, а также объединений магистратов и наблюдателей на выборах¹⁹.

В первых четырех главах настоящей книги показано, как отсутствие военной альтернативы привело Европейский союз к разработке созидательных способов формирования окружающего его мира при помощи свода европейских законов, впоследствии подкрепленных мощью европейского рынка. И все же действительного успеха европейская внешняя политика добьется в том случае, если ей удастся вообще избежать военных действий.

XXI век — век Европы

ГЛАВА 6

СТОКГОЛЬМСКИЙ КОНСЕНСУС

«Лучше есть кашу всем вместе, чем свиные отбивные в одиночку». Такова философия обитателей стокгольмской коммуны, отказавшихся от бесконечной суеты в погоне за богатством и успехом ради простых удовольствий жизни. У этих бородатых длинноволосых идеалистов общим было все: их тела (свободные отношения, эксперименты с лесбиянством, «демонстрации» своих половых органов на кухне), их собственность (пластинки с записями «Аббы», корнеплоды, помятый фольксвагеновский автофургон), их свободное время (любимая детская игра — «Пиночет», когда играющие поочередно выступают то в роли мучителя, применяющего пытки, то в роли жертвы этих пыток), а также их противоречивые толкования марксистско-ленинских идей (при чем самый большой спор идет насчет того, является мытье посуды буржуаз

107

Леонард Марк

ным пережитком или нет)¹. Однако Эрику, Густаву и Лене, чья жизнь в коммуне показана в тонком и добром фильме Лукаса Мудиссона «Вместе», постепенно

приходится отказаться от их идеализма. Приезд новых людей и ненасытные потребительские требования со стороны молодого поколения подрывают ценности коммуны: вегетарианство становится не таким строгим, ослабляется запрет на просмотр телепередач, и в конце концов каждый из обитателей отказывается от жизни в коммуне ради материального благополучия. Не является ли это метафорическим изображением Европейского союза, попыткам которого создать для ныне живущего поколения рай на земле угрожают глобализация, «демографическая бомба» замедленного действия и вялый экономический рост? Многие американцы считают европейскую экономику эквивалентом коммуны хиппи в бизнесе, застрявшей в 1970-х, неспособной к реформированию из-за нестройного хора голосов, раздающихся каждый раз, когда требуется принять решение, и больше интересующейся дурацкими идеями относительно уровня жизни, чем экономическими показателями. Они утверждают, что Европа не добьется успеха до тех пор, пока она не последует примеру США с их более низкими налогами, меньшей социальной защитой, более малочисленным государственным

108

XXI век — век Европы

аппаратом и четкой концентрацией на биржевой стоимости акций.

У этой распространенной точки зрения есть только одна проблема — она не подтверждается фактами. Швеция уже не является страной Бьёрна Борга*, «Аббы», девочки Пеппи Длинныйчулок, ужасных порнографических фильмов и еще более скверных стрижек. Ее новыми экономическими символами служат лидирующие в мире компании вроде «Икеа», «Эрикссон», «Вольво», «Сааб», «Водка Абсолют», «Астра Зе-нека» и «Хеннес & Моритц». Шведская демографическая статистика, 75-процентная занятость населения и ее неуклонный рост на протяжении 1990-х годов² являются предметом зависти во всем мире. В отличие от Америки, в Швеции по-прежнему низкий уровень социального неравенства, высокие налоги, сильные профсоюзы и большой государственный сектор. И Швеция не единственная в своем роде: многие европейские страны опередили США по целому ряду показателей, начиная с конкурентоспособности и занятости до научно-исследовательских работ и инноваций. Всего за десять лет Финляндия прошла путь от сонного царства застойной аграрной экономики, большинство рынков которой находилось в зависимости от

* Известный теннисист, неоднократный победитель Уимблдонского турнира.

109

Леонард Марк

Советского Союза, до положения мирового лидера в области информационных технологий и мобильных телефонов (на ее компанию «Нокия» приходится более 30% мирового рынка мобильных телефонов, а «Линокс» является единственным в мире реальным конкурентом фирмы «Майкрософт»)³. Аналогичный путь проделала Ирландия, оставившая позади свое аграрное прошлое и превратившаяся в «кельтского тигра». Голландия и Дания добились лучших за последнее десятилетие результатов в области создания рабочих мест — за счет роста частичной занятости в секторе обслуживания, повышения числа работающих женщин и регулирования заработной платы. Примеру этих стран уже следуют другие европейские государства: Германия разработала свои предложения по «Повестке дня 2010», Франция приступила к осуществлению амбициозной программы структурных реформ, в то же самое время новые члены ЕС — от Польши до Эстонии —

модернизировали свою экономику поразительно быстрыми темпами⁴.

Преобразующая сила Европы может в один прекрасный день распространиться на мировую экономику. По ходу своего развития такие крупные страны, как Бразилия, Южная Африка, Индия и Китай, должны были бы изучить уникальную европейскую экономическую модель, сочетающую в себе преимущества круп-

ТЮ

XXI век — век Европы

ных масштабов континентального рынка с высоким уровнем производительности и обеспечивающую безопасность и равенство, источником которых являются сильные государства всеобщего благоденствия.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ЕВРОПЫ

Европейская добавленная стоимость образуется скорее за счет уровня жизни, обеспечиваемого Европой, а не за счет темпов ее роста. Но даже согласно традиционным системам экономических показателей, европейские достижения гораздо более значительны, чем склонны думать американские критики. Зарплата отдельного рабочего в Европе выросла больше, чем у такого же рабочего в Соединенных Штатах, — даже за «чудесное десятилетие» 1990-х. Уровень роста ВВП на душу населения в Европе и Америке был почти одинаковым, но американцам пришлось работать большее количество часов и иметь более короткие отпуска, чтобы не отстать от своих европейских товарищей. Некоторые комментаторы даже зашли так далеко в своих заявлениях, что утверждали, что действительная история последних десяти лет — это история не столько американского экономического чуда, сколько слабой экономической активности Америки⁵.

.111

Леонард Марк

И действительно, многие американцы видели, что их заработная плата сокращалась даже в условиях роста американской экономики. С 1973 по 1995 год реальные доходы производственных рабочих в частном секторе упали на 14%. И, повысившись на 5% в период 1995—1999 годов, после спада деловой активности в 2001 году они опять стали отставать. По официальным данным Бюро переписи населения*, в период с 2001 по 2004 год годовой доход средней семьи сократился на 1511 долларов США⁶. Это обнаруживает неувязку с данными, наиболее часто приводимыми в мире экономики, согласно которым за десять лет до 2003 года среднегодовые темпы роста ВВП Америки составили 3% по сравнению с всего лишь 1,8% в Еврозоне⁷.

Правда заключается в том, что за этим общим показателем скрывается тот факт, что рост экономики США был обусловлен ростом населения, а не улучшением экономических показателей. Рост населения в США в 1990-е годы составил в среднем 1,2% в год по сравнению с 0,5% в Еврозоне. Это означает, что если мы возьмем средний ВВП в пересчете на душу населения, то его прирост в США упадет до 2,1 %, и разрыв между показателями обоих континентов сократится до всего лишь 0,3%. Более того,

Бюро переписи населения — одно из подразделений Министерства торговли США.

112

XXI век — век Европы

слабую экономическую активность ЕС можно отнести на счет одной-единственной страны — Германии, которая должна была справляться с издержками воссоединения. Может показаться, что это не так, но если не принимать в расчет

Германию, то разрыв между Европой и Америкой фактически исчезнет, и как Европа, так и США будут иметь одинаковые показатели⁸.

Другое неправильное представление состоит в том, что по производительности Америка опережает Еврозону. Кевин Дейли из финансовой корпорации «Голдман Сакс» утверждает, что уровень производительности в Еврозоне, выраженный в виде часовой выработки, в 2003 году был всего на 4% ниже, чем в США, что несколько лучше ситуации десять лет тому назад⁹ (это по большей части объясняется тем, что розничный сектор в Америке базируется на загородных торговых центрах, тогда как многие из магазинов ЕС находятся на оживленных городских улицах)¹⁰. Причина, по которой общий объем продукции в Америке выше, чем в Европе, проста: количество отработанных часов у американцев больше. К 2003 году в США количество рабочих часов на душу населения в год составляло 866 по сравнению с 691 часом в ЕС-15¹¹. Это различие в значительной мере является следствием того, что годовой отпуск среднего американского рабочего составляет всего десять дней. В отличие от этого, в некоторых европейских

113

Леонард Марк

странах средний отпуск рабочего составляет тридцать дней или более¹².

Наверное, одним из самых распространенных является миф о том, что рост производительности в Америке привел к созданию новых рабочих мест, а в Европе — к их ликвидации: за последние десять лет рост общей занятости в США составил 1,3% по сравнению всего лишь с 1% в Еврозоне. Однако, если исключить Германию, то показатели США и Еврозоны за десятилетие совершенно идентичны, а с 1997 года показатели Еврозоны даже выше (общая занятость выросла на 8% по сравнению с 6% в Америке). Но, согласно сделанному в США официальному докладу, даже эта цифра в 6% вводит в заблуждение, так как она получена без учета того факта, что почти 1 % населения США находится в тюремном заключении¹³.

Правда, европейские страны далеко отстают по занятости женщин и людей старше 55 лет. Но, как мы дальше увидим, некоторые европейские правительства справились с тенденцией раннего ухода на пенсию и разработали меры для привлечения женщин, имеющих детей, к возвращению на рабочие места.

Прежде всего, эти цифры опровергают идею о том, что существует жесткая альтернатива между занятостью и равенством, что единственный путь к высокой занятости — это плохие рабочие места, текучка кадров, нищенская зарплата и жесткое социальное расслоение. Напро-

114

XXI век — век Европы

тив, именно наиболее щедрые государства всеобщего благоденствия — Швеция, Дания, Норвегия, Ирландия и Нидерланды — имеют самый высокий уровень общей занятости. Каждая из этих стран значительно превосходит Соединенные Штаты. Соединенное Королевство, Финляндия, Португалия и Австрия находятся на пути к тому, чтобы догнать США¹⁴, — доля рабочей силы в общей численности населения этих стран составляет около 70%. Причина такого положения этих стран заключается в том, что они перешли от позиции пассивного государства всеобщего благоденствия, обеспечивающего систему социальной защиты для слабых, к активной позиции, при которой государство становится источником, открывающим новые возможности.

И последнее неправильное представление состоит в том, что европейские

компании проявляют низкую экономическую активность из-за того, что соблюдают равновесие между своими обязательствами относительно биржевой стоимости акций и обязательствами перед своими сотрудниками и более широким сообществом. На самом деле многие из самых крупных компаний мира — это европейские компании: из 140 крупнейших компаний в рейтинг «Гло-бал форчун 500» вошла 61 европейская (для сравнения: американских компаний 50 и азиатских — 29)¹⁵. А в ключевых секторах — энергетике, телекоммуникациях, в авиационной,

115

Леонард Марк

коммерческо-банковской и фармацевтической отраслях — именно европейские компании задают тон в мировом бизнесе. Примечательны истории о крупнейшей в мире компании мобильной связи «Водафон» и о консорциуме «Аэробус», объединившем европейские компании, чтобы по всем показателям превзойти американскую компанию «Боинг». Эти примеры показывают, что во многих значимых для будущего моментах руководство американских фирм лишь следует за Европой¹⁶.

РАЗРЯЖАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ БОМБУ _____ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Самый сильный аргумент европессимизма — это падение в Европе уровня рождаемости. Кошмарный сценарий повествует о том, что европейская экономика постепенно приходит в запустение, поскольку непомерно разросшееся поколение пенсионеров живет на иждивении у работающих, численность которых постоянно сокращается. Доля людей старше шестидесяти в процентном отношении от населения общепринятого рабочего возраста выросла с 20% в 1960 году до 35% в 2000 году. По прогнозам, этот показатель вырастет до 47% в 2020 и до 70% в 2050 годах, что позволило Европейской комиссии сделать прогноз, согласно которому к

116

XXI век — век Европы

2040 году годовой прирост, вероятно, снизится примерно с 2% до 1,25%¹⁷.

Однако тот факт, что демографы выявили тенденцию, еще не означает, что она неминуемо приведет к катастрофе: большинство демографических предсказаний, начало которым положил Томас Мальтус со своими апокалиптическими откровениями о росте населения, ведущем к массовой гибели людей от голода, были ошибочными. И существует много признаков того, что сегодняшние торговцы предсказаниями рокового конца тоже ошибутся. После многих лет падения рождаемости в Швеции, Дании, Норвегии, Англии и Франции наблюдаются признаки изменений в обратном направлении, и при этом другие страны учатся на их примере. В настоящее время Италия, Германия и Испания (три страны с самым низким уровнем рождаемости) вводят финансовые и налоговые льготы, которые должны стимулировать супружеские пары рожать больше детей. И как показывает пример Скандинавии и Франции, адекватная поддержка материнства (и отцовства), а также создание детских учреждений и баз по оказанию услуг по уходу за детьми может оказать даже более сильное воздействие, чем финансовые или налоговые стимулы.

Дискуссия по поводу пенсий тоже стала вводить в заблуждение. Все исследования показыва-

117

Леонард Марк

ли, что простое повышение пенсионного возраста может сразу же убрать бомбу замедленного действия, какой является растущий уровень зависимости лиц пожилого возраста*¹⁸. По прогнозам Европейской комиссии, если государствам-членам ЕС удастся поднять средний возраст выхода на пенсию на пять лет — с шестидесяти до шестидесяти пяти, — не отменяя при этом льгот, то расходы европейской пенсионной системы останутся стабильными¹⁹. Это болезненная политическая проблема, но все европейские правительства уже пытаются ее решить посредством пенсионных реформ (многие из них строятся по шведскому образцу), которые уменьшают налоговое бремя, вызванное старением населения, и послужат стимулом для увеличения продолжительности трудовой деятельности. Другим частичным решением европейской демографической дилеммы являются меры, направленные на поддержку «управляемой миграции», распространившейся по всей Европе. В настоящее время все европейские страны снимают безоговорочный запрет на экономически целесообразную миграцию и разрабатывают критерии для разрешения рабочим-мигрантам въезда в страну; в основу этих критериев положен уровень квалификации или заработная

* Процентное соотношение числа людей пенсионного возраста к числу людей работоспособного возраста.

118

XXI век — век Европы

та. Неквалифицированным рабочим въезд будет разрешаться, исходя из сезонных потребностей, в то время, когда возможна острая нехватка рабочей силы; тем самым будут устранены стимулы для незаконной миграции.

Более того, эта проблема стоит не только перед Европой. Ученые показывают нам, что если экономика развивается, то повышается уровень грамотности, женщины получают права, и тогда рождаемость снижается. Так рост Китая может быть подорван старением его населения. В США на сегодняшний день проблема смягчена благодаря более высокому уровню рождаемости и иммиграции, однако сомнительно, чтобы последняя могла продолжаться бесконечно (по крайней мере, в нынешнем геополитическом климате). Для выхода из этой ситуации необходимо найти способ стабилизировать уровень зависимости. Европа является одним из первых континентов, пытающимся решить эти вопросы, и уже достигла определенного успеха в нейтрализации данной проблемы.

ЕВРО И ДОЛЛАР

Существуют три причины, по которым Европейский проект должен настроить нас более оптимистично относительно европейской экономики в будущем.

119

Леонард Марк

XXI век — век Европы

Первая — это евро. Евро может позволить ЕС получить некоторые из тех преимуществ, которые дало Соединенным Штатам исключительное положение доллара. Доллар во многих отношениях составляет неблагоприятную тайну, скрытую за фасадом американского экономического чуда, позволяя единственной сверхдержаве финансировать дефицит своего собственного платежного баланса, продавая иностранцам обесценивающуюся валюту. Однако есть основания сомневаться в том, что остальной мир будет терпеть американские эксцессы до бесконечности. Дефицит текущих статей платежного баланса Америки составляет 5% от ее ВВП, тогда как зона евро имеет активный

платежный баланс. Личные сбережения американского населения составляют менее 2% ВВП (по сравнению с 12% в Еврозоне), а его общая задолженность находится на уровне 84% ВВП (по сравнению с 50% в Еврозоне). Такое положение неустойчиво, как утверждает экономист Герштейн, «то, что не может длиться вечно, как правило, и не делает этого».

Несмотря на то что на американский доллар все еще приходится приблизительно две трети всех официальных валютных запасов, существует определенная тенденция отказа от доллара в пользу евро. Некоторые страны уже конвертировали в евро все свои валютные резервы или их часть. На сегодня официальные мировые

120

запасы иностранной валюты в евро составляют лишь 18,7% по сравнению с 64,5% запасов в долларах, однако существует тенденция к постоянному увеличению доли евро. Примерно в 150 странах мира режимы валютных курсов привязаны к основной или базовой валюте: в данное время 51 страна применяет евро или использует его как главную составляющую своего набора валют²⁰.

Это все еще составляет небольшой процент от мировых валют, но сдвиг в сторону евро происходит все быстрее: в 2003 году Россия увеличила свои запасы в евро примерно до 25% от общей стоимости ее резервов, оцениваемой в 65 миллиардов американских долларов, и Китай также признал растущее значение евро в качестве резервной валюты. К концу 2003 года ходили слухи о том, что страны ОПЕК рассматривают вопрос о переводе цен на нефть в евро, поскольку продолжающееся ослабление доллара наносит существенный ущерб их доходам и заставляет их увеличивать добычу. Такая смена валюты, используемой для установления цен на материальный товар с самым большим в мире объемом торговли (12% мировой торговли), значительно способствовала бы повышению статуса евро до положения лидирующей в мире международной валюты за счет роста ее использования в качестве средства международных расчетов. Большие изменения произойдут, ког-

121

Леонард Марк

да центральные азиатские банки переведут часть своих резервов в евро, — вопрос об этом, по словам служащего одного из учреждений Сити, среди клиентов которого есть несколько центральных азиатских банков, стоит на первом плане в их повестке дня. Романо Проди рассказал мне, что, когда он в первый раз встретился с президентом Китая Цзян Цземинем, его китайский собеседник восхищался евро. При расставании он будто бы сказал: «Мы переведем свои резервы в евро по двум причинам. Почему? Во-первых, потому что мы верим в многополярность. Во-вторых, потому что это будет хороший бизнес».

Если евро окажется мировой резервной валютой, это даст странам Еврозоны гораздо больший контроль над их экономическим будущим. Надо полагать, Европа не будет копировать американскую модель использования своего статуса одного из мировых банкиров для финансирования огромного дефицита текущих статей платежного баланса, а усиленное вливание капиталов в европейскую экономику

будет, несомненно, стимулировать спрос.

Как говорит Нобелевский лауреат Роберт Манделл: «Наступление евро может оказаться самым важным событием в международной валютной системе с того момента, когда в 1913 году, вскоре после создания центрального банка США — Федеральной резервной системы, дол-

122

XXI век — век Европы

лар выступил в качестве доминирующей валюты... за одно десятилетие зона евро легко может расшириться так, что будет насчитывать до 50 стран с населением свыше 500 миллионов человек и ВВП, значительно превосходящим ВВП Соединенных Штатов».

КОНТИНЕНТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ _____ НЕЗАВИСИМОСТИ

Вторая причина для оптимизма относительно европейской экономики связана с энергией. Европейский союз значительно опередил Америку и Азию в состязании, призванном покончить с зависимостью от природных ресурсов, что должно сделать Европу первым континентом «энергетической независимости». ЕС понимает, что сохранение планеты для будущих поколений не только экзистенциальная задача, оно разумно и с экономической точки зрения.

Северная Америка уже является самым крупным в мире потребителем нефти: в 2001 году на ее долю приходилось более одной четвертой общего спроса на нефть. Более того, рост спроса на нефть в США планируется на уровне 1,7% в год.

Предполагается, что большая часть этого роста будет приходиться на транспортный сектор, крупнейший потребительский сегмент которого составляют парк легковых автомобилей и

123

Леонард Марк

парк легких грузовых автомобилей, включая внедорожники.

С другой стороны, Европа занимает ведущее место в мире по переходу к использованию возобновляемых источников энергии. На ее долю уже приходится всего 3,176 миллиона тонн выбросов углекислого газа по сравнению с 6,016 миллиона тонн выбросов CO₂ в Америке. Это означает, что на каждого американского гражданина приходится в три раза больше выбросов углекислого газа, чем на одного гражданина европейской страны. С января 2005 года Европейский союз рассчитывает ввести в действие самую крупную и эффективную в мире систему торговли квотами на эмиссии вредных газов, охватывающую более 12 тысяч энергопроизводящих и энергоемких производственных объектов на всей территории ЕС. Эта система предложит предприятиям экономически целесообразный способ сокращения выбросов при одновременном покрытии затрат на меры, направленные на сохранение климата.

И многие страны уже успешно движутся по пути отказа от традиционного использования угля. Например, в Швеции на нефть приходится всего 40% производимой энергии, тогда как другие 40% приходятся на возобновляемые источники энергии и 20% — на атомную энергию. В 2000 году Швеция ввела «перенос зеленого налога», по которому в стране на десятилетний пе-

124

XXI век — век Европы

риод был отменен налог на использование рабочей силы и введен налог на потребление энергии. Кроме того, правительство выпустило «зеленые сертификаты» с целью стимулировать производство «биоэнергии» и использование

энергии ветра и солнечной энергии²¹.

Ходят разговоры о принятии этой системы сертификации на европейском уровне. В недавнем прошлом мы уже были свидетелями резкого повышения цен на нефть, которое могло парализовать экономику США и серьезно затормозить развитие Китая и Индии, а в будущем ситуация, по-видимому, будет еще хуже. По оценкам аналитиков, в период между 2000 и 2020 годами потребление энергии в Китае будет расти на 3,8% в год; тогда как в США годовой прирост потребления энергии составит 1,4%. Европа, с ее нынешним низким уровнем потребления и незначительными, согласно прогнозам, темпами роста, составляющими всего 0,7% в год, возможно, скоро будет пожинать плоды своей «энергетической

.22

независимости»'

СИЛА ИНТЕГРАЦИИ И РАСШИРЕНИЯ

Возможно, самым большим благом для экономики европейских стран является сам Европейский проект. Экономическая сила Европы покоится на двух столпах — это общие размеры ее

125

Леонард Марк

экономики, обеспечивающие ее влияние в мире, и уровень жизни, который она может обеспечить своим гражданам. Продолжающаяся интеграция и расширение Европейского союза привели к изменениям к лучшему в обеих областях.

Важнейшим по своим последствиям событием стало создание в 1992 году единого рынка. По оценкам Европейской комиссии, создание внутреннего рынка позволило Европейскому союзу к 2002 году увеличить ВВП почти на 2%, а уровень занятости, почти на 1,5%. Кроме того, единый рынок привел к удвоению прямых иностранных инвестиций в ЕС, а конкуренция вызвала снижение цен для потребителей до рекордного уровня (цены на авиабилеты упали более чем на 40%, а плата за телефон уменьшилась более чем наполовину)²³.

Расширение ЕС может иметь такое же преобразующее воздействие. По оценкам Европейской комиссии, за счет одного только факта расширения Союза рост ВВП во вновь вступивших в ЕС странах будет увеличиваться ежегодно на 1,3-2,1 %, а темпы роста стран, уже являющихся членами ЕС, в результате расширения Союза будут дополнительно увеличиваться на 0,7%

в год

.24

Исследование, проведенное финансовой группой «Голдман Сакс», доказывает, что за полстолетия экономики Китая, Индии, Бразилии и России по своим размерам превзойдут

125

XXI век — век Европы

экономику любой из европейских стран, входящих в «Большую семерку» (Америка, Япония, Германия, Франция, Англия, Италия и Канада). На сегодняшний день их совокупный ВВП (по рыночному валютному курсу) составляет одну восьмую от объема производства «Большой шестерки»²⁵. Однако в исследовании делается вывод о том, что по общему объему производства вышеуказанные четыре страны менее чем за сорок лет опередают страны «Большой семерки»²⁶. Следствием этого стали предсказания экономического отставания Европы в XXI веке. Однако данный доклад просто показывает, насколько может ввести в заблуждение экстраполяция будущего в области экономики без учета европейской интеграции. Сила интегрированной Европы в мире основана на

совокупном влиянии европейской экономики (которое будет продолжать расти по мере расширения ЕС), а не на размерах экономики входящих в нее стран. Германия, Франция и Англия могут на равных вести торговые переговоры с Соединенными Штатами не потому, что они входят в «Большую семерку», а потому что они являются членами Европейского союза. Возможно, в 2050 году относительные размеры экономики каждой из этих стран будут меньше, чем в настоящее время, но Европейский союз в целом будет, по-видимому, даже больше, чем сегодня, поскольку Союз растет, вбирая в себя соседние с ним страны.

127

Леонард Марк

Если десять новых членов ЕС ликвидируют разрыв между уровнем жизни в своих странах и уровнем жизни в Западной Европе так же, как это сделали после вступления в Союз Ирландия, Испания и Португалия, это окажет огромное тонизирующее воздействие на европейскую экономику. Исследование, проведенное банком «Леман Бразерс», свидетельствует о том, что такой рост экономики вступающих в ЕС стран может привести к сценарию, когда «несмотря на старение своего населения, Европа — при правильной политике — в течение следующих 15 лет действительно может усилить свое влияние в мировой экономике. К 2020 году ЕС может опережать США примерно на 45%». А интегрированная Европа, насчитывающая пятьдесят членов, будет даже еще более серьезной экономической силой, чем Европа-25²⁷.

СТОКГОЛЬМСКИЙ КОНСЕНСУС
ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ

МОДЕЛИ БИЗНЕСА

Однако успех экономической модели не ограничивается размерами ВВП: он зависит от ее способности привлекать других и таким образом устанавливать правила для мировой экономики. Действительные издержки американской экономической модели становятся все более

128

XXI век — век Европы

очевидны. Профессор Роберт Гордон из Северо-Западного университета показывает, что размеры американского ВВП скрывают тот факт, что большая его часть расходуется на следующие непроизводительные цели:

Легковые автомобили, а не общественный транспорт: например, американцы должны покупать автомашины из-за плохого состояния общественного транспорта. Стоимость автомобилей включается при расчетах американского ВВП, а европейские системы общественного транспорта учитываются не по их стоимости для пассажиров, а как расходы правительства.

Социальные издержки неравенства. Например, американцы держат два миллиона своих сограждан в тюремном заключении: стоимость строительства тюрем и оплата тюремных надзирателей также включены в ВВП.

Вентиляция и отопление. Большая амплитуда изменения погодных условий в Америке — более холодная зима (за исключением Флориды и Калифорнии) и более жаркое лето (за исключением штатов Вашингтон, Орегон и Калифорния) — означает, что страна должна расходовать больше средств на отопление и вентиляцию.

Если добавить эти некупаемые расходы в общую сумму, то, по утверждению Гордона, несмотря на то что жители Западной Европы ра-

5 М. Леонард

129

Леонард Марк

ботают всего лишь три четвертых от того времени, что работают американцы, они получают 90% отдачи в сочетании с намного более равномерным распределением доходов и более низким уровнем бедности²⁸. В будущем Европа, возможно, не сможет угнаться за ненасытным потреблением, свойственным американской

экономике, в которой рост ставится превыше всего, но европейская экономическая модель достаточно надежна, чтобы обеспечивать европейским гражданам уровень жизни, являющийся одним из самых высоких в мире.

Сегодня все европейские страны реформируют свою экономику во имя эпохи экономической взаимозависимости, стремясь при этом сохранить лучшие особенности европейской социальной модели. Можно сказать, что они сконцентрированы вокруг «Стокгольмского консенсуса», поскольку шведское государство выступало пионером во многих из этих новых инициатив. «Стокгольмский консенсус» представляет собой не что иное, как новый общественный договор, в котором сильное и маневренное государство поддерживает инновационную, открытую, основывающуюся на науке экономику. Этот договор означает, что государство предоставляет ресурсы для образования граждан, их лечения, обеспечивает уход за детьми, чтобы граждане могли работать, а также организует обучение по интегрированию для вновь приезжающих.

ВО

XXI век — век Европы

Граждане, в свою очередь, проходят обучение, легче приспосабливаются к меняющимся условиям, а вновь приезжающие интегрируются в данное общество. «Стокгольмский консенсус» противостоит непроизводительным расходам «Вашингтонского консенсуса»: низкий уровень социального неравенства позволяет европейцам расходовать меньше средств на борьбу с преступностью и тюрьмы; энергоэффективная экономика защищает их от резких скачков цен на нефть; общественный договор обеспечивает людям досуг и помогает вернуться к работе в случае потери рабочего места; тогда как единый европейский рынок и евро дадут возможность европейским странам пользоваться преимуществами крупномасштабной экономики на мировом рынке, не отказываясь от приспособляемости и динамизма, которыми они обладают благодаря своим небольшим размерам.

Во многих частях света — от Пекина до Бразилии — страны, пережившие периоды быстрого экономического роста, в настоящее время концентрируют свои усилия на том, чтобы обеспечить более высокий уровень жизни тем, кто находится у основания пирамиды. Социолог Амиtai Этциони объясняет с точки зрения культуры, почему во многих местах в мире американская модель бизнеса вызывает сопротивление: «В то время как западная позиция скон-

131

Леонард Марк

XXI век — век Европы

центрирована на индивидууме, восточные культуры склонны уделять главное внимание строго упорядоченному сообществу».

Другими словами, если Соединенные Штаты представляют собой ярко выраженный символ правовой культуры и сосредоточенности на индивидуальном благосостоянии, то Азию больше интересует идея «ответственности» и созидания общего блага. Посредством «Стокгольмского консенсуса» Европа может предложить лучшее из обоих миров: синтез обеспечиваемой либерализмом динамичности со стабильностью и благосостоянием, которые дает социальная демократия. Когда мир станет богаче и выйдет за рамки удовлетворения основных потребностей, таких как удовлетворение голода и здоровье, европейский образ жизни станет всепобеждающим.

ГЛАВА 7

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕМОКРАТИЙ¹ В ЕВРОПЕ

Если есть картина, способная служить символом демократии во всем мире, то это вид восточногерманских студентов, взбирающихся на Берлинскую стену 9 ноября 1989 года и разбивающих ее кирками на мелкие куски под взглядами солдат, наблюдающих за ними в благоговейном ужасе. Не более чем через два года эти студенты уже были гражданами Европейского союза в объединенной Германии. ЕС вобрал в себя бывшие коммунистические республики, принес с собой демократию и экономическое процветание.

И все же сегодня многие обвиняют Европейский союз в том, что он уничтожил нашу демократию, несмотря на то что он распространяет ее по всему континенту. Эти люди обвиняют его в разрушении национальных политических систем своих стран и в передаче функции принятия решений бюрокра-

133

Леонард Марк

XXI век — век Европы

там из Брюсселя. Они заявляют, что Европейская комиссия — это невыборная технократия, что Совет министров Евросоюза собирается за закрытыми дверями и что Европейскому парламенту — единственному органу, избираемому путем прямых выборов, — не удалось внушить надежду европейским гражданам².

Человеку, наслушавшемуся подобных речей, можно простить представление о том, что бюрократы в Брюсселе свободно распоряжаются своей властью, подобно таким современным монархам, коррумпированным, принимающим произвольные решения и никем не контролируемым. Однако каждый, кто познакомится с ЕС, будет поражен не тем, какой большой властью обладает Союз, а тем, как невелики его полномочия в плане принятия решений. ЕС не устанавливает уровни налогообложения, не обеспечивает медицинскую помощь, пенсии и пособия по безработице, не осуществляет надзор за полицией и не командует армией.

Международные соглашения позволяют ему вырабатывать политику только в тех областях, которые выходят за рамки национальных границ; поэтому его деятельность сосредоточена главным образом на регулировании единого рынка, защите окружающей среды, предоставлении иностранной помощи, регулировании процентных ставок и координации внешней и оборонной политики³.

134

Действительно, Европейская комиссия предлагает законопроекты, но все решения принимаются национальными правительствами. Во многих областях политики решения должны приниматься единогласно, а это значит, что любое правительство может наложить на них вето. Но даже когда решения принимаются большинством голосов, одерживающая победу сторона должна набрать от 74% до 100% голосов⁴, что выше порога принятия решений в любой парламентской системе мира. Более того, двадцать пять национальных парламентов требуют у своих правительств отчета и располагают относительной свободой решать, как именно проводить в жизнь решения ЕС. Если этого недостаточно, есть еще избираемый путем прямых выборов Европейский парламент — первый в истории межгосударственный парламент, который должен согласовывать все законодательные акты, принятые большинством голосов.

Кроме того, Европейский парламент имеет право отклонять решения Европейской комиссии или накладывать на них вето — право, свидетельствующее о том, что

Комиссия не является бесконтрольной. В мае 1999 года по решению Европарламента члены Комиссии Сантера* были вынуждены коллективно уйти в отставку в

* Жак Сантер — председатель Еврокомиссии в 1995-1999 годах.

135

Леонард Марк

связи со злоупотреблением служебным положением со стороны некоторых ее членов и обвинением в мошенничестве; а в октябре 2004 года Европарламент заставил председателя Комиссии Баррозо произвести перестановки в ее составе в связи с тем, что консервативные взгляды кандидата на пост комиссара по делам юстиции Рокко Буттильоне в вопросах иммиграции, прав женщин и сексуальной ориентации делали его не подходящим для такой работы.

В своем знаменитом «Геттисбергском обращении» Авраам Линкольн определил демократию как «правление народа, осуществляемое народом в интересах народа». Под этим он подразумевал, что демократии существуют для того, чтобы сделать государство подотчетным и обеспечить, чтобы проводимая политика отвечала желаниям народа. Если оценивать по этим критериям, то дела Европейского союза идут совсем не плохо. ЕС собирается не разрушить демократию, а переосмыслить ее, чтобы дать правительствам и их гражданам правомочия в условиях глобализации.

КАК ЕВРОПА ДАЕТ ПОЛНОМОЧИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ

По словам одного из ближайших политических советников Тони Блэра — Филипа Гоулда, политика превращается в «пустой стадион»⁵. Поли-

136

XXI век — век Европы

тики по-прежнему организуют кампании, издают манифесты, договариваются — так, как это делалось веками. Важное различие состоит в том, что их никто не слушает. Явка избирателей снижается, численный состав политических партий сокращается, а доверие людей к политикам и политическим институтам упало до угрожающе низкого уровня.

Но почему же стадион пуст? Потому ли, что политики стали хуже или менее привлекательными, чем раньше? Или потому, что люди стали более обеспеченными и им не нужно, чтобы политики предоставляли им самое необходимое — лечение, пропитание или работу? Или же потому, что борющиеся друг с другом политические партии представляют граждан, которые больше не голосуют сообразно своему социальному статусу? Возможно, все это является частью проблемы; но есть одно обстоятельство, на которое указывают все опросы общественного мнения, а именно то, что люди уже не считают, что политика может изменить мир в лучшую сторону. На всем земном шаре избиратели теряют интерес к национальным правительствам, считая их бессильными. Люди смотрят на них, как на пластиковые муляжи уток, покачивающихся на волнах мирового капитализма и американской гегемонии и способных лишь громко обвинять международную ситуацию в том, что им не удастся выполнить свои обещания.

137

Леонард Марк

XXI век — век Европы

Интегрированная Европа, незаметно отнимающая власть у правительств и передающая ее институтам, находящимся за сотни миль в Брюсселе, считается частью этой проблемы. Однако Европейский союз — вовсе не часть проблемы, он

является средством ее решения, давая странам контроль над политикой, которая приобрела глобальный характер.

Давайте проследим это на примере двух североευропейских стран. Численность населения в Норвегии и Ирландии составляет около 4 миллионов человек. Обе страны экспортируют лососину, и большая часть торговли обеих стран приходится на Европейский союз. Одна из них является членом Евросоюза, а другая — нет. Норвегия, которая, чтобы присоединиться к Европейской экономической зоне⁶, должна была принять 80% законодательных актов ЕС, не имела права голоса в обсуждении содержания этих актов, тогда как Ирландия с самого начала участвовала в их разработке. Если Норвегия должна платить тарифы, чтобы экспортировать копченую лососину в остальные страны ЕС, то ирландским фермерам не приходится нести такие расходы. Когда Всемирная торговая организация устанавливает международные правила по торговле продуктами рыболовства, позиция Ирландии представлена комиссаром ЕС Петером Манделсоном как часть позиции, занимаемой на переговорах крупнейшим в мире единым рынком,

138

тогда как требования норвежского министра торговли подкреплены только влиянием страны, занимающей по величине 122-е место в мире. А когда дело доходит до мер по борьбе с загрязнением окружающей среды, организованной преступностью и притоком наркотиков, Ирландия может, используя Европейский союз, потребовать от России, Польши или Балканских стран принятия жестких мер, в то время как Норвегия вынуждена полагаться на добрую волю своих восточных соседей и на силу примера⁷.

Какая из стран имеет больший контроль над своими делами? Ирландцы имеют право голоса и право вето в европейских дискуссиях, но зато они должны подчиняться коллективно принятому Европой решению, каким бы оно ни было. Норвежцы не обязаны выполнять решения ЕС, в которых они не участвуют, но, отказавшись следовать им, они потеряют доступ к своему самому большому рынку. А кто оказывается сильнее, когда дело доходит до международных переговоров? Ирландцы могут предложить свою позицию и добиться, чтобы она нашла отражение в позиции ЕС на переговорах. Им надо будет пойти на компромисс с другими двадцатью пятью государствами-членами, но если им удастся убедить своих европейских коллег в правильности своих доводов, то вероятность того, что их предложение станет реальностью, достаточно велика. Норвежцы могут разработать идеаль-

139

Леонард Марк

XXI век — век Европы

ную позицию для ведения переговоров и придерживаться ее, не идя на компромисс со своими европейскими соседями. Но когда дело дойдет до переговоров в Женеве, много ли будет шансов у маленькой Норвегии одержать верх над Соединенными Штатами, Японией, Китаем, Индией или Европейским союзом?

Основной предпосылкой демократии является возможность обеспечивать то, что хочет народ. Если вы утратите способность воплощать волю народа и идеи его представителей в переменах в реальном мире, демократия будет сведена к фарсу.

У Норвегии существует видимость суверенитета, потому что норвежский парламент технически является высшей властью в стране. Однако реальность такова, что многие обсуждаемые парламентом вопросы находятся вне его власти. В области политики он похож на Робинзона Крузо на необитаемом острове, про которого Джефффри Хоу сказал, что он был «сувереном всего и хозяином ничего»⁸. Ирландия внесла часть своего суверенитета в общий фонд, но в ответ получила контроль над своей судьбой. Европейские законы имеют преимущественную силу над национальными, но эти законы создаются ирландскими министрами и ирландскими членами Европарламента совместно с их европейскими коллегами.

140

Предоставив национальным правительствам право голоса в международных вопросах, Европейский союз спас национальную демократию от превращения в простую говорильню, где комментируются события в мире, тогда как реальные решения принимаются где-то еще. Для малых стран Европейский союз является единственным способом в какой-то мере контролировать мировые рынки. Это дает возможность национальным государствам самим выбирать, как вести свои дела. Если вы не входите в Европейский союз, вы должны вести ожесточенную борьбу за получение доступа на рынки других стран, платить огромные пошлины за свой экспорт и стараться выдержать конкуренцию, сокращая расходы на социальное обеспечение, защиту работников и налоговые ставки⁹. Европейский союз открывает вам беспоплатный доступ на огромный рынок и дает вам сильные позиции на переговорах с остальными странами мира. Но принимать действительно важные решения он предоставляет национальным политикам. Они устанавливают налоговые ставки в своей стране. Они решают, как расходовать средства, выделенные на здравоохранение, образование и оборону. Они решают, как перераспределять денежные средства между богатыми и бедными в пользу последних. ЕС дает благосостояние и способность формиро-

141

Леонард Марк

XXI век — век Европы

вать события, предоставляя национальным политикам — и гражданам их стран — возможность решать, в какой стране они хотят жить.

КАК ЕВРОПА _____ ДАЕТ ПОЛНОМОЧИЯ ГРАЖДАНАМ

Самый большой дар объединенной Европы — это возможность выбора. Это свобода выбирать, в какой стране жить, какую пищу есть, в каком университете учиться, какую работу выполнять и где продавать свою продукцию.

В каждом английском супермаркете полки ломятся под тяжестью свежих спагетти из Италии, французских сыров, греческих оливок и датского бекона. И дело не только в том, что вместо колбасы и бобов обычным блюдом стал феттучини в грибном соусе. Теперь все европейские потребители могут есть лучшие блюда европейской кухни, не платя за это непомерно высоких цен. Свобода передвижения для работы или отдыха открыла миллионам людей новые горизонты.

Забеременевшая девушка-подросток из Дублина может поехать в Лондон, чтобы сделать там аборт, что запрещено у нее на родине. Подающий надежды предприниматель из Праги может отправиться в Париж, чтобы получить степень магистра делового администрирования (MBA) в бизнес-школе INSEAD. Влюб-

ленная пара геев может поехать из Будапешта в Копенгаген и там пожениться. Пенсионерка из Эссекса может на закате своих дней жить у побережья в Коста Бланке.

Поскольку европейцы имеют возможность пользоваться лучшим из того, что может предложить Европа, они стали строже спрашивать со своих собственных национальных правительств. Внимание комментаторов было настолько сосредоточено на точном распределении полномочий между различными институтами в Брюсселе, что они не заметили того революционного воздействия, которое европейская интеграция оказала на наши национальные политические дебаты¹⁰. Лишь в сентябре 2000 года стало ясно, до какой степени европейские граждане сравнивают политику разных правительств в Европе. Когда французские водители грузовых автомашин приступили к блокаде в знак протеста против роста цен на горючее, правительство Жос-пена было вынуждено пойти на уступку и снизить налоги на горючее на 15%. За несколько дней организованные по примеру французских акции протеста распространились по Европе. В Нидерландах водители грузовиков перекрыли движение транспорта в окрестностях Амстердама и Роттердама. В Германии более двухсот грузовых автомашин, автобусов и такси съехались к границе с Францией. Бельгийские водители провели трехдневную акцию, забаррикадивав

Леонард Марк

грузовиками и машинами такси главные улицы, ведущие в центр Брюсселя, а также центральные улицы южных городов Шарлеруа и Нивелль. Вскоре после этого выступление ирландских и испанских водителей еще больше усилило волну протеста. В Великобритании фермерам удалось заблокировать поставку бензина почти на трех четвертях из 13 тысяч автозаправочных станций Соединенного Королевства.

Благодаря Европейскому союзу с национальных правительств стал совершенно другой спрос: результаты их деятельности теперь сравниваются с результатами деятельности правительств соседних стран. Изо дня в день даже «евроскептически» настроенные газеты типа «Дейли мэйл» отмечали, что английские налогоплательщики платят больше, чем в среднем по Европе. Этот «среднеевропейский показатель» все в большей степени приводит к сопоставлению правительств стран ЕС в плане их способности исполнять свои основные функции и служит критерием, с помощью которого граждане могут оценивать компетентность своего национального правительства.

Когда исследование показало, что в Германии число людей, получивших высшую сумму баллов за грамотность меньше, чем в двенадцати из пятнадцати стран Европейского союза, правительство было вынуждено незамедлительно отреагировать, приступив к осуществлению

XXI век — век Европы

инвестиционной программы общей стоимостью в 4 миллиарда евро с целью развития системы школ продленного дня. Тони Блэр обязался до 2005 года увеличить расходы на здравоохранение до среднего уровня по ЕС, а Либерально-демократическая партия на своей конференции в Борнмуте приняла обязательство повысить расходы на все виды коммунальных услуг до среднеевропейского уровня. Президент Ширак обещал в течение пяти лет сократить налог на доходы

компаний до «la moyenne Européenne»*.

В марте 2000 года руководители стран Европейского союза на встрече в Лиссабоне договорились использовать сравнительную статистику для усиления давления на национальные правительства, чтобы повысить эффективность деятельности последних. Они поставили цель добиться того, чтобы к 2010 году Европа «имела самую конкурентоспособную и динамичную, научно обоснованную экономику в мире, была способна к устойчивому экономическому росту, располагала большим количеством рабочих мест более высокого качества, а также обладала большей социальной сплоченностью». Эта задача была выражена в исчисляемых показателях, планируемых для ЕС в области занятости, использования новейших технологий, экономических реформ и социальной сплоченности. Де-

* Среднеевропейский уровень (*фр.*).

145

Леонард Марк

тельность каждого правительства контролировалась Европейской комиссией, чтобы можно было назвать и пристыдить страны, плохо выполняющие поставленные задачи, и поставить в пример страны, успешно справляющиеся с ними.

Достигнутый прогресс пока еще не так велик, но сам факт, что в странах ЕС национальная политика рассматривается в более широком контексте, уже создает настоящую конкуренцию осуществляемых в Европе политических мер. «Среднеевропейский уровень» может дать гражданам колоссальные возможности. Европейская интеграция все больше будет проявляться как нарастающее стремление к оптимальной политике — созданию превосходных больниц, школ с более творческим подходом, принятию наиболее эффективных мер по борьбе с преступностью.

ИЗБЕГАЯ ЛОВУШКИ «ДЕФИЦИТА ДЕМОКРАТИИ»

Европейский союз представляет собой лабораторию для переосмысления демократии¹¹. Нам все еще предстоит пройти определенный путь в создании «общественного пространства» для обсуждения и решения насущных проблем, — пространства, в котором может возникать политическое большинство, а также общие решения,

146

XXI век — век Европы

которые смогут стимулировать граждан каждой из европейских стран. И хотя нынешняя европейская система управления могла бы быть лучше, она тем не менее являет собой самый интересный в мире эксперимент в области демократии.

Проблема заключается в том, что демократическая революция в Европе прошла в основном не замеченной ее гражданами. Во всех государствах — членах ЕС поддержка Европейского союза падает, и в тех редких случаях, когда граждан спрашивают, поддерживают ли они интеграцию, многие отвечают «по», «пеј» или «поп». Лишь отчасти удавшийся французский референдум по Маастрихту в 1991 году, датское «пејс» в 1991 и 2000 годах, ирландское «по» в 2002-м и отрицательное качание головой молчаливых шведов в 2003 году бросили длинную тень на европейский проект.

Уязвленные падающей популярностью ЕС европейские лидеры создали Конституционный конвент с целью выяснить, каким образом можно вернуть

контакт интегрированной Европы с ее гражданами. Начавший работу под председательством бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена конвент сознательно был смоделирован по образцу одноименного филаделфийского конвента, на котором Джеймс Мэдисон, Бенджамин Франклин и Джордж Вашингтон составили современную американскую конституцию, наделив ее напрямую изби-

147

Леонард Марк

раемым президентом, сенатом и палатой представителей, верховным судом и четким разделением властей¹². Однако предложенные Конституционным конвентом ЕС решения сильно отличались от тех, о которых мечтали их американские предшественники.

Многие из предложений Конвента помогут сделать Европу более открытой и успешной. Конституция сделает европейский процесс принятия решений открытым для общественности, закрепив функцию принятия законодательных актов за открытыми заседаниями Европейского совета. Она же позволяет ЕС более эффективно выступать на международной арене благодаря учреждению должности европейского министра иностранных дел. Конституция устанавливает границы европейской интеграции, давая возможность одной трети национальных парламентов блокировать любое предложение Комиссии. И что самое интересное, она вводит элемент прямой демократии: ею впервые предусмотрено право обращаться в Комиссию с заявлением для внесения предложений, для чего надо собрать один миллион подписей.

Но еще интереснее меры, которые Конвент не предлагает. После 16 месяцев размышлений, 26 пленарных заседаний Конвента в течение более чем 52 дней, десятков совещаний рабочих групп, 1800 выступлений, 1500 письменных предложений, 6 тысяч поправок и расходов на

148

XXI век — век Европы

общую сумму 21 миллион евро¹³, они создали проект конституции, однозначно отвергавший американскую модель. Многие доказывали, что Европе следует разработать президентскую или парламентскую систему, смоделированную по образцу национального государства. Но эти критики не поняли главного замысла Европейского союза.

Причина, по которой люди не стремятся голосовать за Европейский парламент, состоит не в том, что он не обладает властью. Это происходит потому, что ни одна из областей, на которых специализируется Европарламент, — либерализация торговли, валютная политика, устранение нетарифных барьеров, техническое регулирование в области защиты окружающей среды и в других областях, — не фигурирует в перечне вопросов, интересующих избирателей¹⁴. Действительно, Европейский союз не определяет ни одного из пяти самых важных для европейских избирателей направлений политики — предоставления медицинской помощи, образования, правопорядка, пенсий и политики социального обеспечения, а также налогообложения. Таким образом, сосредоточенный на технических вопросах и имеющий очень мало власти над услугами, наиболее значимыми для европейцев, напрямую избираемый президент Европы будет иметь не больше шансов внушить европейцам надежду, чем имел бы президент, назначенный

149

Леонард Марк

правительствами европейских стран или Евро-парламентом.

И даже если бы удалось уговорить людей проголосовать за президента, результат был бы катастрофическим. Центральной фигуры, будь то президент, премьер-министр, или центрального органа типа парламента, единолично отвечающих за составление европейской повестки дня и ее реализацию, никогда не будет, потому что европейские граждане никогда не согласятся, чтобы их национальные правительства оказались под началом президента или парламента ЕС. Сила «сетевой Европы» заключается в том, что при решении разных вопросов разные страны могут иметь различный вес, но ни одна из них, какой бы сильной она ни была, не может игнорировать другие страны. Именно поэтому национальные правительства и народы согласились принять ЕС. Его хрупкая законность была бы поколеблена, если бы отдельные страны видели, что их постоянно игнорируют, — точно так же, как многие шотландцы начинали задаваться вопросом о целесообразности Соединенного Королевства, имевшего как будто бессменное правительство консерваторов, невзирая на то что большое количество шотландцев голосует за лейбористов.

Конвент признал, что слепое подражание американской конституции путем учреждения напрямую избираемого председателя Евро-

150

XXI век — век Европы

комиссии либо Европейского парламента, наделенного полномочиями избирать европейскую исполнительную власть или выступать с законодательной инициативой, разрушило бы все то, что заставляет европейский проект работать: маневренность, позволяющую ему развиваться, чтобы решать новые проблемы; его многочисленные центры власти, дающие всем государствам-участникам возможность представлять свои интересы; его уважение к национальным демократиям и самобытности.

Европейская конституция — это не поэтическое произведение. В ней отсутствует драматический характер американской конституции, так как она не является документом, имеющим целью создание национального государства. Но она бережно сохраняет принципы «сетевой Европы», которая теперь свободна и может продолжать свой уникальный эксперимент по переосмыслению демократии для эпохи глобализации.

Леонард Марк

ГЛАВА 3 ЕВРОПА-50

Французский писатель Алексис де Токвиль больше всего известен своей поездкой в Соединенные Штаты в 1830-е годы и пространными посланиями, посвященными молодой демократии, которые он присылал на родину. Однако в 1937 году Токвиль отправился в другое рискованное морское путешествие в поисках новых типов правления — на этот раз не через Атлантику, а через Средиземное море. 22 августа он написал своему другу письмо из Алжира об опасностях, которые несет с собой империализм: «Представь себе... император Китая, высадившись на берегах Франции во главе сильной армии, овладел нашими крупнейшими городами и нашей столицей. И, уничтожив все наши государственные реестры, даже не потрудившись прочитать их, истребив или разогнав всех

152

XXI век — век Европы

управленцев, не ознакомившись с их всевозможными атрибутами, он, в конце

концов, избавляется от всех государственных чиновников начиная с главы правительства и кончая *gardes cha-mpetres*»^{*1}. Токвиль утверждает, что сильная армия, крепости и богатство не помогут в управлении страной, имеющей другую религию, другой язык и другие законы. В результате получится сочетание военной оккупации в одних частях страны с анархией на остальной части ее территории: «Вы увидите, сэр, что мы сделали в Алжире именно то, что, по моему предположению, сделал бы во Франции китайский император».

По прошествии ста семидесяти лет Алжир продолжает описанное Токвилем хождение по мукам: с одной стороны, он не способен отбросить авторитарную модель правления, унаследованную им от его колониального прошлого, с другой, ему не позволяют предпринять попытку самоуправления — из страха, что к власти могут прийти исламисты. Недуг авторитаризма продолжает наносить вред стране при негласной поддержке ее бывшей метрополии. И то, что справедливо для Алжира, справедливо и для многих из новых соседей ЕС, находящихся к югу и восточнее от него. В Северной Африке и на Ближнем Востоке полуавторитарные режимы продолжают править при поддержке Запада,

^{*} Сельские полицейские (*фр.*).

153

Леонард Марк

тогда как в бывших советских государствах, таких как Беларусь и Молдова, деспотичным правителям удастся при поддержке их бывших российских руководителей справиться с неугомонной национальной оппозицией.

Сейчас для Европейского проекта наступил решающий момент: как оказать на новых соседей такое же преобразующее воздействие, какое он оказал на страны Центральной и Восточной Европы и Турцию. Как превратить Европейский союз, состоящий из двадцати пяти членов, в сообщество пятидесяти демократических государств, которое преобразует своих соседей, увлекая их за собой.

Англичане и американцы — по разным причинам и в разном возрасте — вновь переживают в Ираке кошмар, описанный Токвилем. Они пытаются превратить эту страну в жизнеспособное демократическое государство. Однако уничтожив все, они должны восстанавливать все с нуля, начиная с электро- и водоснабжения, продолжая полицией и почтовыми индексами и заканчивая министерствами и муниципальными мусорными баками. Подобным образом трудно построить демократию, работая в условиях противодействия, заменяя местные системы системами, импортированными извне, будучи вынужденными оккупировать страну и контролировать все и вся, чтобы быть уверенным, что страна не погрузится в хаос. За один год Соединенные Штаты тра-

154

XXI век — век Европы

тят на восстановление страны с 20-миллионным населением больше, чем Европейский союз потратил за десять лет на установление демократии во всем бывшем советском блоке².

Различие очевидно: европейская идея демократии не была завезена с Запада в сопровождении бронетанковой техники. Это идеал, стимулирующий людей к внутренним переменам. Но удастся ли Европе вновь добиться успеха?

ЖАЖДА ПЕРЕМЕН

На цветочном рынке в центре Тбилиси бойко идет продажа роз. Розы стали символом революции, охватившей в ноябре 2003 года всю Грузию. Участники демонстраций против сфальсифицированных выборов не причинили вреда ни

одному человеку — вместо оружия и «коктейлей Молотова» они несли красные розы. Когда они собрались перед зданием парламента, президент Эдуард Шеварднадзе вывел на улицы сотни солдат. Но когда протестующие студенты стали передавать розы солдатам, многие из солдат сложили оружие. Лидер революции, получивший образование в США 35-летний Михаил Саакашвили, вручил розу тогдашнему президенту, выкрикнув: «В отставку!» Через несколько месяцев Саакашвили был выбран президентом подавляющим большинством голосов: за

155

Леонард Марк

него проголосовало более 96% избирателей³. Он обещал народу Грузии привести страну в общеевропейское русло: «Новые члены ЕС совершенно ясно дали понять, что они не закрывают за собой двери. Мы добились прогресса и работаем в данном направлении каждый день. Мы идем к этому, сколько бы времени для этого ни потребовалось. ЕС может приветствовать нас и ждать нас»⁴. Пока грузины устраивали демонстрации, другие народы наблюдали за происходящим. Год спустя соседи Грузии устроили при аналогичных обстоятельствах «оранжевую революцию» на Украине, а лидер реформистов Виктор Ющенко построил свою выборную кампанию на обещании «европейского будущего». Но отзвуки тбилисских событий ощущались и гораздо дальше за пределами Грузии. Во всем арабском мире средства массовой информации захлебывались от зависти. В Ливане журналистка газеты «Аль-Нахар» Сахар Баа-шири призывала своих соотечественников обратить внимание на события в Грузии: «Наблюдая за "революцией роз" в Грузии, я испытывала чувство зависти... Мне больно было смотреть на толпы людей, собирающиеся [у здания парламента], чтобы исполнить свою волю, — как будто они и мы, арабы, живем на разных планетах, и на нашей планете никто не знает, что значит воля народов»⁵. В обозрении, критикующем арабскую элиту, Саад Махиев писал в выходящей в ОАЭ

156

XXI век — век Европы

ежедневной газете «Аль-Халидж»: «Почему арабские общества не знают аналогичных [грузинской] революций? Почему они пребывают в коматозном состоянии, в то время как все народы мира — в том числе африканские народы — начиная с 1989 года движутся в ритме единой, истинной и универсальной революции, устремляя [мир] по направлению к фабрике демократии? Почему арабский регион до сих пор не дал всходы демократических и либеральных движений, которые предложили бы арабским народам альтернативу существующему множеству деспотий и авторитарных режимов?»⁶.

Серьезная проблема заключается в том, каким образом претворить стремление народа к переменам в реальные реформы. То, что можно сделать извне, имеет свои границы. Когда Соединенные Штаты приступили к осуществлению своей «Инициативы ближневосточного партнерства», направленной на поощрение реформ посредством предоставления помощи и благоприятных условий торговли, реакция была убийственной. В статье подзаголовком «Демократии — да, США — нет», Хуссейн Абд аль-Ра-зак, обозреватель египетской ежедневной оппозиционной газеты «Аль-Ахали», писал: «Разговоры американской администрации о демократии — это обман, который никого не введет в заблуждение. Это Соединенные Штаты свергли демократический режим Альенде в Чили и ус-

157

Леонард Марк

тановили вместо него диктатуру Пиночета. Это они сегодня пытаются свергнуть демократически избранное правительство Чавеса в Венесуэле. Хорошо известен их альянс с диктаторскими режимами в арабском мире»⁷. Подозрения настолько сильны, что даже когда Соединенные Штаты проводят политику, которая должна была бы пользоваться поддержкой в регионе, она наталкивается на стену недоверия. В заметке, опубликованной в египетской газете «Аль-Ахрам», утверждалось, что американская гуманитарная помощь Афганистану состояла из генетически модифицированных продуктов и умышленно сбрасывалась в густо заминированных районах предположительно с целью убийства афганских мирных жителей или причинения им вреда.

Репутация у европейских стран в этом регионе, конечно же, лучше, чем у США. Европейцы на горьком опыте научились не представлять свои цели как «цивилизаторскую миссию», а Жак Ширак, выступив против войны в Ираке, занял в опросе общественного мнения в арабском мире второе место среди популярных лидеров, уступив только Усаме бен Ладену. Однако личность посредника — это лишь часть проблемы. Главное преимущество европейской позиции состоит в том, что она мыслится как реакция на местные потребности. Европейский союз может так делать, потому что ЕС не просто еще

158

XXI век — век Европы

одна страна, указывающая арабам или восточным европейцам, как им вести свои дела: это клуб, — имеющий свои правила и дающий определенные выгоды. Облекая свои отношения в форму создания клуба соседних стран — и выясняя, каких правил следует придерживаться этому клубу, — Союз может создавать стимулы для осуществления реформ, не проводя имперской политики.

ПОЛИТИКА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ»

В то время как приближается решающий момент, многие игнорируют предназначение Европы. Аналогичным образом, говоря о Турции как «модели» для Ближнего Востока, они однозначно исключают как раз то, что побудило Турцию к переменам, а именно возможность вступления в европейский клуб.

Сегодня перечень потенциальных членов ЕС образует длинный список. Румыния, Болгария и Турция уже ведут переговоры о вступлении. Готовятся к членству в ЕС Западные Балканы. Правительства Украины и Грузии заявили о своем намерении следовать за ним; Марокко дважды выражало заинтересованность во вступлении в Союз; Сильвио Берлускони во время своего недавнего визита в Россию предложил РФ перспективу полноправного членства в ЕС, а в

159

Леонард Марк

2001-2002 годах в израильских политических кругах состоялся ряд дискуссий о том, может ли ЕС служить Израилю опорой в любых мероприятиях, направленных на урегулирование вопроса о «двух государствах» путем переговоров с Палестиной.

Однако Европа не дает определенного ответа. Бывший председатель Еврокомиссии Рома-но Проди сказал, что Украина «имеет столько же оснований входить в состав ЕС, сколько Новая Зеландия». Когда Марокко в 1987 году выразило заинтересованность во вступлении в Европейский союз, оно быстро получило отказ на том основании, что оно не является европейским государством. Узвзленный этим отказом марокканский король Хассан в 1994

году открыто посетовал, что «[европейцы] больше ищут союзников на Востоке, потому что там живут белые... потому что это одна большая семья. А потом они смотрят на другую сторону Средиземного моря и говорят: "Ах, да, правда, вот тот бедный маленький народ, который мы колонизировали"»⁸. Вполне естественно, что Европа целиком занята «перевариванием» последней волны расширения ЕС и подготовкой к приему Турции, а не ожиданием нового «большого взрыва»*.

* Расширение ЕС и НАТО, инициированное на саммитах в Копенгагене и Праге в 2002 году.

160

XXI век — век Европы

Однако, как мы выяснили на примере Балкан начала 1990-х годов, воссоздание железного занавеса не может гарантировать европейскую безопасность⁹.

Существует выбор: либо вступить во взаимодействие с нашими соседями уже сейчас и создать стимулы для их изменения, либо в дальнейшем столкнуться с последствиями краха, которые чреваты насилием, и тогда заплатить гораздо более дорогую цену. Каждая волна расширения Европейского союза ставит новые задачи, поскольку ни одна страна не хочет быть окруженной хаосом. Так же как немцы хотели вступления Польши в клуб, чтобы иметь стабильного соседа, сегодня уже поляки хотят присоединения к ЕС Украины. Когда украинцы вступят в Союз, они захотят, чтобы к ним присоединилась Беларусь. Ведутся дебаты относительно того, насколько этично и эффективно подавать несбыточные надежды на вступление в ЕС: обещания Франции и Германии того, что Польша к 2000 году вступит в Союз, усилили сложившееся у Польши в дальнейшем представление, что ЕС умышленно затягивал процесс. Турки с подозрительностью относятся к намерениям Союза, поскольку они могут видеть, что европейские лидеры говорят турецкой аудитории одно, а своим избирателям у себя в стране — другое¹⁰.

Но есть вещь более опасная, чем подавать надежды, — это категоричный отказ в приеме.

6 М. Леонард
161

Леонард Марк

До тех пор пока существует надежда и ясный путь к ее осуществлению, существуют и стимулы для изменений. В разные периоды предпринимались попытки определить границы объединенной Европы, но членство в Европейском союзе в конечном итоге является результатом свободного выбора. В 1989 году не было твердой уверенности относительно того, следует ли Европе заняться углублением ЕС или его расширением, может ли она принять бедные центрально- и восточноевропейские страны; но когда эти страны согласились подчиниться правилам клуба, отказать им в приеме было бы неприемлемым с нравственной точки зрения.

Проблема в том, что не следует предлагать членство в ЕС, которое, совершенно очевидно, является нереальным для многих новых соседей объединенной Европы. Но мы, конечно же, не должны закрывать для них эту возможность. Мы должны воздерживаться от четкого определения будущих границ Союза, но предельно четко определить, что необходимо делать странам, чтобы они могли надеяться вступить в него. Мы должны дать им ясно понять, что если они хотят вступить в Европейский союз или создать Средиземноморскую зону свободной торговли, ЕС будет щедро поощрять страны, укрепляющие правопорядок, соблюдающие права

человека и принимающие *Acquis Communautaire**. Это
Право Европейского сообщества (*фр.*).

162

XXI век — век Европы

единственный способ полностью изменить порочную динамику отношений с нашими соседями. Не мы должны предстать навязывающими свои политические нормы извне, а они должны просить нас о взаимодействии с ними".

КОАБЛЮ ДРУЗЕЙ

Бывший председатель Европейской комиссии Романо Проди говорил о превращении этой окружающей ЕС потенциальной зоны нестабильности в «кольцо друзей»¹². Он говорил, что этим странам будет предложено все, за исключением членства в ЕС. В опубликованной Еврокомиссией стратегии перечислены пятнадцать видов поощрительных мер, начиная с «более эффективного политического диалога» до «перспектив интеграции в транспортную, энергетическую системы и систему коммуникаций», а также «увеличения и совершенствования [финансовой] помощи».

Комиссия уже провела переговоры с пятью странами подетальным «Планом действий», где перечислены 200 конкретных политических и экономических реформ, которые этим странам необходимо провести в обмен на поощрительные действия со стороны Европейского союза¹³. При этом важно то, что это не просто соглашения с правительствами, — было бы неправильно возлагать большие надежды на демократи-

163

Леонард Марк

ческий энтузиазм таких лидеров, как Хосни Мубарак в Египте, Зин аль-Абидин Бен Али в Тунисе или Башар Асад в Сирии. Одно из условий этих соглашений предусматривает, что они составляются после консультаций с местными гражданскими обществами. Страны, подписывающие такие соглашения, приобретают право на получение «политических премий» (неофициально на эти цели выделено 5% фондов программы Европейско-Средиземноморского партнерства)¹⁴.

Это новая, очень интересная инициатива, способная продвигать процесс реформ в странах ближнего зарубежья объединенной Европы. Однако, несмотря на все разговоры о партнерстве, предлагаемые отношения — это отношения зависимости. Существует опасность того, что этот пакет решений будет рассматриваться как успокоительное средство, предлагаемое вместо принятия в Европейский союз, а не как путь, в конечном итоге ведущий к вступлению в этот клуб. В среднесрочной перспективе, если ЕС действительно хочет преобразовать соседние с ним страны, он должен обдумать вопрос о создании нового политического сообщества, в управлении которым эти страны будут иметь право голоса — Евро-Средиземноморскую зону свободной торговли, — причем будет подразумеваться, что в итоге они могут вступить в европейский клуб.

164

XXI век — век Европы

ЕВРОПА ПЯТИДЕСЯТИ

Многие скажут, что если Европейский союз будет состоять из пятидесяти стран, он станет неэффективен, что если количество членов Союза, которых сегодня насчитывается двадцать пять, будет превышено, то это приведет к перегруженности и слишком большой территориальной протяженности. Но ЕС — это

динамическая политическая система, которая уже сейчас пытается решить проблемы различий и континентальных масштабов деятельности. Если интегрированная Европа будет продолжать расти, то ясно, что она образует ряд частично совпадающих друг с другом сообществ, объединенных 80 тысячами страниц *Acquis Communautaire*, но не осуществляющих совместной деятельности во всех остальных областях. Уже существуют три обширных проекта, в которых участвуют не все 25 членов ЕС: Еврозона, в которую входят только двенадцать стран; Шенгенское соглашение о безвизовых поездках граждан 15 стран; и Западноевропейский союз — европейский оборонительный союз, насчитывающий 10 полноправных членов.

Если когда-то и надо было прислушаться к наказу Монне расширять контекст путем изменения ключевых обстоятельств, то это в случае с новыми соседями интегрированной Европы.

Леонард Марк

Если Европа была инкубатором войн и нестабильности в XX столетии, то ее новые соседи являются источником некоторых из самых больших опасностей, угрожающих миру в XXI веке.

Это станет крупнейшим испытанием европейской внешней политики, тем более что Европа не единственный полюс притяжения в этом регионе. На востоке все более активной становится Россия, которая по мере экономического роста чувствует себя все более уверенно и использует свои богатые природные ресурсы, чтобы вернуть былое положение в мире и создать империю из энергозависимых соседних стран. На юге и на востоке мы видим значительное американское присутствие. Американские военные базы расположены в Ираке, Кувейте, Бахрейне, Омане, Израиле, Катаре и Объединенных Арабских Эмиратах, в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане, кроме того, планируется создать новое «семейство баз» в Румынии, Польше, Болгарии, Марокко, Тунисе и Алжире¹⁵. США всегда будут оказывать серьезное влияние на решения, принимаемые в этом регионе, и не в последнюю очередь потому, что они также являются важным экономическим партнером многих стран и подписывают с ними соглашения о свободной торговле.

Поэтому европейцам тем более важно показать, что они могут взять на себя ответственность за своих ближайших соседей и сотрудни-

166

XXI век — век Европы

чать с американцами в выработке нового подхода, как они это сделали в Центральной и Восточной Европе. Во всех наиболее крупных странах мы можем указать на иной путь движения вперед.

Например, в Иране американская стратегия изоляции и оказания давления фактически способствует подавлению демократии и разработке ядерного оружия. Урок, извлеченный иранцами из войны в Ираке, учит, что единственный способ обезопасить себя от американского вторжения — это наличие ядерных средств сдерживания, и задача заключается в том, чтобы разработать их быстро, пока американские войска связаны в Ираке. Равным образом, поскольку Иран уже стал «государством-парией», он ничего не теряет, подавляя демократию. Вот почему европейская политика, которая начинается с признания мотивов Ирана и пытается изменить анализ рисков для правительства, могла бы быть более эффективной. Seriously относясь к озабоченности Ирана вопросами безопасности и предлагая крупные экономические выгоды, она старается вновь обрести влияние на иранский

режим, которое было утрачено в результате американской стратегии изоляции. Но без американского участия Европейский союз не может добиться успеха, так как он не может предоставить иранцам тех гарантий безопасности, которые им нужны.

167

Леонард Марк

Война Буша с терроризмом по существу консолидировала автократические режимы в арабском мире и на Кавказе, от Мубарака в Египте и до Назарбаева в Казахстане, которые используют борьбу с терроризмом, чтобы оправдать усиление контроля над средствами массовой информации и политику систематических арестов и дискриминации в отношении своих политических противников. Аналогичным образом американская политика создания двусторонних зон свободной торговли уже осложнила планы Европы по созданию региональной зоны свободной торговли и использованию зарождающейся региональной общности в качестве главной составляющей европейской политики содействия развитию демократии.

Во всех этих районах Европа может использовать свою «преобразующую силу», чтобы с помощью притягательной силы политики добрососедства и увязкой доступа к рынку с политическими реформами формировать те части общества, которые остаются недостижимыми для Америки. В настоящее время решение начать переговоры с Турцией сняло ограничения относительно религии и географического положения и показало, что Европейский союз — это прежде всего сообщество ценностей.

Как сказал бывший министр финансов Франции, Доминик Страусс-Кан: «Открыв свои двери на восток, Европа теперь должна обра-

168

XXI век — век Европы

таться к югу, с тем чтобы она смогла опять стать связующим звеном между Западным миром и Востоком... Нам придется подумать о том, как дать возможность странам бывшего Советского Союза и Средиземноморского бассейна, таким как Магриб, включиться в нашу политическую сферу». Сейчас, по его словам, может быть слишком рано начинать готовиться к образованию Европейского союза, охватывающего территорию от айсбергов на Севере Арктики до песчаных дюн в Сахаре и Средиземноморье посередине. Но исключать такую возможность было бы преступлением.

Леонард Марк

XXI век — век Европы

ГЛАВА 9

БРЮССЕЛЬ И ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС

170

В облюбованном мною местном «кар-ри-хаус» меня встречали, как давно пропавшего друга. Столпившиеся молодые официанты оживленно жестикуют, указывая на меня. Наконец я понял, что они показывают на мою сумку, приобретенную во время недавней поездки в Китай, на которой китайскими иероглифами было написано «Шанхай». «Вы были в Китае, — заговорили они. — Китай только что послал человека в космос... они идут по следам Америки». Эти молодые бенгальцы были движимы не только региональным энтузиазмом. Повсюду в развивающихся странах люди с удивлением отмечают могучую поступь

Китай. Как модель развития он служит источником стимулирующего воздействия, его головокружительные темпы роста, превышающие 8% в год¹, поднимают миллионы людей из нищеты. Но еще больше волнует перспектива появления новой сверхдержавы, которая может бросить вызов гегемонии США и американскому образу действий.

Уже сейчас говорят о «веке Китая» и «пекинском консенсусе», потому что возвышение Китая не отвечает хрестоматийной модели западного развития. Китайская Народная Республика движима не желанием осчастливить банкиров из МВФ и Всемирного банка, а более фундаментальным стремлением к сбалансированному, качественному росту. Китай с осторожностью относится к идеям приватизации и свободы торговли, а не следует им с фанатичным рвением. Его внешняя политика руководствуется жесткой защитой государственных границ и интересов, а также усиливающейся приверженностью многосторонним организациям, таким как Организация Объединенных Наций. Все это вместе взятое дало Китаю возможность расти, не попадая в зависимость к таким финансовым институтам, как Всемирный банк и МВФ, к транснациональным компаниям или к администрации Буша².

При виде ошеломляющих размеров и темпов роста Китая многим покажется, что его возвышение затмит преобразующую силу Европы. Но секрет Китая состоит в том, что по мере своего роста и утверждения на международной арене он все больше становится похож на Европейский союз: развитие Китая движимо желанием

171

Леонард Марк

уйти от перенесенной в прошлом травмы. Правящие политические круги ставят мир и стабильность превыше всего. Интервенционистское государство стремится к сочетанию экономического динамизма и социальной сплоченности. В области внешней политики Китай верит в создание всемирных институтов, подобных Организации Объединенных Наций, и господство права в международных отношениях. А в Азии Китай продвигает в соседних с ним странах процесс региональной интеграции, который в один прекрасный день может привести к созданию «Европейского союза» Востока.

Есть одно удивительное обстоятельство, которое мало кто понимает, — это то, что возвышение Китая на мировой арене может стать одним из главных движущих факторов «нового века Европы».

«СТРЕМИТЕЛЬНОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ _____ МИРНЫМ ПУТЕМ»

Окруженный песчаными пляжами, кокосовыми пальмами и горячими источниками морской курорт Боао расположен на восточном побережье китайского острова Хайнань. Именно здесь 3 ноября 2003 года бывший заместитель директора Центральной партийной школы Чжэн Бицзянь решил обнародовать свою идею «мирного подъема Китая»³.

172

XXI век — век Европы

Поскольку современная история Китая отмечена унижением, нанесенным иностранными державами и гражданскими войнами, правительственные чиновники много лет говорили о «возрождении китайской нации»⁴, чтобы сплотить граждан своей страны. Но если эти слова хорошо действуют на

отечественную аудиторию, то у соседей Китая они вызывают содрогание, потому что те не хотят оказаться раздавленными по ходу движения китайского гиганта. Теория «мирного подъема» явно была задумана как противовес мнению о том, что возвышение Китая представляет собой угрозу. Эта концепция явилась результатом тщательных исследований, проведенных по поручению Госсовета докторантами из Шанхая. Они рассмотрели сорок конкретных примеров развития и обнаружили, что там, где наблюдался наиболее успешный подъем, ему сопутствовали стабильность и мирное международное окружение. Мирный подъем или «стремительное возвышение мирным путем» подытоживает провозглашенную Пекином цель установления добрососедских отношений и международной ответственности. Пекин делал особое ударение на том, что подъем Китая вовсе не причинит вреда другим государствам, а принесет им ощутимые выгоды. Китайские теоретики любят подчеркивать, что если экономический потенциал Японии и других «азиатских драконов» основывается на агрессивном, даже хищническом экспор-

173

Леонард Марк

те, то рост Китая может быть отнесен не только на счет иностранных рынков, но и на счет огромных размеров потребления внутри страны и иностранных инвестиций⁵. Когда Китай открыл свои двери для импорта, выросшего за последний год более чем на 40%, рост Китая стал действовать как стимулятор экономической активности не только в своем регионе, но и во всем мире. Конечно, китайцы пошли на все, чтобы сообщить о своем стремлении к миру. В последние годы они разрешили практически все территориальные и пограничные споры с соседними странами. Они подписали с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) пакт о ненападении, а это означает, что разногласия по поводу суверенитета над спорными районами, такими как Южно-Китайское море, будут отложены на неопределенный срок в интересах общего экономического развития. Они проводят серьезную работу, помогая решить вопрос атомных программ в Северной Корее. Кроме того, китайское руководство взяло обязательство, используя среди прочих мер соглашения о свободной торговле, способствовать росту импорта из стран АСЕАН и увеличить экономическую помощь этим странам⁶. Китай провел совместные военные учения с Россией, Кыргызстаном, Индией и Пакистаном с целью укрепления отношений доверия с соседними странами⁷.

Китай также упорно стремится избежать конфронтации с Соединенными Штатами. Со време-

174

XXI век — век Европы

ни конфликта в начале первого срока пребывания Буша на посту президента, когда американский самолет-разведчик столкнулся с китайским истребителем, отношения стали более дружелюбными. После 11 сентября Пекин предоставил Вашингтону ценную разведывательную информацию и, подобно России, использовал это событие, чтобы оправдать осуждение сепаратистских движений у себя в стране. Китайцы сыграли активную роль в вопросе о Северной Корее на «ше-стисторонних переговорах» с участием Организации Объединенных Наций, Японии, Южной Кореи и Корейской Народно-Демократической Республики. Даже по Ираку Китай поддержал первую резолюцию ООН и занял сдержанную позицию,

в отличие от ситуации с Косово, когда китайские представители в течение 24-часового графика работы осуждали незаконные действия НАТО. Кроме того, китайцы использовали свои инвалютные резервы в размере 400 миллиардов долларов, чтобы скупать доллары и правительственные облигации, создавая тем самым глубокую экономическую взаимозависимость между Китаем и США. Хотя в Китайской Народной Республике выражение «мирный подъем» вызвало отрицательную реакцию и президент Ху Цзиньтао и премьер-министр Вэнь Цзябао спокойно заменили его выражением «мирное развитие»⁸, это больше имеет отношение к внутренней политике Коммунистической партии, чем к стратегиче-

175

Леонард Марк

XXI век — век Европы

ской позиции Китая. Стоящие за этим понятием представления о региональной интеграции, многосторонних отношениях и предотвращении конфликтов уже задают китайской внешней политике новое направление. Более того, похоже, что эта стратегия работает. Роберт У. Радтке в своей статье в газете «Кристиан сайенс монитор» показывает, как ненавязчивой китайской политике удастся привлекать союзников США в этом регионе: «Президент Ху Цзиньтао познакомил Азию со стратегией "мирного подъема" Китая во время своей поездки в Юго-Восточную Азию в октябре — сразу после визита в этот регион в том же месяце президента Буша. Контраст между тоном обоих лидеров не мог бы быть более разительным. Если говорить коротко, то Китай дает знать: "Мы здесь, чтобы помочь", тогда как США предупреждают: "Вы либо с нами, либо против нас" в войне против терроризма. Не трудно себе представить, какая дипломатическая стратегия оказалась более эффективной»⁹.

СЕТЕВОЙ КИТАЙ

Вторым серьезным изменением явилась поддержка Китаем принципа многосторонних отношений. Всего несколько лет назад китайцы считали все многосторонние институты орудием за-

176

падного империализма. Это неудивительно, если учесть начальный опыт Китая в отношениях с ними: Пекину не только было отказано в месте в Организации Объединенных Наций вплоть до 1971 года, но ООН еще и применила против него санкции во время войны в Корее в 1950-е годы¹⁰.

Побуждение к изменению взглядов было двояким. Первоначально это были экономические мотивы: Китай постепенно осознавал, что он стал второй после США страной, получающей наибольшие выгоды от глобализации. Это привело Дэн Сяопина к поддержке политики «признания существующей международной системы с целью обеспечить благоприятные условия, способствующие развитию отечественной экономики»¹¹. Вторым побуждающим фактором стал неудержимый подъем Америки после окончания холодной войны.

С точки зрения Пекина, самую большую опасность сегодня представляют не международные организации, вмешивающиеся в дела Китая, а подрыв безопасности этих организаций со стороны Соединенных Штатов. Китайский министр иностранных дел Ли Чжаосин недавно заявил: «Страны, большие или малые, сильные или слабые, равны перед лицом международного права и основных норм, регулирующих международные отношения. Существующие международные многосторонние институты во главе

Леонард Марк

с Организацией Объединенных Наций являются лучшим для всех стран местом, где они могут участвовать в международных делах на равной основе, а также институциональной гарантией демократических международных отношений, основанных на законе. У нас есть все основания, чтобы укреплять этот процесс, а ослаблять его — непростительно»¹².

Вот почему Китай, подобно ЕС, постепенно пытается решить проблему, как можно реформировать международные институты в соответствии с новыми задачами. Во время моей недавней поездки в Китай мне сказали, что КНР даже может пересмотреть свое неприятие принципа вмешательства во внутренние дела других стран и признать в ограниченных случаях возможность «гуманитарного вмешательства».

Наиболее знаменательным сдвигом в китайской политике явилась поддержка Китаем региональной интеграции. Китайские ученые изучили европейскую модель, чтобы посмотреть, как Китай может перестроить отношения со своими соседями. Через четыре года после распада Советского Союза Китай и его соседи на западе — Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан — провели совместные переговоры, чтобы обсудить свои новые границы в рамках коалиции, именуемой «шанхайской пятеркой». Они обсудили договора о демилитаризации их общей границы протяженностью 4300 миль и постепенно

XXI век — век Европы

расширили сферу своего сотрудничества, включив в нее безопасность и торговлю. В 2001 году, когда к ним присоединился Узбекистан, «Шанхайская пятерка» стала Шанхайской организацией сотрудничества. Эта новая организация уже создала в Узбекистане «Региональную антитеррористическую структуру» и организовала сотрудничество в вопросах экономики, границ и правоохранительной деятельности, а также проведение двух совместных военных учений. Региональные аналитики говорят о зарождающемся «духе Шанхая» — принципах взаимного доверия, взаимной выгоды и равенства, — несущем стабильность этому региону¹³.

В отношении Китая к странам к югу и востоку от него происходит такая же революция. За весь период холодной войны взаимодействие Китая со странами АСЕАН осуществлялось исключительно на двусторонней основе. Однако за последние пятнадцать лет его активное стремление к региональной интеграции стало напоминать аналогичное стремление Европейского союза. Китайские лидеры говорят о формировании «азиатского сообщества» подобного Европейскому союзу, и создании на основе китайского юаня азиатской валюты с целью не зависеть от американского доллара¹⁴.

Конечно, неровные отношения Китая с Японией будут продолжать тормозить этот процесс. Воспоминания о Второй мировой войне не ут-

Леонард Марк

ратили силу, к тому же обе стороны поддерживали в народе взаимную антипатию. Ежегодный визит японского министра иностранных дел в Китай с целью почтить память японских солдат, осужденных за военные преступления в Китае, каждый год вызывает прилив враждебных чувств, между тем как китайские контролируемые государством средства массовой информации редко упускают возможность подогреть антияпонские настроения. Тем не менее

некоторые специалисты считают, что существующая инерция регионального экономического сотрудничества, подъем японской экономики и общая заинтересованность в разрешении атомной проблемы в Северной Корее могут сблизить эти две страны.

КИТАЙ КАК ПРОБЛЕМА ЕВРОПЫ

Описываемый мною «европейский Китай» является всего лишь одним из целого ряда возможных вариантов будущего мира. Его появление будет зависеть от двух главных сдвигов в китайском мышлении. Во-первых, это развитие новой этики международной ответственности. В прошлом году Китай сыграл ключевую роль в северокорейском вопросе, проявил большую готовность участвовать в обсуждении вопросов глобального управления и предоставил ограничен-

180

XXI век — век Европы

ный контингент войск для выполнения миссии ООН по поддержанию мира. Однако чтобы стать партнером Европы в политической и экономической сферах, Китаю придется серьезно включиться в работу, направленную на стабилизацию переживающих кризис государств, защиту людей от геноцида, решение проблемы глобального потепления и предотвращение распространения оружия массового уничтожения. Китаю также придется изменить свое понимание суверенитета. Вместо того чтобы считать объединение суверенитетов угрозой, ему надо будет в еще большей мере принять это объединение, если он намерен продолжить попытки содействовать региональной интеграции.

Препятствовать этому может многое. Европейских обозревателей пугают возрождающийся национализм общественного мнения и политика «одного Китая», ставящая цель «любой ценой» не дать Тайваню провозгласить свою независимость. Существует также риск того, что ненасытные потребности китайского правительства в поставках энергии могут настроить Китай против ряда европейских приоритетов. Необходимость защитить свои энергетические интересы в Судане и Иране может заставить Пекин не согласиться с попытками Запада положить конец геноциду в первой и распространению оружия массового уничтожения во второй из этих стран. Самой большой по-прежнему-

181

Леонард Марк

му остается проблема демократии и прав человека. В Китае усилилась тенденция к созданию более меритократической* системы внутри Коммунистической партии, и были предприняты попытки сделать ее открытой для преуспевающих людей из бизнеса. Идут разговоры о следующей большой революции — революции демократии с введением выборов на городском и государственном уровнях. Однако это будет длительный процесс.

То, как поведет себя Китай, отчасти будет зависеть от отношения к нему. Если к нему будут относиться как к угрозе, как обычно делают многие неоконсервативные теоретики, то это может стать сбывающимся пророчеством. Попытка сдерживать Китай и препятствовать его развитию может стимулировать его национализм и спровоцировать катастрофическую войну из-за Тайваня. Аналогичным образом, если развитые страны будут относиться к

Китаю как к партнеру и включают его в международные институты (связав тем самым определенными обязательствами), то КНР, возможно, будет связана собственной логикой многосторонних отношений. Принятие Китаем рынка привело его к приверженности миролюбивой идеологии и принципу многосторонних отно-

XXI век — век Европы

* Меритократия — букв, власть наиболее просвещенных.

182

шений. Может быть, эта политика, в свою очередь, разовьет свою собственную динамику и вследствие этого по-новому определит представления Китая о его национальных интересах, безопасности и даже самобытности, подобно тому как изменились Англия, Франция и Германия в результате приобретенного опыта многосторонних отношений.

Когда Китай станет мировой сверхдержавой, его принцип многосторонних отношений не только изменит динамику развития в его собственном регионе. Он может оказать исключительно сильное воздействие и на другие великие державы. Билл Клинтон убежден, что нарастающая сила Китая заставит Америку пересмотреть свою приверженность принципу многосторонних отношений: «Соединенные Штаты переживают уникальный момент в человеческой истории, обладая политическим, экономическим и военным превосходством. Но через 30 лет китайская экономика может приобрести масштабы, равные нашим, или даже больше... Тогда во взаимозависимом мире мы сможем лидировать, но не господствовать»¹⁵. Он надеется, что когда Америка столкнется с подъемом Китая, ей придется принять мир, управляемый международным правом, а не военной силой.

Если все будет хорошо, Китай может стать одним из наиболее важных субъектов преобразующей силы, адаптируя европейский рецепт

183

Леонард Марк

успеха к своему собственному региону и помогая создать международные условия, в которых были бы осуществлены принцип многосторонних отношений и региональная интеграция. По иронии судьбы продолжительным последствием этого подъема Китая может оказаться «новый век Европы».

XXI век — век Европы

ГЛАВА 10

КОНЕЦ АМЕРИКАНСКОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Каждые семнадцать лет Вашингтон готовится к нападению с воздуха. Цикады, подобно библейской чуме, обрушиваются на столицу государства и восточные штаты. Они появляются из личинок, выползают из земли, совокупляются, откладывают яйца и затем исчезают еще на семнадцать лет. Наблюдая за ними, я, европеец, живущий в имперской столице в 2004 году, начал смотреть на их переход от всплесков активности к очередному зарыванию в землю как на аллегорию американской внешней политики. Французский писатель Реймон Арон однажды охарактеризовал американскую политику как ряд «чередующихся переходов от духа воинственности к уходу в изоляцию, вдаль от коррумпированного мира, отказавшегося внимать американскому

благовествованию, и обратно»¹.

185

Леонард Марк

После 1945 года мы привыкли ощущать жар от накала воинствующего дз^аха. Во время холодной войны Соединенные Штаты использовали в Европе и Азии договоры, втягивавшие страны в акции, в которых те были не заинтересованы, дислоцировали войска по всему миру для поддержания баланса сил и помогали создавать мировые экономические и политические институты, отстаивавшие ценности либеральной демократии. Организация Объединенных наций, ВМФ₄, Всемирный банк, НАТО и даже Европейский союз были созданы под эгидой американских президентов и финансировались ими. Сегодня это чрезмерно активное участие подходит к концу.

Несмотря на то что президент Буш фактически назвал свою войну с террором «крестовым походом», в период его президентства Соединенные Штаты положили начало новому виду изоляционистской политики, рассчитанной на эпоху Билла Гейтса и Усамы бен Ладена. Америка не удалилась от мира — ее экономика и безопасность слишком сильно зависят от мировых событий, — но она попыталась высвободиться из мирового порядка, созданного ею. В период между 11 сентября 2001-го и июнем 2004 года военные расходы США выросли до уровня аналогичных расходов всех остальных стран мира вместе взятых. При этом Вашингтон пошел на

186

XXI век — век Европы

подрыв международных соглашении, поставив под угрозу срыва Киотский протокол, Международный уголовный суд и договоры по противоракетной обороне и биологическому оружию. Кроме того, США особо подчеркивали свою военную мощь и возможность осуществлять военную оккупацию. Это триединство американского военного превосходства, принципа односторонних действий и ведения превентивных войн было провозглашено «революцией Буша», которая определит наступательную внешнюю политику для целого поколения.

Было много написано о характере трансатлантических разногласий и о том, какие шаги могут быть предприняты для их быстрого преодоления, но цель настоящей книги — заглянуть на несколько лет вперед и посмотреть, каким будет мировой порядок в течение этого столетия. «Революция Буша» основана на неверной предпосылке, согласно которой быть единственной сверхдержавой — значит иметь возможность делать все что угодно. Это дискредитировало репутацию Америки в мире, привело к напрасной трате ее сил и к периоду самоизоляции. Однако, По предположению Арона, эта стратегическая установка будет непродолжительной. Устремления Америки и ее потребность в безопасности заставят ее вернуться в мир задолго до того, как нынешнее поколение сойдет со сцены.

187

Леонард Марк

ИТАК, КАКИМ ЖЕ БУДЕТ ЭТОТ МИР?

Окончание холодной войны и рост глобализации привели к трем главным изменениям в распределении сил в мире, а именно: сила сместилась в направлении от стран Запада к странам Востока; произошел сдвиг от порядка,

основанного на правах государств, к порядку, включающему защиту людей от всемирных опасностей, таких как геноцид, терроризм и глобальное потепление, и сдвиг от системы, вершиной которой являлась мощь государства, к системе, все больше определяемой региональной интеграцией.

В условиях происходящих изменений трансатлантические отношения уже никогда не смогут быть восстановлены в их прежнем виде. Но если Европа предложит модель нового мирового порядка, она сможет работать совместно с американцами над созданием союза, не ограничивающегося рамками двух континентов, привлекая новых союзников в поисках решения мировых проблем. Это гораздо более привлекательная перспектива в том числе и для Европы, чем выбор антиамериканской позиции. Как утверждают Тимоти Гартон Эш* и другие, вместо

* Британский политолог, публицист, директор Центра европейских исследований Колледжа Святого Антония в Оксфордском университете.

188

XXI век — век Европы

того чтобы сдерживать Америку ради предотвращения еще одного Ирака, мы должны признать, что нашей целью должна быть совместная работа с заинтересованной, приверженной принципу интернационализма Америкой над перестройкой мирового порядка в соответствии с новой эпохой².

Если Европа преуспеет в этом, она сможет изменить характер американской силы для постамериканского мира.

РОСТ ВЛИЯНИЯ ЮГА И ВОСТОКА

Сегодня уже невозможно, чтобы 90% населения земного шара управлялись системой, предназначенной обеспечивать интересы Европы и Америки. По ходу нынешнего столетия центр тяжести неизбежно будет перемещаться в направлении от Севера и Запада к Востоку и Югу. Результаты глобализации экономики могут позволить Китаю и Индии, от которых лишь незначительно будут отставать Бразилия, Россия и Южная Африка, к середине века обогнать США в экономическом отношении.

Их восхождение уже вызывает ударные волны во всей мировой экономической системе. Китай, с его инвалютными резервами в размере 440 миллиардов долларов³, скупил правительственные облигации США на сумму в 5 милли-

189

Леонард Марк

ардов долларов, тогда как Индия создала резервы стоимостью более 100 миллиардов долларов⁴; потребность этих стран в природных ресурсах повышает мировые цены, а их развитие приводит к возникновению ряда новых экологических проблем. По мере своего экономического развития новые «тигры» Юга и Востока будут наращивать силу также в политической, военной и культурной областях.

Ослабление американской «мягкой силы» является, быть может, самым показательным признаком окончания «века Америки». Напряженность в отношении «американского бренда» и Паке Американе* побудили рекламные агентства, такие как «Маккэн Эриксон», посоветовать своим клиентам не использовать символику американского флага для рекламы своей продукции⁵. Конечно же, «американская мечта» все еще обладает большой притягательной

силой, но ей бросают вызов становящиеся все более по-пулярными «Болливуд»**, «Аль-Джазира», европейские бренды и китайская модель разви-

* Послевоенная концепция нового мирового порядка, «Американского мира» («паке» — на латинском «мир») — однополюсного мира, доминирующая роль в котором принадлежит США.

** Центр индийской киноиндустрии, индийский аналог Голливуда.

•-.,*;.•

190

XXI век — век Европы

тия. То, что японские и корейские дети в 1950-е годы учились играть в бейсбол, было одной из составляющих стремления национального самосознания считать свои страны частью американского мира.

Когда такие страны, как Индия, Бразилия и Южная Африка, достигнут высокого уровня развития, их нельзя будет не допустить на арену борьбы мировых сил. Все институты американской эпохи, начиная с Совета безопасности ООН и ВМФ до Большой семерки и НАТО, должны будут стать открытыми, чтобы не отстать от жизни и не утратить законность во все более многополюсном мире. Ни Европа, ни Америка не смогут долго противиться этому, так как в противном случае это значило бы вызвать враждебное отношение к себе со стороны некоторых наиболее сильных потенциальных политических союзников и крупнейших экономических рынков мира.

Вот почему существующая по обеим сторонам Атлантики одержимость сугубо идеалистической идеей отношений между Европой и Америкой не приносит пользы. Сегодня стоит задача привязать эти вновь поднимающиеся силы к системе, отражающей ценности демократии, прав человека и открытых рынков. Радикальным решением было бы провести новую разделительную линию в мировой политике, выбрав в качестве критерия разделения демократию.

191

Леонард Марк

Иво Даалдер и Джеймс Линдсей, бывшие члены администрации Клинтона, выступают за создание «союза демократических государств», деятельность которого охватывала бы все — от борьбы с терроризмом до предотвращения глобального потепления⁶. В обмен на соответствие демократическим стандартам участники такого альянса должны получить доступ к рынку без тарифов и иных барьеров; «точно так же как перспектива вступления в НДТО и Европейский союз преобразила облик Европы, так и перспектива вступления в Союз демократических государств могла бы преобразить мир»⁷. Идея нового союза государств, возглавляемого Америкой и не принимающего во внимание региональные объединения, была бы неприемлемой для остального мира. Однако концепция, устанавливающая связь между мировой силой и внутривнутриполитическим курсом, является очевидным продолжением истории европейского успеха, что могло бы иметь колоссальное значение для реформы Организации Объединенных Наций, Большой восьмерки и ВТО.

Однако мы должны признать, что простое создание дополнительных мест за столом международных организаций, как, например, включение Бразилии, Индии или Южной Африки в Совет безопасности ООН будет недостаточно для того, чтобы не дать международным институтам утратить свое значение. Эти институты

192

XXI век — век Европы

устроены в расчете на мир, организованный вокруг государств, тогда как многие

мировые угрозы исходят от групп террористов, отрядов вооруженных ополченцев или от политики отдельных компаний.

ПОВЫШЕНИЕ ЗНАЧИМОСТИ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Душераздирающая картина разгула геноцида в Руанде, Косово и Судане говорит нам о том, что что-то неладно в международной системе, которая ставит право государств не подвергаться военной интервенции выше прав людей, живущих в этих государствах. Однако после событий 11 сентября мы стали смотреть на человека не только как на жертву, но и как на источник угрозы. Если группа из девятнадцати человек может причинить миру столько боли и страданий и до такой степени нарушить нормальную жизнедеятельность, затратив на это меньше средств, чем стоит один-единственный танк, то нам следует всерьез поставить под вопрос наше определение безопасности.

Крупным достижением конца XX века стало то, что снизилась вероятность войн между государствами. Институты американского порядка имели целью предотвратить самую большую угрозу нашей безопасности, то есть не дать дру-

7 М. Леонард

193

Леонард Марк

гим странам использовать свои армии для вмешательства в наши внутренние дела. Однако в XXI веке источником и объектом многих самых серьезных угроз являются не государства — в эпоху глобализации эти угрозы связаны с мобильными людьми. Сегодня мы боимся военного вторжения меньше, чем терроризма, глобального потепления, распространения болезней, таких как СПИД, или массовых миграций, вызванных этническими чистками. Благодаря распространению в мире демократии и прав человека, дешевизне поездок, мировым средствам массовой информации, позволяющим видеть события, происходящие далеко от нас, и агитационным кампаниям, которые доносят до наших домов чужие страдания, общественность больше не изолирована от катастроф, происходящих в отдаленных уголках земного шара.

Чтобы отразить эти новые опасности глобализации, государствам приходится вмешиваться во внутренние дела друг друга, чтобы согласовывать мировые стандарты для контроля за выбросами парниковых газов, передавать другим странам разведывательную информацию о террористах и выдавать им подозреваемых, чтобы не допускать осуществления геноцида отрядами вооруженных ополченцев и наказывать военных преступников за совершенные ими акты насилия. Но многие страны по-прежнему упорно цепляются за международную систему, пред-

XXI век — век Европы

назначенную для прекращения войн между государствами, и Устав Организации Объединенных Наций, сделавший незаконным вторжение в Косово.

Соединенные Штаты признают, что созданная ими система нарушена, но их решения ведут нас определенно в неверном направлении. Во многих отношениях революция Буша больше напоминает контрреволюцию — попытку повернуть стрелку часов назад, к миру государств. По утверждению Джона О'Салливана, Билл Клинтон разрабатывал внешнеполитическую позицию, основываясь на идее управления глобализацией, важном значении действующих субъектов, не являющихся государствами, гуманитарной интервенции в Боснии

и Косово, а также содействию господству международного права и Международного уголовного суда, который первоначально был американской идеей.

Всего за несколько месяцев Джорж Буш-младший сделал все возможное, чтобы повернуть эту тенденцию вспять. В сотнях своих речей, произнесенных им за время пребывания на посту президента, Буш ни разу не использовал слово «глобализация». По словам Ричарда Кларка, бывшего советника Буша по борьбе с терроризмом, Буш до 11 сентября отказывался уделять серьезное внимание проблеме терроризма. Даже после теракта 11 сентября в представленном президентом США сопроводительном пись-

194

195

Леонард Марк

ме к Национальной стратегии безопасности главные цели этой стратегии определены как «борьба с террористами и тиранами». При этом подразумевается, что если можно устранить тиранов и тирании, таких как Саддам Хуссейн или режим Талибан, то можно уничтожить и терроризм, потому что ни одно государство не захочет идти на риск, предоставляя им убежище. Когда террористов объединяют с тиранами, то совершенно очевидно, что акцент делается не на отдельных лицах, действия которых могут быть не связаны с нацией или государственностью, а на все той же угрозе со стороны «государств-изгоев». Борьба с терроризмом сосредоточена больше на сдерживании государств, дающих террористам убежище, чем на устранении первопричин, побуждающих отдельных людей становиться на путь террора.

Администрация Буша больше всего боится того, что международные договоры и институты ограничат свободу действий Америки. Жесткая позиция США в отношении терроризма воспроизводится в их негативном отношении к договорам по глобальному потеплению, военным преступлениям и распространению ядерного оружия. Некоторые из их опасений в определенной мере оправданы. Например, действительно, странам, никогда не посылающим войска за границу, легко поддерживать Международный уголовный суд, тогда как американские войска бу-

196

XXI век — век Европы

дут иметь дело с политическими судебными процессами. Однако вместо того чтобы предложить исправления, направленные на совершенствование мер, разработанных остальными странами мира, американская администрация предпочитает отстраняться от них и делать все возможное, чтобы сорвать разработку этих мер.

Нынешняя американская позиция обречена в конечном итоге на провал. Отрицание существования угроз, исходящих не от государств, и перевод их в разряд угроз, источником которых являются государства, не избавит американскую безопасность от угрозы терроризма, глобального потепления или СПИДа. А опора главным образом на военную мощь государства при решении мировых политических проблем недолго будет оставаться эффективной. Однако самая главная причина, по которой Америке придется принять этот новый мировой порядок, состоит в том, что мир так или иначе создаст его. Устраняясь от переговоров, Америка потеряет возможность определять их результаты, связанные с ее интересами.

Но даже несмотря на противодействие Америки, Европа может играть ведущую

роль в создании порядка, ставящего отдельных людей выше государства. В 1980-е годы коммунизм в Восточной Европе был отчасти подорван диссидентами, использовавшими содержащиеся в Хельсинском Заключительном акте статьи по

197

Леонард Марк

XXI век — век Европы

правам человека, чтобы требовать от своих государств соблюдения этих прав.

Сегодня Европейский суд по правам человека и Европейский суд справедливости являются потенциальными моделями для следующего поколения международных институтов правосудия. Исходя из опыта Косово, нам следует выступать за переработку Устава ООН, чтобы в нем признавалась «обязанность международного сообщества защищать» граждан от геноцида. Европейский союз также использует свою экономическую силу, чтобы ускорить создание новых институтов, ставя подписание Киотского протокола или признание Международного уголовного суда условием оказания помощи и предоставления доступа к рынкам.

Нам не следует переоценивать ни нашу способность добиться таких преобразований, ни правомерность осуществления нами подобных действий. Вот почему нам будет необходимо заручиться поддержкой этих целей со стороны региональных организаций.

РОСТ ЗНАЧЕНИЯ РЕГИОНОВ

Американский мировой порядок базируется на основе национальных государств в период, когда происходит консолидация регионов. У Соединенных Штатов нет ни ресурсов, ни намерения быть мировым полицейским, а многие районы

198

мира предпочитают самостоятельно заниматься своими проблемами, организуясь в региональные объединения, осуществляющие сотрудничество в области торговли и безопасности.

Выступая на Съезде ветеранов американских войн за рубежом, состоявшемся в Огайо летом 2004 года, президент Буш заявил, что два крупных армейских подразделения будут выведены из Германии, тогда как всего из Европы и Кореи будут выведены воинские подразделения численностью от 60 до 70 тысяч человек⁸. После событий 11 сентября это стало признанием того, что самые большие угрозы безопасности и интересам США исходят уже не от Европы, а скорее от Ближнего Востока и Центральной Азии.

Это служит также признанием того факта, что европейцы наконец-то начинают брать на себя ответственность за собственную безопасность. В 1990-е годы, когда ситуация на Балканах взорвалась, европейцам была необходима помощь американцев. Однако пережив нелегкое состояние зависимости от США в Боснии и Косово, европейцы в конце концов развили свой собственный потенциал, по крайней мере в рамках своего континента. Самым показательным символом этой новой независимости явилась состоявшаяся в декабре 2004 года передача контрольных функций в Боснии от НАТО к Европейскому союзу.

199

Леонард Марк

То же самое во все/большей степени справедливо и для других районов мира. Когда разразился кризис в Восточном Тиморе, для восстановления порядка на беспокойном острове туда были переброшены австралийские, а не американские

войска. В Африке в Конго была направлена миссия ООН, состоящая главным образом из африканцев, в Бужумбура в Бурунди — миссия, возглавляемая ЮАР, в Сьерра Леоне — миссия ООН (на одну треть состоящая из африканцев). Американская сила все еще сохраняет исключительное значение в решении многих мировых проблем — от Северной Кореи до Афганистана. Но поскольку американская администрация все больше концентрируется на узком круге угроз национальной безопасности Америки, другие регионы будут вынуждены во все большей степени брать на себя ответственность за свои собственные дела. Как мы увидим в следующей главе, региональная интеграция помогает предоставить странам и регионам более гибкие средства решения проблем. Но она оказывает влияние и на мировой порядок. Поскольку мы движемся по направлению к миру регионов, Америка рискует остаться позади. Ее идеология, следующая принципу односторонних действий, не дала ей, невзирая на настойчивые просьбы Мехико, осуществить расширение НАФТА, повторив успешный опыт ЕС. Американские военные ин-

200

XXI век — век Европы

тервенции в Гаити, Венесуэле или Колумбии не похожи на широкомасштабное участие, которое можно видеть на границах ЕС. И в то время как силы народных революций в Грузии и на Украине стремятся к интеграции с Европой, аналогичные движения в Венесуэле и Боливии или новые радикальные правительства Уругвая, Бразилии и Аргентины устремляются к большей автономии от американского господства.

ВСТУПАЯ _____ В ПОСТАМЕРИКАНСКИЙ МИР

Американское господство несет в себе семена саморазрушения и уже ускоряет свое собственное отступление.

Проблема состоит в том, что поставленные Вашингтоном цели защищать себя и при этом распространять демократию и права человека оказались отделенными от системы, которая могла бы обеспечить их достижение. В период холодной войны эти цели были воплощены в международных институтах, таких как НАТО и Организация Объединенных Наций, а американская сила использовалась для осуществления контроля над ними. Но сегодня эта сила направлена скорее против сил глобализации, чем действует в унисон с ними. Война в Ираке велась на глазах мирового общественного мнения,

201

Леонард Марк

тогда как проводимая борьба с террором не подкреплена узаконивающей силой институтов, дающих союзникам право голоса при определении стратегии. Военная сила может использоваться во благо, как это было в Боснии, Косово и Афганистане. Наступательная дипломатия также может быть эффективной, как это было в Ливии после Локерби*. Однако без системы, регулирующей применение силы, американская внешняя политика добьется ряда пирровых побед, а не устойчивого либерально-демократического порядка.

Многие американцы уже начинают ставить под вопрос изолированное положение своей страны и ощущают потребность в союзниках. Последние несколько лет показали, что Америка может нанести вред европейскому проекту, разделяя континент на «новую» и «старую» части и пытаясь помешать инициативам ЕС, наподобие Международного уголовного суда. Но самый большой вред антиевропейская политика

* В 1988 году над шотландским городком Локерби произошла авиакатастрофа. Ответственность за теракт взяла на себя Ливия. Санкции против Ливии действовали с 1992 года. Они распространялись на продажу оружия, нефтяного оборудования и воздушное сообщение. После того как в 1999 году Ливия выдала двоих своих граждан, которых подозревали в организации теракта, санкции были фактически отменены.

202

XXI век — век Европы

наносит самой Америке. Америка никогда так не нуждалась в Европе: миссия в Афганистане находится под французским командованием; в Иране именно европейцы ведут переговоры по оружию массового уничтожения; в арабском мире Европа использует свои торговые, инвестиционные и дипломатические средства для поддержки демократизации; а в Израиле и Палестине Европа будет оплачивать меры, которые сделают возможным уход правительства Шарона из Газы.

В более длительной перспективе, когда Китай и Индия станут сильнее и начнут играть более активную роль на мировой арене, Америка снова оценит необходимость международного права и всемирных институтов. Несмотря на то что она по-прежнему будет самой могущественной страной в мире, ее относительная доля в мировой силе сократится, и она не сможет использовать свою военную силу, чтобы определять политику стран, обладающих равными с ней возможностями.

Перед европейцами стоит задача создать новую систему, в которой найдет воплощение преобразующая сила верховенства закона и будут отражены три революции в мировой политике. Цель должна состоять не в том, чтобы не дать Америке защищать себя, как многие предлагали, а в том, чтобы ввести ее действия в институциональные рамки, рассчитанные на решение

203

Леонард Марк

мировых проблем, а не только проблем национальной безопасности. Европе Соединенные Штаты, проводящие проактивную политику, нужны гораздо больше, чем США, занимающие изоляционистскую позицию. Мы будем бороться, чтобы предотвратить глобальное потепление, без взаимодействия со страной, являющейся крупнейшим в мире источником загрязнения окружающей среды; мы будем продолжать рассчитывать на американскую военную помощь, даже когда создадим свои такие же оборонные возможности; и у нас будет больше вероятности реализовать наше собственное видение управляемого законом мира, если за ним будет стоять сила Америки.

Поскольку европейская позиция является более позитивной и мирной, она имеет больше шансов преуспеть в привлечении остальных стран мира к решению глобальных проблем, чем война с террором, проводимая Джорджем Бушем. И если эта позиция даст реальные результаты, то американцы, подобно цикадам в их столице, вернутся из изоляции и помогут Европе укреплять новый мировой порядок.

XXI век — век Европы

ГЛАВА 11

«ЭФФЕКТ ДОМИНО» В РЕГИОНАХ МИРА

Уго Чавес — не самый покладистый человек. Бывший десантник, предпринявший в 1992 году попытку государственного переворота, он внезапно появился на политической арене предвыборной борьбы в 1998 году, когда его «Движение пятой республики» пришло к власти благодаря обещанию изменить жизнь

бедных, слабых и обездоленных. За бурный период своего президентства он имел дело с попыткой государственного переворота, всеобщими забастовками и референдумом, и не боялся наживать себе врагов. Популистский лидер страны, занимающей пятое место в мире по количеству добываемой нефти, критиковал руководителей нефтяных компаний за то, что они «живут в роскошных дворцах, где устраивают оргий, распивая виски», католическую церковь — за то, что она «не следует по

205

Леонард Марк

пути Христа», средства массовой информации — «за то, что они находятся на службе у реакционеров» и Соединенные Штаты — за то, что они «борются против террора с помощью террора»¹. Но есть одна вещь, которой этот ставший политиком солдат говорит «да», — это МЕРКОСУР — Общий рынок Юга. Наконец, после пяти протоколов и десятка заявлений и неудачных попыток, 8 июля 2004 года на продолжительном совещании президентов Венесуэлы была принята в качестве ассоциированного члена (на этой встрече Мексике был предоставлен статус наблюдателя, что открыло и ей путь к будущему вступлению в эту организацию). Членство в МЕРКОСУР институционализовало новые тесные экономические и политические отношения Венесуэлы с Аргентиной и Бразилией (в том числе увеличение в два раза объема торговли с Аргентиной и в три раза — с Бразилией). Чавес торжествовал: «Мы хотим видеть на наших кораблях, трубах, лекарствах и других товарах надпись "Сделано в Бразилии" или "Сделано в Аргентине", а не "Сделано в США"»². Стремление Чавеса к вступлению в МЕРКОСУР вызвано больше чем донкихотским антиамериканским настроением, побудившим его положить начало дружественным отношениям с Кубой Кастро и Ираком Саддама. Оно исходит из признания того, что этот союз стано-

206

XXI век — век Европы

вится жизненно необходимым для будущего Южной Америки. Региональная интеграция в Латинской Америке началась тогда, когда лидеры крупных стран этого региона увидели колоссальные успехи, достигавшиеся европейскими странами благодаря созданию Единого Европейского рынка. Начало альянсу положила попытка ослабить напряженность в отношениях между Бразилией и Аргентиной в то время, когда — еще в 1970-е годы — обе страны были втянуты в гонку ядерных вооружений. Но процесс, начавшийся в виде двусторонней инициативы этих двух стран, расширился, и в 1991 году, когда был образован МЕРКОСУР, в него включились Парагвай и Уругвай (Чили и Боливия были приняты в качестве ассоциированных членов в 1996 году). Государства-участники договорились создать общий рынок со скоординированной макроэкономической политикой в разных секторах, включая внешнюю торговлю, сельское хозяйство, промышленность и налогообложение. Кроме того, они обязались согласовать свое законодательство и произвести политическую и экономическую интеграцию. Политическая структура МЕРКОСУР создана примерно по образцу Европейского союза. Совет Общего рынка состоит из министров иностранных дел и министров экономики. Председательство в Совете

207

Леонард Марк

Общего рынка каждые шесть месяцев переходит поочередно от одного государства-члена к другому в алфавитном порядке³.

Первоначальный успех был впечатляющим. К 1995 году были отменены тарифы в большей части внутренней торговли и были согласованы общие внешние тарифы, а также общий таможенный кодекс. Средний тариф, применяемый к третьим странам, сократился с 37,2% в 1985 году до всего лишь 11,5% в 1994 году. В результате этого торговля внутри Союза резко выросла, увеличившись с 4,1 миллиарда долларов в 1990-м, до 20,7 миллиарда в 1997 году. Более того, в страны Союза хлынул поток иностранных инвестиций, выросший с 2 миллиардов долларов в 1991 году до максимального уровня в 1999 году, составившего 56,6 миллиардов долларов⁴. Компании типа «Нестле» и «Юнилевер» реорганизовали свою деятельность на региональной основе, так что каждый продукт для этого региона изготавливался на одном предприятии. В автомобильной промышленности такие компании, как «Рено» и «Пежо-Ситроен», которые едва не ушли из этого региона, построили новые заводы; пришли на региональный рынок и японские компании. В результате создания МЕРКОСУР этот регион появился на карте мира бизнеса. Но, может быть, самым большим успехом явилась та роль, которую МЕРКОСУР сыграл в защите и

208

XXI век — век Европы

укреплении демократии в странах южной оконечности южноамериканского материка. После того как Бразилия и Аргентина помогли сорвать попытку государственного переворота в Парагвае в 1996 году, МЕРКОСУР официально включил «пункт о демократии» в качестве условия пребывания в составе Союза. Начало XXI века было неблагоприятным для МЕРКОСУР в связи с финансовыми потрясениями в Бразилии и Аргентине, однако вступление в союз Венесуэлы и Мексики в сочетании с улучшением экономического положения в Бразилии и Аргентине вернули общий рынок на путь к созданию Союза, который со временем смог бы интегрировать всю Южную Америку⁵.

Латинская Америка не одинока. В Африке был создан Африканский союз. На саммитах стран Ближнего Востока идут переговоры о возможности создания Арабского союза. В Восточной Азии есть АСЕАН и Шанхайская организация сотрудничества, в Южной Азии — СААРК, в Тихоокеанском регионе — АПЕК. А в Северной Америке, в противовес растущему единому рынку Европы, образованы НАФТА и американская зона свободной торговли.

В то время как всемирные институты, такие как Организация Объединенных Наций, ВМФ и Всемирный банк, по-прежнему являются игрушками в руках великих держав, эти региональные организации начинают приносить ре-

209

Леонард Марк

альные выгоды. В Судане в 2004 году Африканский союз послал войска численностью 4 тысячи человек в район Дарфура, тогда как Совет Безопасности ООН погряз в дебатах относительно того, являлись ли насильственные действия на самом деле геноцидом. В Тихоокеанском регионе АПЕК становится средством, содействующим открытой торговле и капиталовложениям между двадцатью одной страной региона⁶. В арабском мире говорят о превращении Лиги арабских государств в Арабский союз со своим парламентом и единой валютой, чтобы развить прогресс, уже достигнутый благодаря Арабскому соглашению о свободной торговле, Арабскому валютному фонду и Исламскому банку развития. Все эти факторы говорят о выходе на сцену мира регионов. По мере того как они будут учиться совместной работе и будут видеть реальные выгоды, они постепенно

начнут объединять суверенитеты, подобно тому как это первым сделал Европейский союз.

«ЭФФЕКТ ДОМИНО» В РЕГИОНАХ

Многие обратили особое внимание на рост влияния таких великих держав, как Китай и Индия, а также на те последствия, которые это может иметь для мирового порядка. Эти державы, несомненно, бросят вызов «однополюсному миру»,

210

XXI век — век Европы

сформированному в соответствии с предпочтениями американцев и европейцев, на которых в общей сложности приходится менее 10% населения земного шара. Но гораздо большую опасность для «однополюсного периода» представляет собой существование в мире еще одного разряда стран — от Бразилии и Мексики до Южной Африки и Нигерии, Японии и Южной Кореи, — которых больше не удовлетворяют взаимодействие с Европой и Соединенными Штатами на двусторонней основе и принятие решений, обусловленных относительной слабостью собственного положения.

Эти страны наблюдали за тем, как Европейский союз дал крошечным странам возможность определять свою судьбу на мировой арене независимо от их благосостояния, военной мощи или численности населения. Они увидели, что региональные клубы могут помочь преодолеть исторически сложившиеся напряженность отношений и соперничество, могут помочь укрепить демократию, ускорить интеграцию стран в мировую экономику и выработать общие решения проблем, выходящих за рамки границ отдельных стран, — от организованной преступности до загрязнения окружающей среды. Успех ЕС выпустил из бутылки дух регионализма, и загнать его обратно будет уже невозможно. Этот новый регионализм связан не с воюющими между собой автократическими блоками, а с клубами,

211

Леонард Марк

содействующими глобальному развитию, региональной безопасности и открытым рынкам для своих членов. И по мере того как каждый регион будет создавать свои собственные механизмы, все вместе они будут оказывать воздействие на мировой порядок.

Почти пятьсот лет назад Европа изобрела самую эффективную в истории форму политической организации — национальное государство. В результате ряда войн и завоеваний эта форма политической организации распространилась, подобно вирусу, так что к XX столетию она являлась единственным способом организации политики, ликвидировав империи, города-государства и феодальные системы. Поскольку национальные государства были наиболее удобны для ведения дел с другими национальными государствами, перед другими политическими системами встал очевидный выбор: либо стать национальным государством, либо оказаться во власти такого государства. К концу XX века единственным способом быть представленным в международных организациях означало быть национальным государством.

Во второй половине XX века европейцы начали перестраивать эту модель.

Поскольку объединенная Европа приобретает все большее влияние в мире и расширяется, готовясь охватить весь континент, другие страны оказались перед таким же очевидным выбором: либо всту-

212

XXI век — век Европы

пить в Европейский союз, либо создать свой собственный союз, основанный на тех же принципах международного права, вмешательства в дела друг друга и идеологии сохранения мира. К концу XXI века в новом мире регионов надо будет быть членом клуба, чтобы быть представленным в международных организациях. Именно поэтому страны объединяются, чтобы сохранить свое влияние в мире. Этот региональный «эффект домино» уже изменяет наши представления о политике и экономике и по-новому определяет значение силы для XXI века.

Зарождающийся мир не будет ориентирован ни на Соединенные Штаты, ни на Организацию Объединенных Наций, а будет содружеством взаимозависимых региональных клубов. В Африке концентрированное внимание к проблеме поддержания мира отражает тот факт, что злейшим врагом развития в регионе являются конфликты, а также сильное желание не зависеть от западных войск при решении африканских проблем. В Восточной Азии «инициатива Чианг Май»* является попыткой ввести в действие азиатский способ решения валютных спекуля-

* Соглашение, подписанное в 2000 году в Чианг Май (Таиланд) странами АСЕАН, а также Китаем, Японией и Южной Кореей, предусматривающее заключение двусторонних договоров с целью создания региональной сети валютно-финансовой безопасности.

213

Леонард Марк

ций, так чтобы в случае кризиса азиатской валюты в будущем странам-участницам не пришлось обращаться в Международный валютный фонд. Хотя по существующим в настоящее время правилам «инициатива» будет выдавать участникам соглашения ссуду в размере всего лишь 10% от объема предоставляемой ею краткосрочной финансовой помощи (а предоставление остальных 90% будет зависеть от соответствия критериям МВФ), в среднесрочной перспективе вероятно, что этот регион, известный своим избытком капиталов, изменит эти критерии, чтобы освободиться от МВФ и Всемирного банка. Так же и в Латинской Америке экономисты подсчитали, что на континенте имеется достаточно резервов, чтобы справиться с любым кризисом (за исключением обвала бразильской экономики), не обращаясь за помощью к МВФ⁷.

Все эти инициативы объединены попыткой выйти за пределы «однополюсного мира». Ни одна страна не хочет, чтобы сверхдержавы или международные институты, которые она не может контролировать, диктовали ей свои условия. В этом мире можно будет сохранять свою самобытность и свой суверенитет, не будучи сверхдержавой. И в то же время будут невозможны массовые нарушения прав человека или геноцид, а также использование исповедуемого ООН принципа «невмешательства во внутренние дела»⁸ в качестве геополитического предупредительного знака: «Не мешать».

214

XXI век — век Европы

РОЛЬ ЕВРОПЫ

В СОДЕЙСТВИИ УСТАНОВЛЕНИЮ _____ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Если бы региональных организаций не существовало, их следовало бы изобрести. Их рост происходит неумолимо и пугающе стремительно. Но хотя этот мир образуется сам собой, Европа может протянуть ему руку помощи. Американцы ускорили создание Европейского союза, настаивая на том, что европейские страны должны работать вместе, если они хотят получить доступ к денежным средствам, предоставлявшимся по плану Маршалла после Второй мировой войны. Они

сделали его политической реальностью, разработав общие меры безопасности, используя НАТО, а не имея дело с каждой страной в отдельности. Европейский союз мог бы сделать то же самое. Будучи крупнейшим донором в мире, Европа могла бы использовать свою помощь для содействия внутрирегиональной кооперации, увязывая предоставление денежных средств с экономической интеграцией, региональными проектами развития инфраструктуры и вкладом региональных организаций в обеспечение безопасности. ЕС сделал шаг в этом направлении, утвердив в 2003 году Фонд для поддержания мира в Африке, который будет давать «финансовые силы» миссиям по поддержанию мира,

215

Леонард Марк

проводимым Африканским союзом⁹. ЕС следует использовать свое положение крупнейшего в мире рынка, чтобы увязывать прогресс в международных переговорах по торговле с ликвидацией региональных торговых барьеров. И ему следует использовать свое растущее политическое влияние для повышения значимости диалога между регионами. Вместо того чтобы готовить соглашения с Китаем, Южной Африкой и Бразилией, нам следует поставить целью принятие важных решений на саммитах ЕС — МЕРКОСУР, АЗЕС* и ЕС — АС. В долгосрочной перспективе целью Европы должно стать создание «союза союзов», который объединит эти региональные организации так же, как Европейский союз свел воедино Объединение угля и стали, Евратом и ЕС, образовав единое Европейское экономическое сообщество. «Сообщество региональных субъектов» могло бы стать главным координационным органом Организации Объединенных Наций. Оно не обязательно должно заменить собой Совет безопасности и Генеральную Ассамблею, но форум региональных организаций стал бы лучшим местом для решения наиболее неотложных вопросов международной повестки дня, а именно проблем развития и поддержания мира¹⁰. Наш опыт с Европейским союзом показал, что построение нового порядка должно начи-

Азиатско-европейское совещание.

216

XXI век — век Европы

наться не с грандиозного проектирования системы, а с создания заинтересованности в совместной работе над безотлагательными проблемами. Благодаря созданию ряда частично совпадающих друг с другом клубов, занимающихся вопросами торговли, распространения ядерного оружия, экономического развития, мировых болезней и поддержки переживающих кризис государств, может настать день, когда станет возможным объединить эти клубы в единую структуру".

Когда региональное объединение наберет силу, великие державы, такие как Соединенные Штаты, неизбежно будут втянуты в процесс интеграции. Они смогут затормозить процесс, но будут не в состоянии остановить его. Противодействуя ему, они нанесут вред самим себе, провоцируя региональные клубы объединиться против них. Однако если США воспользуются этим процессом, они преумножат свою силу и помогут появиться на свет зарождающемуся новому мировому порядку. Когда этот процесс продолжится, мы увидим восход «нового века Европы». Не потому, что Европа будет управлять миром, как империя, но потому, что европейский образ действий будет принят во всем мире.

Леонард Марк

Ю9 СТРАН ЕВРОСФЕРЫ

В Евросферу входят 25 нынешних членов
Европейского

союза, 3 страны, подавшие заявки на вступление в
ЕС
(Турция, Румыния и Болгария), и еще 81 страна
(спи-
сок этих стран приводится ниже).

Западные Балканы (5) Албания Босния и Герцеговина ФР Югославия ФРЮ Македония Хорватия	Ближний Восток и Северная Африка (19) Алжир Бахрейн Египет Израиль Иордания Ирак Иран Йемен Катар Кувейт Ливан Ливия Марокко Объединенные Арабские Эмираты
Европейские страны СНГ (8) Азербайджан Армения Беларусь Грузия Казахстан Молдова Россия Украина	
218	
Оман Палестинские территории Саудовская Аравия Сирия Тунис	Кот-д'Ивуар Лесото Либерия Маврикий Мавритания Мадагаскар Майотте Малави Мали Мозамбик Намибия Нигер Нигерия Руанда Сан-Томе и Принсипи Свазиленд
Страны Африки, расположенные к югу от Сахары (49) Ангола Бенин Ботсвана Буркина-Фасо Бурунди	

Габон	Сейшельские острова
Гамбия	Сенегал
Гана	Сомали
Гвинея	Судан
Гвинея-Биссау	Сьерра-Леоне
Джибути	Танзания
Замбия	Того
Зимбабве	Уганда
Кабо-Верде	Центрально-Африканская
Камерун	Республика
Кения	Чад
Коморские острова	Экваториальная Гвинея
Конго, Демократическая	Эритрея
Республика	Эфиопия
Конго, Республика	Южная Африка

Леонард Марк

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

220

Противники Европы, возможно, никогда не простят ей тривиальности ее успеха. А я хотел бы отметить этот успех, рассказав историю о том, как Европа ушла от прошлого, и посмотреть, каким образом уроки этого пути могут помочь формированию более мирного XXI века. Мое поколение было первым из четырех поколений моей семьи, не видевшим войны, преследований, изгнания или даже массового уничтожения людей. Настоящая книга является длинным благодарственным письмом тем мечтателям и провидцам по обеим сторонам Атлантики, которые сумели создать новую Европу без каких-либо драматических событий. Эта книга смогла увидеть свет благодаря очень многим людям.

Во-первых, благодаря поддержке двух единственных в своем роде

XXI век — век Европы

организаций. Немецкий фонд Маршалла в Соединенных Штатах, возглавляемый неутомимым и способным к предвидению президентом Крейгом Кеннеди, великодушно счел данный проект заслуживающим поддержки, выдал мне «Трансатлантический грант», предоставил на пять месяцев жилье в Вашингтоне, штат Колумбия, и открыл мне доступ в прекрасное сообщество мыслителей и деятелей по обеим сторонам Атлантического океана. Во время моего пребывания в Вашингтоне сотрудники Фонда, словно приемная семья, снабжали меня идеями, контактами и вдохновляли своей необыкновенной способностью добиваться выполнения поставленных задач. Мне хотелось бы поблагодарить Рональда Асмуса, Джона Одли, Джеффа Берг-нера, Майю Комо, Марка Каннингхэма, Абигейл Голден-Вазкез, Патрисию Гриффин, Николя Ха-гена, Филлипа Хендерсона, Майлса Ниен-штадта, Эллен Поуп, Сару Реклесс, Карима Сале-ха, Джеремию Шатта, Сьюзен Сечлер, Урсулу Суайе, Дэна Твайнинга и Клаудию Шанталь За-харию.

Кроме того, я должен поблагодарить правление, консультативный совет и сотрудников Центра внешней политики Англии (ЦВП), позволивших мне испытать чувства гордости и радости, которые мне дали создание ЦВП и руководство им на протяжении шести счастливых лет, а затем продолжавших оказывать мне поддерж-

221

Леонард Марк

ку в работе над данным проектом, даже во время моего пребывания в Америке. Я благодарен Майклу Леви, Лиз Ллойд, Адаму Лури, Фреду Холлидею, Метта Рамсею, Майклу Батлеру, Стефану Твиггу, Майлсу Вебберу, а больше всего — Эндрю Худу. Я всегда высоко ценил интеллектуальное общение со всеми моими сотрудниками, среди которых Люси Ахад, Грег Остин, Роб Блэкхерст, Кейт Дидкок, Ричард Гоуэн, Фиби Гриффит, Рузбех Пироуз, Эндрю Смолл и Марк Споке.

Ряд ведущих научных сотрудников оказывал мне как интеллектуальную, так и организационную поддержку в Лондоне и Вашингтоне: Конрад Сьюинг, без чьего острого ума и преданности делу эта книга никогда не была бы даже начата; Джулиан фон Фюмметти, чья непоколебимая поддержка имела важнейшее значение во время моего творческого отпуска в Вашингтоне; Ричард Таит, предоставивший материалы и поделившийся глубоким пониманием явлений для главы по экономике; и Надя Шаббаз, работавшая со мной в конце проекта, проверяя фактический материал и просматривая наметанным глазом многочисленные черновики.

Некоторые из мыслей, которые легли в основу глав, я изложил на семинарах и получил в ответ бесценную информацию от слушателей. На конференции Британского совета в Праж-

222

XXI век — век Европы

ском Граде в 2003 году положительная реакция таких людей, как Кристофер Коукер, Э. С. Грей-линг, Хамиш Маккра, Саша Вондра и Михал Зантовски, вдохновила меня на написание книги. В феврале 2004 года я выступал в Лондонской школе экономики на семинаре, организованном Джорджем Лоусоном, где он сам вместе с Барри Бузаном, Майклом Коксом, Крисом Хиллом и Вильямом Уоллесом дал мне совет, который мне очень пригодился. В Вашингтоне Немецким фондом Маршалла (НФМ) в обеденный перерыв был устроен семинар, на котором я выслушал дружескую критику и большое количество идей относительно того, как сделать мои аргументы более убедительными для американской аудитории. Позднее, на конференции НФМ в Дублине, я смог еще больше усилить мою аргументацию после участия в дискуссии с несравненным Уолтером Расселом Мидом. Британский Совет и Европейская комиссия финансировали проведение июньской конференции в Вилтон-Парке по «Глобальной Европе», где мои идеи прошли проверку участников конференции из большинства государств — членов ЕС, США и Азии. В итоге меня пригласили выступить с лекцией в оксфордском колледже Святого Антония, которая была организована Яном Зилонкой и Тимоти Гартоном Эшем — двумя наиболее твор-

223

Леонард Марк

чески мыслящими и вызывающими наибольший интерес теоретиками будущего Европы.

Благодаря моей работе я также имел счастливую возможность беседовать со многими из мыслителей, которые вызывают у меня наибольшее восхищение. Среди них Филлип Боббит, Роберт Купер, Айво Даадлер, Дэниэл Дрезнер, Эспен Барт Эйде, Энтони Джидденс, Ульрике Гуэро, Фиона Хилл, Стэнли Хоффман, Рэм Ко-олхаас, Стефен Краснер, Ян Лессер, Анатолий Ливен, Джеймс Линдсей, Джессика Мэтьюс, Майк Макфол, Джон Миршеймер, Эндрю Мо-равчик, Джефф Малгэн, Джозеф Най, Мартин Ортега, Ана Паласио, Бари Позен, Ричард Ро-

зекранц, Джошуа Рамо, Михель Фон дер Шу-ленберг, Джереми Шапиро, Радек Сикорски, Джим Стейнберг и Фарид Закария.

Малкольм Чалмерс, Ричард Гоуен, Чарльз Грант, Саймон Хикс, Майкл Хьюм, Филипп Лег-рен, Аласдер Мюррей, Эндрю Смолл, Питер Уилсон, Ричард Янгс, Джошуа Рамо — все читали в черновом варианте всю книгу целиком или ее части и своими замечаниями неизмеримо улучшили ее.

В течение всего времени, когда я обдумывал и писал эту книгу, за мной внимательно следили три духовных наставника. Майкл Батлер, который проделал огромную работу в Брюсселе, участвуя в создании сегодняшнего Европейско-
224

XXI век — век Европы

го союза, оказал мне несокрушимую поддержку в этом проекте, как и во многих других, в которых он помог мне с тех пор, как я познакомился с ним в Центре внешней политики. Джеффри Эдварде, научивший меня, как в теории работает Европейский союз, с работой которого я был знаком на практике, осилил различные черновые варианты книги и всегда был готов обговорить идеи. Билл Энтолис в Вашингтоне был превосходным собеседником, помогавшим оттачивать мысли, партнером и гостеприимным хозяином. Без его ободряющей поддержки эта книга никогда не была бы написана.

Мой агент, Мэгги Перлстайн, и ее коллега Джеми Кроуфорд сразу же приняли мою идею, помогли представить себе ее в виде книги и нашли превосходное издательство — «Форс эс-тэйт», оказавшееся прекрасным местом для появления этой книги на свет. Карелии Мишель и Никола Пирсон интуитивно поняли предмет данной книги, Наташа Кеннеди и Андреа Джойс проделали фантастическую работу, продавая издательские права издателям в разных концах Европы, Робин Харви продемонстрировал исключительную преданность делу и способность донести мои идеи в такие места, куда обычно не доходят книги о Европе. Но больше всего я должен поблагодарить моего редактора Митци Энджел за ее мудрость, терпение и са-

8 М. Леонард

225

Леонард Марк

моотверженность. Она воплощает в себе все качества редактора, о которых только можно мечтать, и даже больше того.

И, наконец, я должен поблагодарить мою семью, которой посвящена эта книга. Моя невеста Габриэль, моя мать Ирэн, мой отец Дик и моя сестра Мириам — вот танцующие звезды моей галактики. Их любовь, великодушные и деликатная критика делают жизнь прекрасным даром.

XXI век — век Европы

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ *Emmott Bill*. Vision 20/21. London, 2003.

² *Fukuyama Francis*. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990. № 1.

³ Джозеф Най написал ряд работ, посвященных «мягкой» и «жесткой» силам, среди них: «Soft Power: The Means to Success in World Politics» (2004); «The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone» (2003); «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990).

⁴ *Calleo David*. Power and Deficit Spending // In The National Interest. 2003.

⁵ Там же.

⁶ В интереснейшем документе, опубликованном в декабре 2002 года Европейским

центральный банк под названием «Экономические отношения с регионами, расположенными по соседству с Евро-зоной в "зоне европейского времени"» (авторы: 227

Леонард Марк

XXI век — век Европы

Франческо Маззафери, Арнауд Мель, Михаэль Штурм, Кристиан Тиманн и-Адальберт Винклер), эти страны называются «зоной европейского времени» и исследуются экономические, а также валютно-финансовые отношения между ними и Европейским союзом.

⁷ Я благодарен моему коллеге Ричарду Янгсу, который в своей работе «Sharpening European Engagement», опубликованной Центром внешней политики в 2004 году, характеризуя природу Европы, использовал выражение «преобразующая сила».

⁸ *Rifkin Jeremy*. European Dream. London, 2004.

ГЛАВА 1

¹ *Mazower Mark*. Dark Continent: Europe's Twentieth Century. London, 1999.

² *Valeri Paul*. On European Civilization and the European Mind. 1921.

³ Дополнительный анализ см. в книге: *Leonard Dick, Leonard Mark*. Pro-European Reader. London, 2002.

⁴ *Duchene Francois*. Jean Monnet: The First Statesman of Interdependence. New York, London, 1994.

⁵ Там же.

228

⁶ Там же.

⁷ *Smith Adam*. An Inquiry into the Nature, and Causes of the Wealth of Nations. 1776.

⁸ Я признателен Ане Паласио, предложившей мне эту образную метафору.

⁹ *Miller Vaughne*. EC Legislation // Standard Note SN/IA/2888. London, 2004;

¹⁰ *Nugent Afet* // The Government and Politics of the European Union. Basingstoke, 2003.

¹¹ Review of the implementation and enforcement of EC law in the UK // Efficiency Scrutiny Report, DTI. London, 1994. В разных министерствах этот показатель колеблется в широких пределах. Согласно данным библиотеки палаты общин, во время парламентской сессии IV квартала 2004 года он колебался от 1 % в Министерстве образования, 10% — в Министерстве труда и пенсионного обеспечения, 20% — в Министерстве внутренних дел, 25% — в Министерстве торговли и промышленности до 50% — в Министерстве окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства.

¹² *Nugent Neill*, цитируемое сочинение.

¹³ Вебсайт столичного округа Брюссель.

¹⁴ Благодарственную речь Джона Хьюма (10 декабря 1998 года) можно найти на сайте: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/nobeljh.htm>.

¹⁵ *Duchene Francois*, цитируемое сочинение.

229

Леонард Марк

ГЛАВА 2

¹ Эти данные взяты с сайта: www.corporate.visa.com/corporate.JSP

² *Mitchell Waldrop M*. The Trillion-Dollar Vision of Dee Hock // Fast Company. 1996. Oct. /Nov. P. 75.

³ Мануэль Кастельс был первым, кто обратил на это внимание в третьем томе своей фантастической трилогии «Information Society — The End of Millennium».

⁴ *Westlake Martin*. The Council of the European Union. London. 1999.

⁵ *Nugent Neill*, цитируемое сочинение.

⁶ Там же.

⁷ Лучше всего знакомит с Европейским союзом книга Дика Леонарда: *Dick Leonard. The Economist Guide to the European Union*. London, 2004.

⁸ Это выражение, как известно, принадлежит д-ру Генри Киссинджеру.

⁹ *Babbit Philip. The Shield of Achilles: War, Piece and the Course of History*. London, 2003.

¹⁰ Там же.

¹¹ Дальнейшее рассмотрение этого положения см. в книге: *Paul Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers*. London, 1988.

230

XXI век — век Европы

¹² *The Postmodern State and the World Order // Demos // The Foreign Policy Centre*. 2000. Информацию можно найти на сайте: www.fpc.org.uk.

¹³ *Rosencrance Richard. The European Union: A New Type of International Actor // Paradoxes of European Foreign Policy*. Kluwer, 1998.

¹⁴ *Mead Walter Russell. America's Sticky Power // Foreign Policy*. 2004. March/April.

¹⁵ *Peel Quentin. Europe is first casualty of war // Financial Times*. 12 March 2003.

¹⁵ Подробнее познакомиться с доводами Роберта Кагана можно в его книге: *Robert Kagan. Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*. New York, 2004.

ГЛАВА 3

¹ *Ullman Harlan K., Wade James P. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance // NDU Press Book*. 1996. December.

² *Jessica Mathews. A New Approach: Coercive Inspections // Iraq, A New Approach // Carnegie Endowment for International Peace*. 2002. August.

³ *Foucault Michel. Panopticism // Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, New York, 1995. P. 195-228.

231

Леонард Марк

⁴ *Duchene Francois. Jean Monnet: The First Statesman of Interdependence*, New York, London, 1994.

⁵ *Mearsheimer John. Back to the Future // International Security*. 1990. 15:1.

⁶ *Conventional Armed Forces in Europe (CFE Treaty) // US Department of state* (18 June 2002) // Fact Sheet, Bureau of Arms Control, Washington DC;

⁷ Роберт Купер убедительно доказывает это в своей книге: *Cooper Robert. The Breaking of Nations*. London, 2004.

⁸ *Leonard Dick. The Economist Guide to the European Union*. London, 2004.

⁹ По сообщению отдела по связям с общественностью при палате представителей в Абудже от февраля 2004 года президент Обасанджо избран председателем форума НЕПАД по вопросам равноправного контроля.

¹⁰ Известное определение Макса Вебера, согласно которому государство есть «человеческое сообщество, которое внутри определенной области претендует (и с успехом) на монополию легитимного физического насилия», первоначально было взято из доклада под названием «Политика как призвание и профессия», сделанном в Мюнхенском университете в 1918 году.

232

XXI век •• век Европы

ГЛАВА 4

¹ См. статью Стивена Кинзера (*Stephen Kinzer*. Will turkey Make It? // New York Review of Books. 15 July 2004) и комментарий Аманды Аккакока (*Amanda Ackackoca*. Turkey's Secession to the EU: Time for a leap of faith // Commentary. European Policy Centre. 23 June 2004).

² Эти действия во многом сходны с описанным социологом Ульрихом Бекон действием мировой капиталистической системы, и многое из того, что Бек говорит о радикальном и преобразующем влиянии того вида силы, которым обладает мировой капитал, можно отнести с соответствующими Оговорками к рассуждениям о силе Европы. В лекции, прочитанной в Лондонской школе экономики, Бек описал динамику силы в глобализированной экономике. Он утверждает, что в настоящее время мировая экономика обладает тем, что он называет «метасилой», — силой, способной изменить сам характер силы в между^народных отношениях. Новая сила мировой экономики, так же как влияние Европы, основана на угрозе отказа от взаимовоздействия.

••• ³ *Blum William*. Killing Hope: US Military and CIA Interventionism Since World War II. Monroe,

233

Леонард Марк

Maine, 1995. Обновленный список опубликован Золтаном Гроссманом в 2004 году на сайте www.uwec.edu/grossmzc/peace.htm в работе «Век военных вмешательств США — от Вундед Ни до Гаити» («A Century of US Military Interventions: From Wounded Knee to Haiti»).

⁴ «US Support for Plan Colombia». Centre for Information Policy. February 2003. www.ciponline.org/facts/coaid.htm.

⁵ Информация о «Плане Колумбия» от Бюро по делам Западного полушария при Госдепартаменте США за 14 марта 2001, округ Вашингтон.

⁶ *Лафонтен*. «Крестьянин и его сыновья».

⁷ *Francesco Mazzafero, Arnaud Mehl, Michael Sturm, Christian Thimann, Adalbert Winkler*. Economic Relations with Regions Neighbouring the Euro Area // Euro Time Zone. 2002. December.

⁸ ЕС подписал Соглашения о стабилизации и ассоциации с Западными Балканами; Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией и Содружеством независимых государств; Средиземноморские соглашения со странами Средиземноморья и Соглашения Яунде-Ломе-Котону с африканскими странами.

⁹ *Rosencrance Richard*. The European Union: A New Type of International Actor // Paradoxes of European Foreign Policy. Kluwer, 1998.

234

XXI век — век Европы

ГЛАВА 5

¹ Этот заголовок взят из заслуживающего внимание сборника очерков «Европейский способ ведения войн», опубликованного Центром европейских реформ в 2004 году. См.: *Everts et al*. European Way of War, Centre for European Reform. London, 2004.

² Новости «Би-би-си» от 20 февраля 2003 года, «Хронология событий в Сребренице». <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/675945.stm>

³ *Simtns Brendan*. Unfinest Hour: Britain and the Destruction of Bosnia. London,

2002.

⁴ *Howard Michael*. The Invention of Peace and Reinvention of War. London, 2002.

⁵ *Von Clausewitz Karl*. On War . Princeton University Press. Princeton, 1984.

⁶ Ему вторили в своих выступлениях другие выдающиеся европейские политики, такие как Йошка Фишер в Германии, который в своей речи от 27 июня 2002 года, посвященной трансатлантическим отношениям, сказал следующее: «Безопасность, как мы ее понимаем, касается всего общества в целом, а также экологического, экономического, социального и культурного аспектов общественной эволюции. Это тот подход, который мы

235

использовали на Балканах, и это то, что мы сейчас пытаемся сделать в Афганистане. Это то, чего мы, европейцы, должны самым энергичным образом добиваться на международном уровне в начинающемся XXI веке».

⁷ *Giegerich Bastian, William Wallace*. Not Such a Soft Power: The External Deployment of European Forces // *Survival*. 2004. 46. P. 163-182.

⁸ *Gourlay Catriona*. Operations update: Past, Present and Future // *ISIS Europe*. European Security Review. 19 October 2003.

⁹ Это выражение впервые было употреблено бывшим премьер-министром Швеции Карлом Бильдтом в его выступлении на посвященной памяти Ивана Блоха Конференции о будущем войн, состоявшейся 25 февраля 1999 года в Санкт-Петербурге (Россия).

¹⁰ Эти цифры взяты из выступления министра иностранных дел Великобритании Джека Строу в Институте европейских исследований, университет Бирмингема, озаглавленном «Государства, потерпевшие и терпящие поражение» и прочитанном 6 сентября 2002 года.

¹¹ Карл Бильдт хорошо показал это в своей статье «Мы должны строить государства, а не нации» в газете «Файнэншл тайме» от 16 января 2004 года.

¹² *Everts Steven et al*. European Way of War. London, 2004.

236

XXI век — век Европы

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Lieven Anatol*. Soldiers Before Missiles: Meeting the Challenge from the World's Streets // *Carnegie Endowment for International Peace*. 2001. April. Vol. 1.No. 4.

¹⁶ См. работу Фридмана в сборнике: *Everts Steven et al*. European Way of War. London, 2004.

¹⁷ См. работу О'Хэнлона в сборнике: *Everts Steven et al*. European Way of War. London, 2004.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Эти обязательства были приняты на саммитах в Хельсинки и Гётеборге. Цифры взяты из статьи Эндрью Моравчика «Как Европа может победить без армии» в «Файнэншл тайме» от 3 апреля 2003 года и сборника: *Everts Steven et al*. European Way of War. London, 2004.

ГЛАВА 6

¹ Я помню, как ныне покойная министр иностранных дел Швеции Анна Линд рассказывала, как она обычно прятала своего Микки Мауса — словно порнографию — среди книг в твердом переплете, чтобы ее родители не застали

ее за рассматриванием «капиталистических картинок». Но это

237

Леонард Марк

могло бы метафорически проиллюстрировать настроения всей европейской экономики.

² *Storrie Donald*. The Regulation and Growth of Contingent Employment in Sweden // CELMS. Goteborg University.

³ Чарльз Лидбитер убедительно утверждает в своих еще не опубликованных статьях «Адаптивная социальная демократия» и «Дух Хельсинки», что существует «дух Хельсинки» (*Leadbeater Charles*. Adaptive Social Democracy; *Leadbeater Charles*. The Helsinki Spirit).

⁴ *Murray Alasdair*. The Lisbon Scorecard IV // Centre for European Reform. 2004. March.

⁵ Ряд «ревизионистских» сообщений о состоянии экономики в 1990-е годы хорошо доказывает это положение. Наибольшего внимания заслуживают такие работы, как: *Mutton Will*. The World We're In. London, 2002; *Blanchard Olivier*. European growth over the coming decade. 2003; *Kay John*. Economic Reform in Europe — Priorities for the next five years. London, 2004; *Legrain Phillippe*. Europe's Mighty Economy // New Republic. 16 June 2003; *Daly Kevin* Euro-zone economy holding its own compared to achievements in the US // Irish Times. 26 June 2004.

⁶ *Lueck Sarah, McKinnon John D*. Ranks of the poor, uninsured grew last year in the US // Wall Street Journal. 27 August 2004.

238

XXI век — век Европы

⁷ Mirror, mirror on the wall — Europe v. America // The Economist. 19 June 2004.

⁸ Там же.

⁹ Кевин Дейли использует в качестве критерия производительности показатели по всей экономике в целом. Обычно приводимые данные по производительности в США в сфере предпринимательства, исключая сельское хозяйство, показывают более высокие темпы роста, так как стоит убрать два больших сектора с низким ростом производительности, — а именно, сельское хозяйство и администрацию, — и рост производительности в остальной части экономики окажется достаточно высоким.

¹⁰ Адер Тернер наглядно показал это в лекции под названием «Что не так в европейской экономике», прочитанной им в Лондонской школе экономики 10 февраля 2003 года.

¹¹ Это разъяснение было дано в докладе под названием «Как проводят сравнение Соединенные Штаты», помещенном в издании Организации экономического сотрудничества и развития «Перспективы занятости» в 2004 году (OECD Employment Outlook 2004).

¹² Мой коллега Кейт Дидкок включил эти данные в свой доклад «Может ли Европа повысить свою снизившуюся конкурентоспособность?», представленный на конференции в Пражском Граде в 2004 году.

239

Леонард Марк

XXI век — век Европы

¹³ *Rifkin Jeremy*. The European Dream. New York. 2004.

¹⁴ *Murray Alasdair*. The Lisbon Scorecard IV // Centre for European Reform. March 2004,

¹⁵ *Rifkin Jeremy*. The European Dream. New York, 2004.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Revitalising Old Europe // The Economist. 13 March 2003.

¹⁸ Проблема заключается в том, что в прошлом многие правительства использовали практику досрочного выхода на пенсию в качестве средства снижения показателей по безработице. В случаях, когда компаниям требуется сократить расходы, они тоже нередко предоставляют самым пожилым сотрудникам возможность досрочно выйти на пенсию. Вследствие этого в ЕС действительный средний возраст выхода на пенсию для мужчин составляет 60 лет вместо предусмотренных законодательством 65 (в Греции только один человек из пяти действительно работает до 65 лет).

¹⁹ Совместный доклад Европейской комиссии и ЕС о достаточных и устойчивых пенсионных пособиях, одобренный Советом Европы (EPSCO/Ecofin) 6/7 марта 2003 года.

²⁰ См.: *Francesco Mazzafero, Arnaud Mehl, Michael Sturm, Christian Thimann, Adalbert Winkler*. Economic Relations with Regions Neighbouring the Euro Area // Euro Time Zone. 2002. December. Правда, страны, о которых идет речь, вместе взятые, производят всего 4% мирового ВВП и в основном это государства, либо географически привязанные к евро (западнобалканские, Черногория и Косово), либо входящие в зону франка Африканского финансового сообщества, но все же их доля увеличивается.

²¹ Environmental Protection, Environmental Energy and Technology. Swedish Institute. Stockholm, 2004.

²² См.: издаваемый Управлением информации по энергетике при Департаменте энергетики правительства США ежегодник «International Energy Outlook» за 2003 год (www.eia.doe.gov).

²³ The Internal Market: Ten Years Without Frontiers // European Commission. Brussels. 2003.

²⁴ См.: «Экономическое влияние расширения ЕС», исследование, проведенное Генеральным директором по финансово-экономическим вопросам, май 2001 года.

²⁵ Канада не учитывается, поскольку на ее долю приходится всего 3 % ВВП Большой семерки.

²⁶ По некоторым данным, Китай обгонит Германию к 2007, Японию — к 2015 и Америку — к 2041 году. Индия может обогнать Японию к 2032 году. К 2036 году все четыре страны — Бразилия, Россия, Индия и Китай — будут превосходить по

240

241

Леонард Марк

размерам экономики любую из западноевропейских стран. К этому времени и-з сегодняшней Большой шестерки только Америка и Япония будут по-прежнему входить в число шести стран с самой крупной экономикой в мире.

²⁷ См. публикацию банка «Леман Бразерс» от 28 апреля 2004 года: *Хьюм М., Дью Дж., Сеп-пинг С.* Построение новой Европы. (*Michael Hume, John Dew, Silja Sepping*. Building The New Europe).

²⁸ *Gordon Robert*. Two Centuries of Economic Growth: Europe Chasing the American Frontier / Centre for Economic Policy Research. London. June, 2004. Discussion Paper No. 4415.

ГЛАВА 7

¹ *Milward Alan S.* European Rescue of the Nation State. London, 1994.

² Чрезвычайно убедительный и яркий анализ законности ЕС можно найти в книге Симона Хик-са «Политическая система Европейского союза»: Нix Simon. The Political System of the European Union. 1999.

³ *Moravcsik Andrew.* In Defense of the «Democratic Deficit»: Reassessing Legitimacy in the European Union // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. No. 4. P. 607.

XXI век — век Европы

⁴ Там же.

242

⁵ *Gould Philip.* The Empty Stadium // Progressive Politics. 2003. Vol. 2.3.

⁶ См. выступление в новостях Би-би-си Ларса Бевангера от 1 мая 2003 «Очередные норвежские дебаты о ЕС». (<http://news.bbc.co.Uk/1/hi/world/europe/2991833.stm>).

⁷ Идущие в Норвегии дебаты по вопросу о членстве в ЕС все больше поляризуются, многие призывают к вступлению Норвегии в ЕС, а некоторые утверждают, что она должна выйти из европейской экономической зоны, поскольку никто не думает, что нынешнее положение может продержаться долго. Единственная причина, по которой Норвегия не вступает в ЕС, состоит в том, что она субсидирует свое сельское хозяйство на более высоком уровне, чем это допускает единая сельскохозяйственная политика Европы, и может себе это позволить только благодаря добыче нефти и газа в Северном море. Поэтому норвежские фермеры решительно настроены против присоединения к интегрированной Европе. Но такую роскошь могут себе позволить лишь немногие государства, а потому Норвегия не является примером для Великобритании.

⁸ Дебаты в палате общин по парламентскому отчету от 20 ноября 1991 года.

⁹ Это хорошо объясняется в книге Элана Мил-варда «Спасение Европой национального государства» (*Milward Alan S.* European Rescue of the Nation State. 1994).

243

ЛеонОрдМарк

¹⁰ Мой бывший коллега Том Арбатнотт более глубоко исследует этот вопрос в своем интересном памфлете «Может ли Европа спасти национальную демократию» (*Arbuthnott Tom.* Can Europe Save National Democracy. London, 2003).

¹¹ Я писал о путях введения европейской демократии в своих работах «Европейская демократия: манифест» и «Сетевая Европа», опубликованных Центром внешней политики в 2004 году.

¹² *Norman Peter.* The Accidental Constitution. Brussels* 2003.

¹³ Там же.

¹⁴ *Moravcsik Andrew.* In Defense Of the «Democratic Deficit»: Reassessing Legitimacy in the European Union // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. No. 4. P. 607.

ГЛАВА 8

¹ *De Tocqueville Alexis.* Letter from Algeria. 22 August 1837.

² По оценке Хизер Грэббе, за период с 2000 по 2004 годы Европейский союз потратил на свое расширение 67 миллиардов евро, а на Ирак — 200 миллиардов

евро. См.: Profiting from EU enlargement. CER. June 2001.

244

XXI век — чек Европы

³ Новости «Би-би-си» от 25 января 2004 года «Грузия присягает новому президенту» (<http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/3426977.stm>).

⁴ <http://www.weforum.org/site/knowledgen-avigator.nsf>

⁵ Цитируется по материалам Института по исследованиям средств массовой информации Ближнего Востока от 24 декабря 2003 года: «Арабские журналисты завидуют грузинской политической революции: тбилисская весна, арабская зима».

⁶ Там же.

⁷ Цитируется по материалам Института по исследованиям средств массовой информации Ближнего Востока от 6 января 2003 года: «Реакция арабских средств массовой информации на инициативу партнерства США — Ближний Восток. Часть I: Точки зрения оппонентов».

⁸ *Mortimer Edward, Francis Ghiles*. The discreet intermediary. Financial Times. 28 October 1994.

⁹ Ян Зилонка утверждает, что «глобализация и взаимная зависимость могут сделать затраты на контроль потоков товаров, капиталов, услуг и людей через границы непомерно высокими... а ощущение "осажденной крепости" подрывает согласованность действий, моральный авторитет и международное доверие к ЕС». В книге: *Zielonka Jan*. Europe Unbound; Enlarging and Reshaping the Boundaries of European Union. London, 2002.

245

Леонард Марк

¹⁰ *Giegerich Bastian, William Wallace*. Not Such a Soft Power: The External Deployment of European Forces // Survival. 2004;

¹¹ Там же.

¹² <http://www.eubusiness.com/imported/2003/01/102393/>

¹³ В марте 2003 года Еврокомиссия опубликовала примечательный документ, имевший целью претворить эту концепцию в действительность: «Расширенная Европа — соседние страны: новая основа для отношений с нашими восточными и южными соседями».

¹⁴ *Yourigs Richard*. European Policies for Middle East Reform: A Ten Point Action Plan. London, 2004.

¹⁵ *Johnson Chalmers*. The Arithmetic of America's Military Bases Abroad: What Does It All Add Up To? History News Network. 19 January 2004 (<http://hnn.us/articles/3097.html>).

ГЛАВА Э

¹ CIA World Factbook. 2004. <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ch.html#Econ>

246

XXI век — век Европы

² *Ramo Joshua*. The Beijing Consensus. London, 2004. Эта блестящая работа знакомит с новым мышлением Китая и показывает, что успех и идеи этой страны уже сейчас оказывают более сильное влияние, чем ее экономическое и военное могущество.

³ *An Qing*. China Peaceful Rising Spin Doctor's Antidote to China Threat //

BOAO Forum for Asia. 22 April 2004. <http://en.chinabroadcast.cn/i325/2004-4-23/20@Ю5774.htm>.

⁴ Бывший президент Китая Чжан Цземин, выступая в Кембридже 22 октября 1999 года, много говорил о необходимости «возрождения» Китая.

⁵ Jury out on effect of WTO // China Daily. 8 November 2002
http://www.chinadaily.com.cn/chinagate/doc/2002-11/08/content_249310.htm.

⁶ *Ching Frank*. China's actions must match its words // *Business Times*. 27 February 2004. Singapore.

⁷ *Xuetong Yan*. Foreign policy for regional stability // *Beijing Review*.

⁸ Краткие соображения по поводу изменения выражения «мирный подъем» см. в статье: *Evan S. Medeiros*. China Debates its «Peaceful Rise» Strategy // *YaleGlobal*. 22 June 2004.

247

Леонард Марк

⁹ *Radtke Robert W*. China's «Peaceful Rise» overshadowing US influence in Asia? // *Christian Science Monitor*. 8 December 2003.

¹⁰ http://encarta.msn.com/encyclopedia_761573055_11/China.html#endads

¹¹ *Ramo Joshua*. The Beijing Consensus. London, 2004.

¹² Ли Чжаосин выступал на шестой встрече министров иностранных дел стран АСЕМ в графстве Килдаре в 2004 году.

¹³ *Orestnan Matthew*. Catching the Shanghai Spirit // *Foreign Policy*. 1 May 2004. No. 142. P. 78.

¹⁴ *Sneider Daniel*. China's stunning ascent // *San Jose Mercury News*. 23 March 2004.

¹⁵ Bill Clinton: America should lead, not dominate // *Tribune Media Services International*. 19 December 2002. <http://www.iht.com/articles/80709.html>

ГЛАВА Ю

¹ *Aron Raymond*. The Imperial Republic: The United States and the World 1945-1973. New Jersey, 1974.

248

XXI век — век Европы

² *Carton Ash Timothy*. Free World: Why a Crisis of the West Reveals the Opportunity of Our Time. 2004.

³ China to diversify foreign exchange reserves // *China Business Weekly*. 5 August 2004.

⁴ Сообщение агентства Рейтере от 13 ноября 2004.

⁵ *Usborne David*. Dire States: Americans are used to resentment of their global dominance. *The Independent*. 15 December 1996.

⁶ *Daadler Luo, Lindsay James*. An Alliance of Democracies // *The Washington Post*. 23 May 2004.

⁷ Филантроп и борец за права человека, Джордж Сорос возглавлял движение за превращение «сообщества демократий» в эффективное фракционное совещание в Организации Объединенных Наций для введения в действие принципа, согласно которому к демократическим государствам в международной системе было бы другое (и лучшее) отношение, чем к недемократическим. Один из его сотрудников, Томас Пелли, составил интересный документ, в котором утверждается, что членство в сообществе демократий будет критерием, которому страны должны соответствовать, чтобы пользоваться помощью американского правительственного фонда «Задачи тысячелетия».

⁸ <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/ameri-cas/3568548.stm>

¹ <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/america3517106.stm>

² См. сообщение Гуэрреро М. Э. от 9 июля 2004 года «Триумф Венесуэлы в МЕРКОСУРе» на сайте Venezuelanalysis.com.

³ *Reid Michael*. Mercosur: a critical overview // Chatham House. 2002.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Dervis Kemal*. Better globalization perspective on legitimacy reform and global governance // Centre for Global Development.

⁷ Я благодарен Стефани Гриффит Джонс за то, что она обратила на это мое внимание.

⁸ Статья 5 Устава ООН.

⁹ Я благодарен моему коллеге Ричарду Гоуэну, который подробно объяснил это в своей статье «ЕС, региональные организации и безопасность: стратегические партнеры или удобные алиби?» (*Richard Gowan*. The EU, Regional Organisations and Security: Strategic Partners or Convenient Alibis? // *Egmont Paper No. 3: Audit of European Strategy*, Royal Institute for International Relations. Brussels, 2004.)

250

XXI век — век Европы

¹⁰ Более подробно я анализирую эти вопросы в работе «Глобальная Европа: применение европейской стратегии безопасности» («Global Europe: Implementing the European Security Strategy», 2004), написанной совместно с моим коллегой Ричардом Гоуэном.

¹¹ *Slaughter Ann-Marie*. A New World Order. New Jersey, 2004.

Леонард Марк

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

ГЛАВА 1 Незримая рука Европы 17

ГЛАВА 2 «Порознь мы выстоим,
вместе — падём» 35

ГЛАВА 3 Оружие Европы — закон 56

ГЛАВА 4

Революционная сила пассивной агрессии 77

ГЛАВА 5 Европейский способ

ведения войн 89

ГЛАВА 6 Стокгольмский консенсус 107

ГЛАВА 7 Сохранение национальных
демократий в Европе 133

XXI век — век Европы

ГЛАВА 8 Европа-50 152

ГЛАВА 9 Брюссель и Пекинский консенсус 170

ГЛАВА 10 Конец американского
мирового порядка 185

ГЛАВА 11

«Эффект домино» в регионах мира 205

Приложение 218

Выражение благодарности	220
Примечания	227